

Книга выдающегося российского ученого **Т.М. Дридзе (1930-2000)** **“Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации”** давно уже стала библиографической редкостью - и потому, что выпущена довольно давно, в 1984 году, и - потому что у многих из тех, кто ею пользовался, она, что называется, ”зачитана до дыр”. Во всяком случае, лично у меня ее пожелтевшие листочки уже давно рассыпались и теперь “живут” в отдельной папке, которые каждый учебный семестр я, тем не менее, со всеми мерами предосторожности показываю студентам. Кое-кому еще удастся найти эту книгу в библиотеках, но с каждым годом сделать это становится все труднее. Поэтому решение “перевести” книгу на электронный носитель оказалось естественным решением ситуации. Стоит, наверное, сказать, что в трудоемкой работе по сканированию и редактированию (отсканированного материала) добровольно и бескорыстно участвовали студенты, аспиранты, преподаватели и научные сотрудники.

Теперь о том, чем же так ценна эта книга. Здесь сформулированы основные положения одной из разработанных Т.М. Дридзе парадигм - парадигмы **семиосоциопсихологической**, дающей принципиально новые возможности изучения и понимания взаимообращенных процессов, происходящих между человеком и его информационной средой. Гуманитарный заряд этой научной концепции направлен на достижение **понимания и взаимопонимания** между людьми, на создание **диалогического коммуникативного пространства между коммуникантами**.

В книге дается также описание разработанного в рамках семиосоциопсихологической парадигмы оригинального, не имеющего аналогов в мире исследовательского метода - **метода мотивационно-целевого, или интенционального анализа процессов общения**, являющегося реальным, работоспособным исследовательским и аналитическим инструментом, позволившим, в свою очередь, зафиксировать ряд принципиально важных научных открытий, в том числе - возможность **дифференциации аудитории по коммуникативным навыкам** (имеются в виду так называемые **социоментальные группы**, или **“группы сознания”**), взаимосвязь между **социоментальными характеристиками** людей и их **“картинами мира”** и т.д.

Данный метод позволяет проводить и разнообразные исследования прикладного плана, направленные, например, на повышение профессионального мастерства коммуникатора, совершенствование его имиджа, устранение причин так называемых **“коммуникативных сбоев”** и т.д. Главное же, что позволяет данный метод, связано с возможностью использования исследовательских результатов для **социальной диагностики** и **социального проектирования** информационной среды, иными словами - для задач

социально ориентированного управления. Этот метод неоднократно и успешно применялся для анализа материалов СМК, в правовой сфере, в педагогике и т.д.

...Много лет годы проработала Тамара Моисеевна Дридзе в Институте социологии РАН, и все, кто ее знал, могут сказать, что вся ее жизнь была научным и человеческим подвигом. Всегда бодрая, доброжелательная, красивая (и не только внешне), не жалеющая ни времени, ни сил, ни даже здоровья – для науки и для того, что она сама называла “малыми делами”: обсудить например, с аспирантом в свой выходной его успехи, править ночами статьи для сборника, взять в дом отдыха рукопись... То, что сделала она для гуманитарного знания, еще долго будет будоражить умы пытливых исследователей: ее мысль была нацелена на решение глобальнейших проблем, важных для судеб человечества.

Неизмеримо много дарила она своим коллегам и ученикам. И, не сомневаюсь, будет продолжать дарить – тем, кто обратится к ее текстам...

Т.З. Адамьянц

P.S. Для тех, кто интересуется семиосоциопсихологической парадигмой, приводим электронные адреса работ, которые можно найти в сети Интернет:

Т.М. Дридзе

Информация о персоне:

Дридзе Тамара Моисеевна - доктор психологических наук, профессор социологии, главный

научный сотрудник Института социологии РАН.

http://www.isras.ru/?page_id=538&id=382

Дридзе Т.М.

Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики / Социальная коммуникация и социальное управление в эоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигме. М., ИС РАН, 2000.

Дридзе Т.М.

К преодолению парадигмального кризиса в социологии

<http://ons.gfns.net/2000/5/13.htm>

Дридзе Т.М.

Социальная коммуникация и культура в эоантропоцентрической парадигме /

"В Контексте Конфликтологии..." - Сборник научных трудов, выпускаемый Социологической Школой Конфликтологии при Институте Социологии Российской Академии Наук. / «В Контексте Конфликтологии...» Выпуск №1 1997 год /

<http://www.conflictmanagement.ru/text/?text=37>

Адамьянц Т.З.

Программа учебной дисциплины "Основы медиакультуры" / Сост. Т.З. Адамьянц. ГУУ. - М., 2002.

<http://www.guu.ru/info.php?id=876>

Адамьянц Т.З.

Особенности и тенденции современных коммуникационных процессов / Российское общество и социология в XXI веке: вызовы и альтернативы. Материалы II Российского социологического конгресса. М., МГУ, 2004.

<http://lib.socio.msu.ru/l/library?e=d-000-00---0kongress--00-0-0-0prompt-10---4-----0-11--1-ru-50---20-about---00031-001-1-0windowsZz-1251-00&cl=CL1&d=HASH60ac466bfc604060d8fb8f.1.2&x=1>

Шилова В.А.

О семиосоциопсихологическом подходе к изучению процессов коммуникации / Российское общество и социология в XXI веке: вызовы и альтернативы. Материалы II Российского социологического конгресса. М., МГУ, 2004.

<http://lib.socio.msu.ru/l/library?e=d-000-00---0kongress--00-0-0-0prompt-10---4-----0-11--1-ru-50---20-about---00031-001-1-0windowsZz-1251-00&a=d&cl=CL1&d=HASH60ac466bfc604060d8fb8f.2.2>

Шилова В.А.

Семиосоциопсихологическое исследование материалов СМК как способ диагностики конфликта

"В Контексте Конфликтологии..." - Сборник научных трудов, выпускаемый Социологической Школой Конфликтологии при Институте Социологии Российской Академии Наук. / «В Контексте Конфликтологии: диагностика и методология управления конфликтной ситуацией» Выпуск N3 2000 год / <http://www.conflictmanagement.ru/text/?text=144>

Иванов В.Е.

Об особенностях реализации функции социального управления в Интернете (на примере сайта <http://www.e-government.ru>) / Интернет и российское общество. М., Центр Карнеги, 2002.

<http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/volume/66600.htm>

Дети и проблемы толерантности. Сборник научно-методических материалов. Отв. ред. Т.З.

Адамьянц. М., ИС РАН, 2003.

<http://www.tolerance.ru>

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Глава 1

СЕМИОСОЦИОПСИХОЛОГИЯ КАК НАПРАВЛЕНИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

- § 1. Общение как составляющая механизма социального взаимодействия
- § 2. Знаковое общение как фактор формирования общественной психологии
- § 3. Философско-методологические и конкретно-научные предпосылки семиосоциопсихологии
- § 4. Теоретико-методологические основания и предмет семиосоциопсихологии

Глава 2

ТЕКСТОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ЗНАКОВОГО ОБЩЕНИЯ

- § 1. Социально-психологическая семиотика и текстовая деятельность
- § 2. Текстовая деятельность в структуре знакового общения
- § 3. Интерпретационные характеристики и семиосоциопсихологическая типология текстов

Глава 3

ТЕКСТ КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ СМЫСЛОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ ОБЩЕНИЯ

- § 1. Общие принципы информативно-целевого (мотивационно-целевого) подхода к анализу текста
- § 2. Текст как иерархия коммуникативно-познавательных программ.
- § 3. Информативно-целевой (мотивационно-целевой) анализ больших текстовых массивов

Глава 4

СЕМИОСОЦИОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТНОГО СОЗНАНИЯ

- § 1. Личностное сознание как функциональный базис текстовой деятельности
- § 2. Влияние содержательных и экспрессивных характеристик языкового сознания на смысловую интерпретацию. Уровень семиосоциопсихологической подготовки как фактор функционирования смысловой информации

Глава 5

ПЛАНИРОВАНИЕ И ПРОВЕДЕНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТОВ ПО АПРОБАЦИИ СЕМИСОЦИОПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ОБЩЕНИЯ

- § 1. Динамическая знаковая модель общения как основание семиосоциопсихологических исследований
- § 2. Эксперимент в обосновании семиосоциопсихологической теории общения
- § 3. Планирование и проведение апробационных экспериментов на материалах массовой коммуникации

Глава 6

ТЕОРИЯ И ЭКСПЕРИМЕНТЫ

- § 1. Семиосоциопсихологическая структура аудитории
- § 2. Состав семиотических групп: субъективные и объективные характеристики
- § 3. Итоги анализа данных, полученных методом семантического дифференциала
- § 4. Некоторые особенности информационно-потребительского поведения аудитории
- § 5. Информативность текстовых материалов и «эффект смысловых ножниц» в знаковом общении

Глава 7*

ПОВТОРНЫЕ СЕМИСОЦИОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ

- § 1. Управление гласностью социалистического соревнования в трудовых коллективах
- § 2. Пути управления учебным процессом
- § 3. Механизм правового регулирования
- § 4. Научная коммуникация

Глава 8*

ЗНАКОВОЕ ОБЩЕНИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

* Глава 7 и Глава 8 находятся в стадии подготовки к публикации в сети Интернет

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Т. М. Дридзе

**ТЕКСТОВАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В СТРУКТУРЕ
СОЦИАЛЬНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

**ПРОБЛЕМЫ
СЕМИОСОЦИОПСИХОЛОГИИ**

Ответственный редактор
доктор философских наук,
профессор И. Т. ЛЕВЫКИН

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1984**

В монографии представлен понятийный аппарат, система методов и практических приложений нового научного направления — семиосоциопсихологии. Представлены и проанализированы основные вопросы, связанные как с функционированием текстов в структуре общения, так и с теорией семиосоциопсихологических групп, намечены подходы к совершенствованию знаковой коммуникативно-познавательной деятельности социальных субъектов.

Для социологов, социальных психологов, специалистов в области теории управления и научно-информационной деятельности.

ИСКУССТВО ОПЕРИРОВАТЬ ПОНЯТИЯМИ НЕ ЕСТЬ НЕЧТО ВРОЖДЕННОЕ И НЕ ДАЕТСЯ ВМЕСТЕ С ОБЫДЕННЫМ, ПОВСЕДНЕВНЫМ СОЗНАНИЕМ. А ТРЕБУЕТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ, КОТОРОЕ ТОЖЕ ИМЕЕТ ЗА СОБОЙ ДОЛГУЮ ЭМПИРИЧЕСКУЮ ИСТОРИЮ, СТОЛЬ ЖЕ ДЛИТЕЛЬНУЮ, КАК И ИСТОРИЯ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДЫ.

Ф. Энгельс

ВВЕДЕНИЕ

Возросшие масштабы производства, усложнившиеся экономические и социальные связи в условиях современной научно-технической революции предъявляют особые требования к организованности и слаженности в работе всех звеньев экономической и социальной организации общества, ко всей системе социального управления. Исключительное значение способов реализации людьми разнонаправленных социальных связей для эффективного ведения общественного производства подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс. В работе «Наемный труд и капитал» они указывали, в частности, на то, что люди «не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью»¹. Соединению людей для совместной деятельности, согласованию совместных действий, а значит, эффективному взаимодействию социальных субъектов способствует один из основных видов социальной коммуникации - знаковое общение. Знаковое общение как способ обмена особым, текстуальным образом организованной смысловой информацией представляется поэтому одной из важнейших, хотя пока еще малоизученных социально-психологических «составляющих» комплексного механизма социального взаимодействия личностей, групп, организаций и социальных институтов.

Эта «составляющая» опосредует различные формы реализации социальных отношений и связей. Вот почему исследования знакового общения крайне необходимы для дальнейшего совершенствования социалистического образа жизни; для формирования нравственных установок и такой организации деятельности и поведения индивидов и групп, которая отвечала бы принятым в социалистическом обществе социальным ценностям; для эффективной реализации комплексов целенаправленных управленческих воздействий на уровне не только общества в целом, но и различных подсистем².

О важности подобных исследований свидетельствует все возрастающий поток работ по самым различным аспектам проблематики, связанной с общением. В литературе особенно заметно стремление исследователей осмыслить познавательные возможности самого понятия

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 441

² См.: Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 201.

«общение», поскольку именно сейчас в эпоху научно-технической революции крайне актуальной представляется постановка вопроса о том, как сохранить «исправным» механизм взаимодействия между людьми, выработать и укрепить «иммунитет» к темпам, задаваемым современными технико-экономическими условиями жизнедеятельности человека. Один из путей решения этой проблемы — совершенствование культуры знакового общения, обучение «технологии» ведения диалога, формирование внимательного отношения к партнеру по общению, выработка установок и навыков адекватной интерпретации коммуникативных замыслов, которые в равной мере стремятся донести до нас наши собеседники, в том числе отделенные от нас временем и пространством. Навыки мотивированного и целенаправленного оперирования элементами смысловой информации, умение отбирать и постигать главное — необходимое условие продуктивной социальной деятельности, четкого взаимодействия различных звеньев общественного организма, отвечающего современным требованиям.

Таким образом, интерес к проблематике, связанной со знаковым общением, которому в последние годы уделяют все больше внимания специалисты по социальной и общей психологии, социологии и философии, не случаен. Он отвечает насущной социальной потребности в постижении глубинных, внутренних, в частности социально-психологических, механизмов осуществления тех или иных социальных закономерностей и лежащих в их основе социальных процессов, в выявлении способов включения субъективного фактора в социальную практику и общественную историю.

Немаловажное значение для формирования раскрываемого в этой книге направления комплексных междисциплинарных исследований имеют, как уже отмечалось, работы, в той или иной связи затрагивающие проблемы общения, и прежде всего тот факт, что общение давно привлекает к себе внимание специалистов самых различных областей науки. Категориальный смысл понятия «общение», восходящий к работам К. Маркса и Ф. Энгельса³, а также связанная с общением проблематика постоянно рассматриваются в общепсихологических, социально-психологических и философских работах. Общение оказывается в центре внимания лингвистических, психолингвистических работ, а также работ по теории культуры.

Конкретные стороны общения изучаются специалистами в областях педагогики и методики обучения, массовой коммуникации, социологии театра, теории и практики журналистского мастерства и рекламного дела, а также управления и информационного обеспечения.

---

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 428-459; т. 3, с. 7-544.

Так, вопросы формы, содержания и функций общения рассмотрены в целом ряде работ, посвященных особенностям восприятия мышления, личностного опыта и интеллекта. Они исследуются с проблемами информационного воздействия, формирования общественного мнения, выработки и принятия групповых решений, налаживания межличностных и межгрупповых контактов, сплачивания групп и коллективов и т. д. Согласно отечественной социально-психологической и социально-философской традиции общение, как правило, рассматривалось и рассматривается в контексте общественного производства, общественных отношений, деятельности и взаимодействия людей.

Разрабатывая проблемы общения, специалисты разных областей знания, как правило, в той или иной мере обращаются к исследованиям знаковых процессов. Вопрос о месте языка в общественной деятельности все чаще ставится и за пределами лингвистики, в рамках философии и социологии, общей и социальной психологии, кибернетики и информатики, а также других дисциплин. Этим в известной мере объясняется и то, что все большее число специалистов, которых интересуют языковые явления не сами по себе, а в связи с их включенностью в общественно-практическую деятельность людей, не только соглашались (возможностью рассмотрения лингвистики в качестве определенного раздела семиотики (общей теории знаковых систем), но и стремятся к изучению знаковой деятельности не иначе как в системе предметного, мотивированного и целенаправленного человеческого общения, в свою очередь выступающего в качестве важнейшего компонента механизма обмена материально-практической деятельностью между социальными субъектами.

В этой утверждающей себя в настоящее время традиции знаки и символы, знаковые и символические структуры, знаковые и символические системы рассматриваются как возникающие для целей общения и в ситуациях общения, будучи заведомо ориентированы на восприятие и интерпретацию, т. е. на определенное место в коммуникативно-познавательной, а значит, и в материально-практической деятельности людей.

Нет сферы человеческой деятельности, которая не могла бы быть рассмотрена сквозь призму общения, не говоря уже о том, что и само общение, опосредованное знаками, все более кристаллизуется в самостоятельную деятельность с определенной психологической структурой, с собственной стратегией решения тех или иных коммуникативно-познавательных задач. Все более актуальной становится вся связанная с ним социально-практическая проблематика. Естественно, что в сферу внимания отдельных дисциплин попадают в основном те аспекты общения, которые теснее всего связаны с предметом каждой из них.

Так, лингвисты, акцентируя внимание на языке как системе, абстрагируются от общения как социально-психологического механизма, лежащего в основе обмена материально-практической деятельностью. Философы и социологи, нередко приравнивая общение к производственному отношению, что отнюдь не вытекает из работ основоположников марксизма⁴, отвлекаются тем самым от социально-практической стороны общения как деятельности и как «способа актуализации общественных отношений»⁵. Социальные психологи, нередко трактующие общение как взаимодействие, по существу лишают его той конкретной специфики, которая позволила бы не только анализировать общение как один из ключевых социальных механизмов, но и ставить вопрос об управлении процессами, связанными с ним.

Расширение предмета любой устоявшейся дисциплины с развитым аналитическим аппаратом, как правило, малоэффективно для развития знания и редко приводит к желаемому результату, если в качестве такового мыслится решение проблем, выходящих за ее рамки. Необходимо преодолеть «понятийный плен», нарушив границы традиционной предметной области, выйти за очерченные категориальные рамки, взглянуть иными глазами (под углом зрения поставленной проблемы) на изучаемый объект, мысленно восстановив его аналитически расчлененную сущность. После этого следует объединить свои усилия с другими «узкими» специалистами, которые тем или иным способом вышли с тем же вопросом на тот же объект из других областей знания, — такая перспектива представляется автору наиболее обнадеживающей.

Преодолеть различия в подходах к знаковому общению, обусловленные разделением научных дисциплин, можно лишь рассматривая его как сложный социальный феномен, требующий для своего раскрытия не столько междисциплинарных исследований, сколько исследований комплексных на основе интеграции накопленных знаний о нём. Такая интеграция может достигаться, в частности, на основе теоретико-методологического принципа единства сознания и деятельности, включающего в себя личностный подход к человеку. Этот принцип является интегративным по своей природе, поскольку применительно к познавательным операциям он предполагает «сведение» разноаспектных знаний о субъекте деятельности к некоторому «общему знаменателю».

«Понятие „деятельность" является „сквозным" и для общей психологии, исследующей закономерности психической деятельности субъекта, и для социальной психологии и социологии, объектом которых является уже не только и не столько индивидуальный, сколько общественный субъект в виде различных типов социальных общностей», — пишет Л. П. Буюва⁶. «Сложность понятия,— отмечает она далее,— предполагает многоуровневое раскрытие его содержания и

---

⁴ См.: Леонтьев А. А. Психология общения. Тарту, 1974, с. 29-41.

⁵ Там же, с. 39.

⁶ Буюва Л. П. Человек: деятельность и общение. М., 1978, с. 61.

построение “модели деятельности”, а также вычленение элементов структуры целостного процесса в единстве его объективных и субъективных, материальных и идеальных компонентов»⁷.

Всё сказанное выше в данном конкретном случае относится прежде всего к проблемам знакового общения, связанным, в свою очередь, с восприятием, пониманием, истолкованием текстов как единиц общения. Месту текста в структуре социальной коммуникации необходимо уделить особое внимание, поскольку с порождением, восприятием и истолкованием текстов в ходе знакового общения соотносятся критерии оценки взаимопонимания людей в различных ситуациях. От степени такого взаимопонимания, как отмечалось выше, зависит эффективность совместной целно-практической деятельности людей, а также адекватность тех или иных управленческих решений, принимаемых на с уровнях социальной организации общества, задачам этой деятельности.

Вне порождения и интерпретации текстов немислим обмен знаниями и опытом, умениями и навыками, эмоциями, ценностями, идеалами и нормами — этими важнейшими ориентирами человеческой деятельности, не говоря уже о том, что сами эти ориентиры рождаются, поддерживаются, а порой и устраняются именно текстовой деятельностью. В текстовой деятельности актуализирует себя практическое (т. е. непосредственно включенное в деятельность) сознание, формируется общественное мнение.

Все люди так или иначе интерпретируют тексты, в чем-то по-разному ощущая «текстовую действительность», порой обогащая, а порой и обедняя ее.

Сам принцип формирования культуры и общественного сознания - от зарождения идей до их общественного утверждения - невозможен вне социальной коммуникации, а значит, и вне текстовой деятельности социальных субъектов. Индивидуальные и групповые концепции человеческой деятельности прошлого, настоящего и будущего находят свое воплощение в текстах технологического, идеологического, политического и другого характера, в научных и литературных сочинениях, в произведениях искусства. Участъ таких концепций различна. Одни исчезают из поля зрения культуры и общественного сознания порой бесследно, а иногда чтобы возродиться позднее усилиями их интерпретаторов; другие, толкуемые в духе времени, канонизируются, превращаясь в ценностные или нормативные образцы. Немаловажная роль в этом выпадает на долю разного рода комментаторов, просветителей и популяризаторов, на долю мощных потоков массовой информации.

Сложившиеся образцы (модели деятельности и поведения, модели оценок и пр.) возвращаются в ходе общения сфере индивидуального сознания (индивидуальных мотивов-целей), которая их принимает, отвергает, преодолевает... Такова динамика этого процесса.

---

⁷ Там же.

Семиосоциопсихология, рассматриваемая в работе как новое комплексное направление междисциплинарных исследований, акцентирует свое внимание на текстовой деятельности. Особая роль этой деятельности, как уже отмечалось выше, состоит в том, что она не только сопутствует всем другим видам деятельности человека, пронизывая их, связывая их в единое целое, но оказывается еще самостоятельно мотивированной и целенаправленной предметной деятельностью.

Главная цель этой книги состоит в том, чтобы сформулировать и обосновать предмет, понятийный аппарат и систему методов этого нового направления, призванного комплексно изучать особенности и социально-практические последствия знакового общения как исторически выработанной системы способов транслирования смысловой информации, организованной особым, текстуальным образом, и на основе этих методов получить новое знание о ходе протекающих в обществе коммуникативно-познавательных процессов.

Это потребовало от автора решения целого ряда задач:

раскрытия философско-методологических и конкретно-научных теоретических оснований, предмета, методов и возможной сферы приложения семиосоциопсихологических исследований общения;

выявления места знакового общения, реализуемого в форме текстовой деятельности, как фактора формирования общественной психологии и обоснования органической связи предмета семиосоциопсихологии с предметом социальной психологии;

разработки основ семиосоциопсихологической теории текста, трактующей последний как единицу общения (а не языковую единицу) с иерархически организованной смысловой структурой, отражающей не только исполнительную, но и ориентировочную фазу мотивированной и целенаправленной текстовой деятельности;

разработки методик мотивационно-целевого (информативно-целевого) анализа смысловой структуры текста, ориентированных на выявление коммуникативно-познавательных мотивов и целей знакового общения как компонента содержательного механизма социального взаимодействия;

разработки семиосоциопсихологических оснований для типологии субъектов знакового общения, реализуемого в форме текстовой деятельности, а также в практическом осуществлении варианта такой типологии;

обоснованного (т. е. подкрепленного данными экспериментально-эмпирического изучения соответствующих социально-психологических фактов и их соотношением с результатами других научных работ, касающихся данной проблематики) перехода от частных концептуальных моделей процессов знакового общения к фундаментальной эвристической

системной модели социально-психологических процессов, связанных с коммуникативно-познавательной деятельностью социальных субъектов.

Решение этих задач составило этапы исследования. Оно позволило автору обозначить объект и предмет семиосоциопсихологии, разработать и операционализировать ее понятийный аппарат, а также предложить конкретные экспериментальные методики, которые могут быть модифицированы применительно к любой сфере социальной коммуникации, если таковая стала объектом семиосоциопсихологического исследования.

Глава 1

СЕМИСОЦИОПСИХОЛОГИЯ КАК НАПРАВЛЕНИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

---

§ 1. Общение как составляющая механизма социального взаимодействия

В Отчете ЦК КПСС XXVI съезду партии подчеркивалось, что «в период развитого социализма завершается перестройка всех общественных отношений на внутренне присущих новому строю коллективистских началах. Эта перестройка охватывает и материальную и духовную сферу, весь уклад нашей жизни»¹. Иными словами, становление и развитие социалистического образа жизни происходят как изменение целого ряда черт в структурах и содержании жизнедеятельности людей, в их отношении друг к другу, в способах их социального взаимодействия как в производственной, так и во внепроизводственной сферах под влиянием социально-экономических условий развитого социализма и в соответствии с его принципами и нормами².

Развитой социализм порождает новые возможности для совершенствования всех условий и форм жизнедеятельности людей. Касаясь вопроса об общении как одном из факторов формирования всей системы жизнедеятельности, следует отметить, что изучать образ жизни — это значит исследовать, «как, каким образом природа той или иной общественно-экономической формации реализуется в конкретной жизнедеятельности целого народа, классов, отдельных индивидов»³, каковы наиболее типичные способы и характер действий людей.

Каждому уровню социальной организации общества (формационному, институциональному, организационно-управленческому, коллективно-групповому, личностному) соответствует свой социальный субъект. Субъектом деятельности, общения и взаимодействия с другими людьми оказывается уже не просто индивид, но, как уже отмечалось выше, личность или совокупный социальный субъект (социальный класс, социальный слой, социальная общность; социальный институт или социальная организация; коллектив или группа), включенный в складывающийся в рамках данного способа производства мир общественных связей. От уровня к

---

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 57.

² См.: Дридзе Т. М., Орлова Э. А., Райкова Д. Д. Теоретико-методологические аспекты исследования общения и обособления в структуре образа жизни. – Филос. науки, 1981, №6.

³ Методологические вопросы науки. Саратов, 1978, вып. 6, с. 141.

уровню социальной организации общества социальный субъект интегрирует в себе все большее число социально значимых характеристик, усложняется, преобразуясь качественно.

Изучение того, каким образом в условиях развитого социализма организуют социальные субъекты свое «жизненное пространство», как они действуют и как обмениваются деятельностью в тех или иных конкретных ситуациях взаимодействия, возникающего между субъектами одного или разных уровней социальной организации общества, позволит более глубоко познать особенности социалистического образа жизни. Стоящие перед общенародным социалистическим государством задачи совершенствования социалистических общественных отношений и их преобразования в коммунистические⁴ предполагают не только изучение, но и формирование адекватного этим целям советского образа жизни. А это требует по возможности наиболее глубокого постижения формирующих его социальных и социально-психологических механизмов. Общение является одной из важнейших социально-психологических составляющих механизма формирования образа жизни, всех протекающих в обществе социально-культурных процессов. В этом качестве оно реализуется как существенное условие совместной деятельности людей и как одна из «сопутствующих» или самостоятельных форм их жизнедеятельности.

Кооперируясь для совместной материально-практической деятельности, люди общаются. Именно общение позволяет осуществлять взаимодействие как обмен деятельностью, оказывая заметное влияние на его исход. Общение как «способ внутренней организации и внутренней эволюции общества как целого, процесс, при помощи которого только и может осуществляться развитие общества, ибо это развитие предполагает постоянное динамическое взаимодействие общества и личности»⁵, требует к себе пристального внимания социологов и социальных психологов. Категория «общение» нуждается в такой теоретической разработке, которая могла бы привести к операционализации понятия, позволяющей перейти к конкретным социологическим и социально-психологическим исследованиям.

Анализируя один из аспектов понятия «общение», впервые включенного в систему исторического материализма в «Немецкой идеологии», А. А. Леонтьев указывает на то, что исследователям, не отличающим указанное понятие (в оригинале «Verkehr») от понятия «производственное отношение», следовало бы внимательнее вчитаться как в названную работу, так и в другие работы К. Маркса и Ф. Энгельса.

---

⁴ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977, с. 6.

⁵ Леонтьев А. А. Психология общения. Тарту, 1974, с. 17.

Как отмечает Леонтьев, понятие общения позволило установить диалектическую связь между развитием общественных отношений и способом их актуализации, сосредоточить внимание на способе превращения общественного отношения в форму «действительного отношения»⁶.

Общение не совпадает ни с материальными, ни с идеологическими общественными отношениями, но содержательно детерминируется первыми и самым непосредственным образом участвует в формировании, поддержании и развитии вторых, поскольку конкретные индивиды всегда «вступают в общение между собой не как чистые Я, а как индивиды, находящиеся на определенной ступени развития своих производительных сил и потребностей, и так как это общение, в свою очередь, определяло производство и потребности...»⁷.

Образ жизни формируется в процессе совместной деятельности и взаимодействия индивидов и групп. Именно общение дает возможность индивиду и группе соотносить свои действия и поведение с действиями и поведением других индивидов и групп. В процессе общения (как непосредственного, так и опосредованного развитыми в современном обществе системами коммуникации) происходит усвоение людьми социального и культурного опыта, который включается ими в повседневную жизнедеятельность. Процессы общения способствуют формированию и поддержанию различных групповых и организационных структур, они же влияют на изменение и разрушение последних. В этом смысле общение — важный движущий механизм, влияющий на структуру и содержание образа жизни различных социальных субъектов⁸.

Вместе с тем общение все чаще становится источником социальных проблем. Распространение формального и поверхностного стиля общения не только в сфере труда, но также в сферах общественной и даже личной жизни людей, объективно обусловленное многочисленностью их контактов, порождает серьезное социально-психологическое противоречие. Суть его в том, что способы общения нередко перестают соответствовать насущным потребностям и ожиданиям людей. Отсюда — чувство одиночества и изоляции у одних и ощущение перегруженности своего образа жизни ненужными, нежелательными контактами у других.

Между тем в условиях социализма имеются богатые возможности для совершенствования стиля общения применительно ко всем без исключения сферам

---

⁶ Там же, с. 29-41. См. также о соотношении понятий «общение» и «общественные отношения»: Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971, с. 187-199; Буева Л. П. Человек: деятельность и общение. М., 1978, с. 110-136; Яблокова Е. А. Общественные отношения и общение. — В кн.: Социально-психологические и психолого-педагогические проблемы общения. М., 1981, с. 49-56; и др.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 439-440.

⁸ Ср. Ломов Б. Ф. Общение как проблема общей психологии. — В кн.: Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975, с. 130.

социальной коммуникации, несмотря на то, что, связанные с взаимопониманием и ответственностью перед партнером по общению и взаимодействию, они всегда останутся первостепенными и непреходящими по их значимости. Изучение общения в связи с образом жизни предполагает анализ различных форм, функций и типов межличностного общения, поскольку и социальные институты в качестве субъектов наиболее сложно организованных форм общественной деятельности используют формы межличностного общения.

Сказанное подразумевает необходимость изучения не только ситуационных форм общения, но и внеситуационных (не зависящих от той или иной конкретной ситуации, универсальных), т. е. фундаментальных, глубинных характеристик, обуславливающих специфику коммуникативно-познавательных процессов, поскольку в общении люди осваивают культурные ценности на уровне повседневной практики. Они отбирают и сопоставляют наиболее существенные для себя элементы, выстраивая их в индивидуальные, групповые и общественные системы ценностей. В ходе общения идет и обратный процесс — обогащения общественных и групповых нормативно-ценностных систем за счет индивидуальных инноваций. Усваивая социокультурный опыт в материально-практической деятельности и в общении, индивиды не только сохраняют устоявшиеся черты такого опыта, но и преобразуют и обогащают его, преодолевая устаревшие нормы и стереотипы. В обоих названных видах деятельности, являющихся формой связи индивидов с окружающим их миром, актуализуется интеллектуально-мыслительная активность людей, их образ мыслей, их «мировидение».

Состояние системы социальной коммуникации — важный показатель социально-психологического самочувствия людей. Поэтому представляется целесообразным включить в систему показателей социалистического образа жизни и такие, которые позволили бы сравнивать образ жизни людей по параметру общения. Для этого следует выработать критерии оценки способов общения и меры достижения планируемого результата. Параметры общения необходимо разработать и ввести в действующую систему социальных показателей с учетом как природы (специфики) общающихся субъектов, так и целей, которые они стремятся реализовать. Показатели общения при недостаточной изученности феномена должны быть выявлены эмпирически, а не конструироваться дедуктивно.

§ 2. Знаковое общение как фактор формирования общественной психологии

Всестороннее изучение и овладение «технологией» знакового общения как составляющей механизма социального взаимодействия, как одного из существенных факторов формирования социалистического образа жизни должны сыграть важную роль в формировании здорового психологического климата в обществе в условиях научно-технической революции, значительно увеличивающей напряженность повседневных контактов между людьми.

Как отмечает Б. Ф. Ломов, проблема общения, ранее не привлекавшая специального внимания исследователей, за последние 10—15 лет «стала одной из наиболее популярных»⁹, что объясняется в значительной мере «развитием социальной психологии и усилением ее влияния на всю систему психологических наук»¹⁰. Влияние социальной психологии не только на психологические науки, но и на всю систему наук о человеке и обществе не случайно. Оно существенным образом связано с тем, отмечают Г. Гибш и М. Форверг, что «кооперация людей — основополагающий исходный пункт социально-психологического исследования, а объект этого исследования — социальное взаимодействие»¹¹. Известно, что социальное взаимодействие трактуется в теории марксизма как обмен материально-практической деятельностью между людьми (шире — между социальными субъектами)¹². Имея в виду именно такой обмен, касаясь вопроса о субъекте общественных отношений, К. Маркс указывал также, что какова бы ни была форма общества — оно «продукт взаимодействия людей»¹³.

Вместе с тем социальная деятельность и социальное взаимодействие разворачиваются в рамках тех или иных объективных условий, детерминирующих деятельность и поведение людей, причем одно и то же внешнее воздействие дает различный эффект при разных состояниях объектов воздействия и, напротив, разные внешние воздействия могут вести к сходным результатам при сходстве внутренних состояний различных объектов воздействия¹⁴. В этом и состоит важнейший диалектико-материалистический принцип детерминизма, согласно которому причинно-следственные связи не могут рассматриваться линейно, а только в сложной системе взаимозависимостей. Иными словами, влияние внешних, прежде всего социально-экономических и соответствующих им общественно-политических, условий деятельности и взаимодействия в

---

⁹ Ломов Б. Ф. Проблема общения в психологии. — В кн.: Проблема общения в психологии. М., 1981, с. 3.

¹⁰ Там же.

¹¹ Гибш Г., Форверг М. Введение в марксистскую социальную психологию. М., 1972, с. 39.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. изд. 2-е, т. 6, с. 441.

¹³ Там же, т. 27, с. 402.

¹⁴ Ср.: Там же, т. 20, с. 610. См. также: Брушлинский А. В. Мышление и прогнозирование. М., 1979, с. 84-96; Шорохова Е. В. Принцип детерминизма в психологии. — В кн.: Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969, с. 9-56.

реальной жизнедеятельности людей преломляется через множество социально-психологических и социокультурных факторов.

Общественные связи людей выступают как общественные отношения, замечает Л. П. Буева¹⁵, указывая, что «социально-психологическая сторона отношений выражается в мотивах, чувствах, настроениях, жизненных установках, оценках, стереотипах восприятия и понимания различных явлений жизни отдельными личностями – членами „малой группы“, коллектива, класса, общества» и что «психолог, анализируя отношение личности к объектам или субъектам, вправе сосредоточить внимание на его субъективном аспекте, беря отношения во внутреннем, „интернализованном“, виде и в различных их проявлениях»¹⁶. При этом объективные, социально-содержательные, конкретно-исторические аспекты системы общественных отношений не только проявляются в этом субъективном, детерминируя деятельность и поведение людей, но и до известной степени формируются им прежде всего в общении. Вряд ли можно представить себе какие-либо реальные социально-экономические, общественно-политические и культурно-идеологические процессы вне конкретизации и персонификации реальности общественных отношений в коммуникативно-познавательной деятельности людей, вне их актуализации в знаковом общении как обмене действиями порождения и интерпретации текстов для целей социального взаимодействия.

Способы обмена текстуально организованной смысловой информацией вырабатывались и будут вырабатываться на протяжении всей человеческой истории, поскольку можно предположить, что совместная материально-практическая деятельность людей, обмен такой деятельностью, т. е. социальное взаимодействие, не могут быть эффективными вне адекватного его смыслу и целям знакового общения. Сказанное, по-видимому, относится к взаимодействию социальных субъектов в ситуациях как непосредственных контактов, так и опосредованных, когда субъектов разделяют время и пространство, влекущее за собой многократное опосредование социального взаимодействия на уровне коммуникативно-познавательной деятельности множества включенных в него людей.

Понятие «знаковое общение» обладает значительной эвристической ценностью для осмысления целого ряда феноменов общественной психологии. Оно характеризует важнейший способ реализации социальных связей между людьми и фиксирует одну из наиболее существенных составляющих механизма социального взаимодействия.

Тот факт, что в знаковом общении сливаются воедино познание и трансляция познавательного опыта, позволяет, по-видимому, говорить о наличии коммуникативно-познавательных механизмов становления тех или иных социальных закономерностей.

---

¹⁵ Буева Л. П. Человек: деятельность и общение, с. 114.

¹⁶ Так же.

Изучение явлений, связанных со знаковым общением, т. е. с коммуникативно-познавательной деятельностью людей, оказывается не менее важным для анализа тенденций общественного развития, чем исследование феноменов, связанных с материально-практической деятельностью людей. В сочетании этих решающих видов деятельности социальных субъектов складываются и актуализируются общественные отношения, формируются культура и общественное сознание.

Независимо от аспекта и уровня изучения общения в рамках той или иной дисциплины следует учитывать его глубинный социально-психологический механизм, состоящий в мотивированном и целенаправленном обмене действиями порождения и интерпретации текстов между социальными субъектами. Этот универсальный механизм характеризует знаковое общение как целостный (т. е. не расчлененный на «сферы владения» отдельных дисциплин) объект, один из факторов формирования общественной психологии. Сформулированное положение лежит в основе излагаемой концепции знакового общения.

Руководствуясь этим положением, мы поставили своей задачей разработать, операционализировать, уточнить и упорядочить понятийный аппарат такой концепции; обосновать и применить на практике методы ее экспериментальной проверки. Тем самым будут заложены основания особой отрасли социально-психологического знания о текстовой деятельности социальных субъектов, которую мы будем именовать семиосоциопсихологией.

§ 3. Философско-методологические и конкретно-научные предпосылки семиосоциопсихологии

При создании семиосоциопсихологии речь идет о «разработке и создании специфического концептуального аппарата, своего рода логики и методологии комплексного исследования, которые выполняли бы функцию средств организации исследования, „сведения“ различных „частичных“ моделей объекта в единую целостную картину»¹⁷, в нашем случае — в целостную семиосоциопсихологическую концепцию знакового общения.

«Усиливающееся взаимодействие... наук имеет принципиальное значение как для развития самой науки, так и для установления более тесных, более гибких и органичных связей между наукой и практикой. Это взаимодействие во все большей мере становится необходимым

---

¹⁷ Методологические проблемы взаимодействия общественных, естественных и технических наук / Под ред. Б. М. Кедрова и др. М., 1981, с. 25.

требованием научно-технической революции и условием ее успешного протекания на современном этапе», — пишут авторы предисловия к коллективной монографии¹⁸.

Отметив, что примерно с середины XX в. в науке возникла принципиально новая ситуация, когда на смену аналитическим тенденциям в подходе к объекту познания пришло стремление к систематизации и синтезу знания об изучаемых объектах в целом, «со всеми его нераздельно связанными сторонами и во взаимодействии всех участвующих в нем форм движения»¹⁹, П. Н. Федосеев и Б. М. Кедров подчеркивают особую роль теоретического обоснования закономерностей интеграции научного знания, которое было дано в философии марксизма-ленинизма еще в то время, когда преобладающей в познании была тенденция к дифференциации наук²⁰.

Вопрос о месте и роли марксистско-ленинской философии в системе научного познания объективной действительности приобретает особую актуальность в условиях, когда «процессы синтеза научного знания охватывают не только пограничные, но и весьма удаленные друг от друга области науки, что в итоге позволяет говорить об интеграции научного знания как об одном из определенных факторов его развития на современном уровне»²¹. Сегодня острее, чем когда-либо, встает вопрос о целостной системе миропонимания, о соотношении общего (всеобщей методологии науки) и отдельного (совокупности частных наук), о последовательной теоретико-методологической основе научного познания.

Как отмечает П. Н. Федосеев, особое положение марксистско-ленинской философии среди других философских систем и концепций состоит в том, что это единственная философия, «для которой интеграционные процессы выступают в качестве естественного и закономерного проявления ее внутренней природы. Ибо сама возможность органического включения философии в целостную систему научных знаний о мире возникает лишь постольку, поскольку философия признает и последовательно реализует свою установку на научность»²².

Включение марксистско-ленинской философии в целостную систему научных знаний о мире означает прежде всего опору на систему важнейших познавательных принципов и категорий диалектического материализма. Соответственно «материалистическая диалектика оказывается необходимым фактором разработки теории во всех областях современного естественнонаучного и социального познания»²³.

Формирование целостной семиосоциопсихологической концепции социальной коммуникации также оказалось возможным лишь на основе материалистической диалектики, диктующей

---

¹⁸ Там же, с. 3.

¹⁹ Там же, с. 37.

²⁰ Там же, с. 11-49.

²¹ Там же, с. 12.

²² Там же, с. 26.

²³ Там же, с. 33.

исследователю необходимость четкого прояснения целей интеграции научного знания и такой логики научного поиска, которая отвечает требованиям диалектико-материалистической теории познания.

Особенно важным для социальной психологии и для семиосоциопсихологии, в частности, является учение о неразрывном единстве субъективного и объективного в общественно-историческом процессе, о месте социально-психологических законов в общей системе законов общественно-исторического развития, о той объективной роли, которую играют в развитии социальных отношений и в реализации социальных законов содержание, свойства и процессы человеческой психики, человеческого сознания, поскольку «история — не что иное как деятельность преследующего свои цели человека»²⁴.

Историко-материалистическая теория общественного развития служит методологической базой марксистско-ленинской социологии, в недрах которой, равно как и в недрах общей психологии, вызревали начиная с 20-х годов XX столетия идеи современной отечественной социально-психологической, а значит, и семиосоциопсихологической традиции. Марксистско-ленинская социология, предмет которой формировался на основе органического единства исторического материализма и социальной практики, является наукой «об общих и специфических социальных законах функционирования и развития общественно-экономических формаций, механизмах действия и формах проявления этих законов в деятельности личности, социальных групп, классов, народов»²⁵.

Специфика социологического подхода к исследованию человека и общества состоит в том, что, как отмечает, например, Е. С. Кузьмин, «социолог любые факты, явления (личностные, групповые, массовидные, общественно-психологические или относящиеся к общественному сознанию) объясняет объективными общественными законами, экономическими категориями, влиянием больших социальных групп, наконец, общественным бытием, классовой и идеологической позицией. Для социолога личность есть «совокупность общественных отношений» и часто выступает как персонифицированная экономическая категория, как представитель класса»²⁶, а также социально-профессиональной или социально-демографической группы и (или) локальной социокультурной] общности, уточним мы.

Социологический подход к исследованию социальных объектов (процессов и явлений) предполагает как их теоретическое осмысление, так и конкретное исследование с целью выявления социально-типического, получения новых, практически проверенных и теоретически обоснованных выводов, позволяющих не только объяснять, но и прогнозировать социальные

---

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с.102.

²⁵ Осипов Г. В. Теория и практика социологических исследований в СССР. М., 1979, с. 47.

²⁶ Социальная психология: История, теория, эмпирические исследования / Под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семенова. Л., 1979, с. 69.

процессы, управлять ими, решая существенные проблемы общественной жизни. Соответственно марксистско-ленинская социология наряду с историческим материализмом как общесоциологической теорией включает в себя совокупность специальных социологических теорий.

Наиболее перспективным для решения насущных социально-практических задач становится содружество социологии с социальной психологией, поскольку общность объекта исследования, равно как и стремление к наиболее полному и всестороннему знанию о нем требует равного внимания как к социальным, так и к социально-психологическим механизмам взаимодействия личности и общества, опоры на диалектико-материалистическое учение о неразрывном единстве субъективного и объективного в общественно-историческом процессе.

Возникает необходимость уточнить ряд исходных для семиосоциопсихологии положений, разработанных в отечественной социально-психологической науке.

Анализ различных трактовок предмета социальной психологии, содержащихся в исследованиях отечественных авторов, в той или иной мере касавшихся этого вопроса, приводит к выводу о том, что все эти трактовки различаются в сущности лишь спецификой задач проводимых исследований и характером исследуемых социальных субъектов, вступающих во взаимодействие друг с другом.

Вместе с тем имплицитно в целом ряде социально-психологических работ присутствует мысль о том, что предметом социальной психологии как науки является психология общества, или, иначе, общественная психология.

Общественная психология — это «часть духовной жизни общества, охватывающая все социально значимые моменты психики членов общества», — пишет А. И. Горячева²⁷. «В экономическую жизнь вплетается часть потребностей и интересов, эмоции, страсти, играющие роль психических аспектов мотивов хозяйственной деятельности. Эти элементы производны от материальных отношений, однако входят в качестве звена в причинно-следственные связи общественного процесса», — пишет далее цитируемый автор²⁸. Присоединяясь к трактовке общественной психологии как одного из звеньев в причинно-следственной связи общественного процесса, мы продолжим эту мысль. Как представляется, специфика общественной психологии состоит в том, что она включает в себе регулятивные моменты социальной активности людей. Именно в таком качестве этот социально-психологический феномен рассматривается историческим материализмом в составе общественного сознания, и именно в этом качестве этот слой общественного сознания может быть, на наш взгляд, идентифицирован как практическое сознание, т. е. сознание, непосредственно включенное в деятельность людей, в их взаимодействие с другими людьми, в их конкретные поступки.

---

²⁷ Горячева А. И., Макаров М. Г. Общественная психология. Л., 1979, с. 57.

²⁸ Там же, с. 58.

Замечая, что общественная психология «вплетена в ткань практической деятельности людей»²⁹, А. К. Уледов пишет о том, что выявление структуры, содержания и функций общественной психологии будет способствовать формированию научных основ регулирования социальных отношений, социального управления и воспитания нового человека в условиях социалистического общества³⁰. Проблему общественной психологии, занимающую существенное место в системе исторического материализма и в практике борьбы за социализм, «не мог обойти ни один из видных представителей марксистской теории», пишет М.Г. Макаров³¹. А. И. Горячева анализирует подходы к решению этого вопроса в отечественной и зарубежной научной литературе. Она рассматривает две крайние трактовки общественной психологии в буржуазной социально-психологической теории. Одна из них, индивидуалистическая, объясняет общественные явления свойствами личности, сводит психологию общества к психологии индивида. Описанный подход до сего времени сохраняется в буржуазной психологии в качестве центрального и приобрел название «принципа методологического индивидуализма»³².

Другой подход характеризуется абсолютизацией принципа несводимости закономерностей общественного сознания к закономерностям сознания индивидуального, противопоставлением психологии группы индивидуальной психологии. При этом утверждается, что индивид в коллективе приобретает совершенно новые свойства, теряя индивидуальность, поскольку в коллективе «разнородное утопает в однородном»³³. Эта концепция, как отмечает цитируемый автор, выражена в работах Г. Лебона, Э. Дюркгейма, С. Сарджента и др. и характеризуется сегодня как теория «коллективной души»³⁴.

Как первая, так и вторая трактовка отвергаются марксистской социальной психологией. Здесь элементы отношений «личность — личность», «личность — социальная группа (коллектив)», «личность — социальная организация», «личность — социальный институт», «личность — общество» рассматриваются в диалектической взаимосвязи, а эти отношения — как результат и основание социального взаимодействия. Последнее понимается как обмен деятельностью между социальными субъектами. Именно через такое взаимодействие актуализируется общественная психология.

Один из важных подходов в изучении общественной психологии связан с ограничением предмета социальной психологии «областью межличностных отношений, динамических

---

²⁹ Уледов А. К. Структура общественного сознания. М., 1968, с. 182.

³⁰ Там же, с. 180-183, 245-252.

³¹ Горячева А. И., Макаров М. Г. Общественная психология, с. 7.

³² Там же, с. 48.

³³ Там же, с. 49.

³⁴ См.: Там же, с. 50.

процессов в малых группах людей, находящихся в прямом взаимодействии друг с другом»³⁵. Этот поход важен тем, что он направлен в конечном счете на создание оптимальных условий для деятельности и взаимодействия людей в трудовых и учебных коллективах, на формирование в них психологической атмосферы, способствующей эффективному обмену деятельностью, повышению производительности и качества труда, эффективности педагогического процесса и т. д.

Вместе с тем вряд ли можно считать правомерной точку зрения ученых, полагающих, что границы объекта их исследовательского интереса совпадают в данном конкретном случае с границами предмета социальной психологии. Такой способ исследования явлений общественной психологии, который сводит последние к психическим процессам, протекающим только в условиях непосредственного контакта внутри малой группы, сужает предмет социальной психологии и в сущности, по справедливому, на наш взгляд, мнению ряда исследователей, ведет к его отождествлению с предметом общей психологии, поскольку в сознании человека вообще нет таких процессов, которые не предполагали бы «так или иначе взаимодействия с другими людьми, наличие некоторой социальной среды»³⁶.

Применение к изучению общественно-психологических явлений методологических принципов исторического материализма требует рассмотрения общественно-психологических процессов во всем многообразии их связей с различными общественными явлениями. Соответственно исследования, ограничивающиеся рамками малой группы, хотя и необходимы, но не исчерпывают предмета социально-психологической теории. Они оказываются одним из важнейших средств (инструментов) анализа отдельных феноменов общественной психологии, но, по всей видимости, недостаточны для получения знаний как о содержании, так и о структуре данных феноменов.

Более «емкой», и в этом смысле более приемлемой, представляется позиция, при которой цель и специфика социальной психологии обозначены как «изучение закономерностей поведения и деятельности людей, обусловленных их включением в социальные группы, а также психологических характеристик самих этих групп»³⁷. Однако и это определение несет в себе, по нашему мнению, некоторое серьезное ограничение, вытекающее из самой природы социальных групп. Ограниченной оказывается и трактовка понятия «социальная группа» в социально-психологических работах, если за основу вычленения таких групп принимается

---

³⁵ Там же, с. 3.

³⁶ Там же, с.4.

³⁷ Андреева Г. М. Социальная психология, М., 1980, с. 9. Близкой к этой точке зрения представляется концепция авторов книги: Социальная психология.

«социологическая классификация групп соответственно их месту в системе общественных отношений»³⁸.

Тезис о необходимости системного анализа феноменов общественной психологии, который к настоящему времени уже весьма убедительно обоснован в марксистской социально-психологической литературе³⁹, пока еще не нашел достаточного отражения в конкретных социально-психологических исследованиях. Нельзя не согласиться с точкой зрения А. И. Горячевой, которая замечает, что, хотя общественная психология и может изучаться через анализ поведения личностей в социальной группе, это не дает, однако, основания для сведения общественной психологии ни к сумме психологии личностей, ни к сумме психологии социальных групп⁴⁰.

Общественную психологию формируют «свойства и явления не просто общие», а «такое общее, которое свойственно только явлениям, входящим в данный класс», или «специфичное общее», что «носит... как правило... статистический характер»⁴¹. Это «специфичное общее» относится в данном случае именно к признакам сознания людей, к выявляемым на основе эмпирических социально-психологических исследований элементам общественной психологии, позволяющим упорядочивать те или иные «определенные устойчивые множества»⁴² не только по социальным, но и по социально-психологическим признакам, не связанным непосредственно с местом в системе общественного производства и т. п.

«Люди, принадлежащие к разным социальным группам, могут демонстрировать общность сознания и поведения», — справедливо замечает Ю. А. Замошкин⁴³, обращая внимание на сложность и опосредованность соотношений личностного и объективно-классового. И наоборот, «люди, находящиеся объективно в одних и тех же условиях, могут реагировать различным, а иногда и противоположным образом на одни и те же явления»⁴⁴. Указывая, что диалектико-материалистический подход к изучению феноменов общественной психологии предполагает «не только выяснение их зависимости от объективной логики исторического развития, *«но и их влияние на это развитие»* (курсив мой. — Т. Д.) ... влияние социально-психологических процессов

---

³⁸ Андреева Г. М. Указ. соч., с. 193.

³⁹ См.: Грушин Б. А. Очерки логики исторического исследования. М., 1961; Он же. Мир мнений и мнения о мире: Проблемы методологии исследования общественного мнения. М., 1976; Замошкин Ю. А. Социальная психология. – В кн.: Филос. энцикл., 1970, т. 5; Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971; Левыкин И. Т. Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. М., 1971; Поршнева Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1979; Горячева А. И., Макаров М. Г. Указ. соч.; Будилова Е. А. Философские проблемы в советской психологии. М., 1972; Она же. Социально-психологические проблемы в русской науке. М., 1983.

⁴⁰ Горячева А. И., Макаров М. Г. Указ. соч., с. 53.

⁴¹ Там же.

⁴² Массовая информация в советском промышленном городе / Под ред. Б. А. Грушина, Л. А. Ониква. М., 1980, с. 34.

⁴³ Замошкин Ю. А. Социальная психология, с. 78.

⁴⁴ Там же.

на организацию, функционирование и эволюцию материального и духовного производства»⁴⁵, цитируемый автор отмечает, что именно этим обстоятельством и объясняется возникновение целого направления социально-психологических исследований. Специальное внимание в них уделяется изучению «средств и механизмов целенаправленного социального воздействия на психику людей (воспитания, массового идейного влияния, идеологической борьбы), проблем социализации человека, его включения в систему культуры, политическую жизнь и практическую деятельность»⁴⁶.

За основу теоретических и эмпирических разработок в рамках семиосоциопсихологии целесообразно принять наиболее широкую точку зрения на предмет социальной психологии из представленных в отечественной обществоведческой литературе. Эта точка зрения в общем виде может быть охарактеризована следующим образом.

В качестве предмета социальной психологии можно рассматривать систему практического (т. е. включенного в деятельность) сознания людей, живущих в тех или иных конкретно-исторических условиях. В предмет социальной психологии входят, по-видимому, наиболее типичные способы «преломления» внешних условий жизнедеятельности в личностном сознании, а значит, и в сознании совокупных социальных субъектов. Социальная психология изучает в равной мере внутренний мир личности, проявляющийся в деятельности и взаимодействии с ее природным и социокультурным окружением. В рамках социальной психологии изучаются процессы, связанные с мотивацией деятельности и целеполаганием в ходе разрешения проблемных ситуаций, с ожиданием и прогнозированием искомого результата совершаемых социальных действий и операций; с наличием способностей к тем или иным видам социальной деятельности и взаимодействия с другими людьми, с приобретением тех или иных умений и навыков их реализации, т. е. со всем тем, что способствует постижению существенных субъективных факторов объективных закономерностей социального бытия людей.

Одна из важнейших задач социально-психологического исследования - раскрытие закономерностей включения мышления в механизмы социально-экономических, общественно-политических и культурно-идеологических процессов.

Выявляемые элементы содержания и структуры общественной психологии выступают не только как «психологии» тех или иных групп (больших или малых, организованных или неорганизованных и т. п.), предварительно (т. е. до того как исследовалась их психология) выделенных по тому или иному социальному признаку, но и как *условные группообразующие социально-психологические признаки*, характеризующие общность практического сознания людей, различающихся именно с этой точки зрения, хотя и включенных порой в один и тот же

---

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же, с. 78-79.

способ производства, в одни и те же социальные группы, в одни и те же виды социально-культурной деятельности. Учет этого обстоятельства особенно важен в условиях развитого социализма, когда перед всеми звеньями системы социального управления встают новые задачи, связанные с все более заметным проявлением тенденций к сближению социальных слоев и групп, к исчезновению классовых различий, к социальной однородности⁴⁷.

Для социальной психологии как обществоведческой дисциплины немаловажны итоги социологических исследований, свидетельствующих, в частности, о сближении структур потребностей людей, а также о мотивационных и нормативно-ценностных характеристиках деятельности и поведения представителей различных социальных слоев и групп. Ряд социологических исследований свидетельствует, в частности, о стирании в условиях социализма различий между формами поведения, свойственными отдельным социальным группам и общностям, при некотором усилении таких различий в формах личностного поведения, наблюдающихся между индивидами, принадлежащими к одним и тем же социальным группам и общностям⁴⁸. Иными словами, границы традиционно определяемых социальных групп в условиях социализма как бы «размываются» не только из-за объективных условий жизнедеятельности людей, но и благодаря факторам общественной психологии.

В этой связи приобретает особое значение уже упоминавшийся выше вопрос о трактовке понятия «социальная группа». Очевидно, что при последовательном проведении принципа социологической классификации групп основным критерием вычленения социальной группы оказывается положение людей: в системе производственных и идеологических отношений, в системе разделения труда и в общей системе социальной деятельности; в политической и социальной структуре общества; в сфере материальных условий и т. п. Именно по этим основаниям и выделяются классы, социально-профессиональные, социально-демографические и другие социальные группы и именно их психологию принято изучать в ходе конкретных социально-психологических исследований. Между тем в конкретных социально-психологических исследованиях необходимо выявлять и такие элементы общественной психологии, которые «не отвечают необходимо существующему социальному делению людей (классы, сословия, нации), они составляют свойства группы людей как целого, качественно отличные от свойств психики индивида. Однако движение этих элементов, проявление их проис-

---

⁴⁷ См.: Материалы XXVI съезда КПСС, с. 52-54; см. также: О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик: Постановление ЦК КПСС от 19 февраля 1982г. – Коммунист, 1982, №4, с.6.

⁴⁸ См., например: Социалистический образ жизни: вчера, сегодня, завтра. М., 1967; Струков Э. В. Социалистический образ жизни: Теоретические и идейно-воспитательные проблемы. М., 1977; Рыбкина Р. В. Образ жизни сельского населения: методология, методика, и результаты изучения социально-экономических аспектов жизнедеятельности. Новосибирск, 1979; Формирование социальной однородности социалистического общества / Под ред. Ф. Р. Филиппова, Г. А. Слесарева. М., 1981; и др.

ходят в соответствии с общей структурой общественной психологии»⁴⁹. Речь идет о таких элементах общественной психологии людей, которые позволяют условным образом упорядочивать членов общества как «определенные устойчивые множества»⁵⁰, характеризуемые, по определению Горячевой, «социально значимыми моментами психики». Очевидно, что тот группообразующий социально-психологический признак, который позволяет представить статистическую совокупность людей «органическим целым», не только детерминирован контекстом социального бытия человека, но и сам рано или поздно непременно «проявится» в реальной деятельности и поведении людей — носителей этого признака.

Представляется, что будущее теоретических и прикладных социально-психологических (и в частности, семиосоциопсихологических) исследований в значительной степени связано с выявлением именно таких элементов общественной психологии, которые, сами являясь группообразующими, проявляются в качестве таковых в деятельности и поведении представителей разнотипных социальных групп. Сам же факт объективной принадлежности человека к той или иной социальной группе оказывается в этом случае (при таком подходе) одним из параметров условий жизнедеятельности человека, фактором, детерминирующим как состояние его сознания, так и специфику структуры и содержания его деятельности.

Выделение «групп сознания» требует разработки адекватных методов исследования феноменов общественной психологии, выступающих в качестве регулятивной основы социальной деятельности, поведения и взаимодействия с другими людьми. Рассматривая методы социально-психологического исследования, Г. М. Андреева отметила, что методы, используемые в западной психологии, послужили «абсолютизации» значения малых групп «в ущерб исследованию социально-психологической стороны массовых социальных процессов»⁵¹. Такая абсолютизация не свойственна марксистской социальной психологии, уделяющей большое внимание механизмам порождения и воспроизведения исторических форм социальной практики, немислимым, в свою очередь, вне механизма конкретизации и персонификации реальности общественных отношений в коммуникативно-познавательной деятельности людей.

Именно поэтому наряду с интерпретацией предмета социальной психологии, а также трактовкой понятий социальной и социально-психологической группы мы обратимся к третьему существенному моменту, связанному с особенностями подхода к исследованию знакового общения, который, будучи весьма характерен для наук о языке (т.е. являясь традиционно-

---

⁴⁹ Горячева А. И., Макаров М. Г. Указ. соч., с. 53.

⁵⁰ Массовая информация в современном промышленном городе, с. 34.

⁵¹ Андреева Г. М. Указ. соч., с. 235-236.

лингвистическим), проникает тем не менее не только в социальную психологию, но и в философию и социологию.

Эту особенность можно было бы охарактеризовать словом «лингвистичность». Она обусловлена в основном сложившимся стереотипом представлений, связанных с понятиями «язык», «речь», «текст» (как единица речи-языка), «коммуникация», «информация», в рамках которых потоки символов, т. е. лингвистических значений и вообще все, что связано с речью-языком, с одной стороны, числится «по ведомству» лингвистики или информатики, а с другой — рассматривается как «содержимое» коммуникации. Соответственно и содержание информационного обмена в ходе реализации опосредованных коммуникативных связей и непосредственно межличностного общения порой невольно отождествляется с речью, с речетворчеством, с «трансляцией» организованных линейно «цепочек» слов, словосочетаний, предложений, т. е. языковых единиц, общезначимость которых для носителей того или иного языка якобы и обуславливает понимание ими друг друга. При этом факты использования тех или иных языковых единиц в речи по правилам грамматики того или иного языка многие авторы называют речевой деятельностью, что, с нашей точки зрения, весьма неточно и имеет определенные негативные последствия при анализе общения. Такие факты, с нашей точки зрения, было бы адекватнее называть актами языкового, или речевого, поведения, а понятие речевой деятельности использовать, в частности, применительно к осознанно-мотивированному отбору речевых средств для целей реализации авторского замысла в целостной содержательно-смысловой структуре текста как единицы общения (а не языковой единицы). Представляются неудачными и попытки увязывания грамматических категорий с инвариантными идеально-психическими, а не с логическими (как это принято) категориями. Эти попытки восходят, как правило, к психологическому направлению в лингвистике, возникшему и существовавшему преимущественно во второй половине XIX в., впоследствии «перелившемуся» в младограмматизм и неогумбольдтианство. Это направление нашло также продолжателей и в лице представителей современной зарубежной психолингвистической школы. Именно в этой традиции заложены основы для отождествления элементов речевого поведения с психологическим содержанием коммуникации и, более того, для рассмотрения языка в качестве особого механизма деятельности индивидуальной психики. На язык «завязывается» не только формирование представлений в сознании отдельного человека, но и психология целых народов. Так называемый «народный дух» оказывается основой для известной одинаковости сознаний индивидов, составляющих народ. Считается, что эта одинаковость обусловлена языком как «всеобъемлющим организмом народного духа», навязывающим обществу конструкции, универсальные для мироздания, человеческой психики и социально-культурной организации самого общества. В итоге предполагается, что взаимосвязи между людьми могут быть описаны по аналогии с

актуализируемыми в потоке речи взаимосвязями между элементами языка, а акты коммуникации отображаются синтаксисом высказывания, отождествляемого, в свою очередь, с предложением как лингвистической конструкцией.

Эти попытки вряд ли способствуют адекватному пониманию «деятельностной» природы социальной коммуникации как составляющей механизма социального взаимодействия людей. Едва ли такая трактовка заданности структур деятельности по канонам структуры языка способна объяснить активно-творческую природу деятельности и способность личности преодолевать каноны и творить не речь, а человеческую историю. В этой связи целесообразно подчеркнуть, что оперирование лингвистическими конструкциями по правилам традиционной или исследуемой психолингвистами порождающей грамматики характеризует лишь частный аспект знаковой коммуникации. Надо специально подчеркнуть, что в отечественной психолингвистике благодаря усилиям ее основателя А. А. Леонтьева была сразу же акцентирована роль специальных операций, производимых над смысловыми единицами для общения. А. А. Леонтьев написал первую в отечественной филологической и социально-психологической литературе монографию по психологии речевого общения, где содержатся многие из тех идей, которые мы развиваем сейчас в рамках семиосоциопсихологии.

Еще одно обстоятельство отрицательно сказывается на развитии исследований в области знакового общения. В некоторых социально-психологических работах понятие коммуникации отождествляется с информационным процессом, лишенным обратной связи. При этом упускается из виду смысл понятия коммуникации, латинский корень которого означает совместный, общий, объединяющий, взаимный, обоюдный, предполагающий обмен знаниями и ценностями⁵². Сегодня в большинстве общепсихологических, социально-психологических, социологических и философских работ коммуникация рассматривается как важнейший фактор совместной деятельности людей, предполагающий активность участвующих в нем контрагентов. Именно такая трактовка этого феномена принимается семиосоциопсихологией. В традиции марксистского обществоведения термин «общение» трактуется шире термина «коммуникация». Речь идет, однако, о различии не по критерию «однонаправленности - двунаправленности», а о значительно более глубоком смысле такого различия, при котором, кроме «первого плана» — непосредственной реализации межличностных, меж- и внутригрупповых социальных связей, — учитывается и «второй план» — реализация общественных, т. е. безличных по своей природе отношений. Абстрагируясь от последних, социальная психология не может, однако, не принимать их в расчет. Рассматривая конкретно-научные предпосылки семиосоциопсихологии, обратимся к учению о творческой активности личности как носителя

---

⁵² См.: Петров Л. В. Семантический анализ основных понятий массовой коммуникации. – В кн.: Предмет семиотики: Теоретические и практические проблемы взаимодействия средств массовой коммуникации. М., 1975, с. 73; см. также: БСЭ. 1979, т. 12, с. 527.

сознания, не только реализующей себя в деятельности, но и способной управлять ею. Именно из этого учения органически вытекает излагаемая в настоящей работе концепция знакового общения как личностной активности особого рода, выступающей не только в качестве коммуникативно-познавательной деятельности, но и способа актуализации социальных отношений и связей и важнейшего компонента механизма социального взаимодействия. Предпосылкой семиосоциопсихологии является также теория процессов управления и связи в сложных системах, рассмотренная применительно «к изучению внутреннего мира человека, присущих ему механизмов познавательной деятельности, процессов усвоения знаний, умений и навыков»⁵³. Среди таких предпосылок особое место принадлежит также способам анализа коммуникации в рамках совокупности наук о знаковых системах вообще (общая семиотика) и об естественном языке в частности (лингвистика).

Остановимся коротко на предметах общей семиотики и лингвистики, чтобы показать, что угол зрения этих дисциплин на коммуникацию, а соответственно и используемый ими аналитический аппарат (избираемые единицы наблюдения и анализа) обусловлены прежде всего интересующим их объектом — языком как системой, а не знаковым общением как таковым.

Предметом **общей семиотики** являются закономерности организации, функционирования и развития всех знаковых систем вне зависимости от их природы. В задачу этой науки входят описание структурной организации известных современной науке знаковых систем, выявление общих для этих систем внутренних закономерностей функционирования присущих им элементов и связей, установление природы, особенностей становления и границ (сфер применения) различных знаковых систем, а также определение характера их взаимосвязи. Один из основных методов общей семиотики — «сравнение, сопоставление и обобщение результатов частных семиотик»⁵⁴. Ядром общей семиотики является лингвосемиотика — наука об общественном обращении знаков естественного языка.

Естественный язык занимает особое место среди семиотических систем в силу свойства «двойного означивания» (Э. Бенвенист), присущего его знакам. Словесные знаки наделены двойной семантикой: первичной (конвенционально обусловленные культурно-исторические значения отдельных словесных знаков) и вторичной (значения, приобретаемые словесными знаками в разнообразных текстах). Таким образом, говоря словами Э. Бенвениста, «означивание присуще уже первичным элементам (естественного языка) в изолированном состоянии независимо от тех связей, в которые они могут вступать друг с

---

⁵³ Бирюков Б. В., Тихомиров О. К. Принятие решений как предмет методологических и психологических исследований. — В кн.: Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М., 1979, с. 464.

⁵⁴ Степанов Ю. С. Семиотика. М., 1971, с. 78.

другом»⁵⁵. Это обстоятельство, выделяющее естественный язык среди других семиотических систем, позволяет ему служить «интерпретантом всех других семиотических систем»⁵⁶, которые, не обладая метаязыковой способностью естественного языка, заимствуют, однако, основные принципы его устройства и функционирования.

Важная роль лингвистики как ведущей семиотической дисциплины, обладающей «наиболее совершенным техническим аппаратом»⁵⁷, объясняется именно положением естественного языка в универсуме семиотических систем.

Самой общей задачей **лингвистики** представляется выявление закономерностей становления, развития и функционирования системы естественного языка. В итоге ее предметом оказывается внутренняя структурная организация естественного языка, все возможные связи и сочетания присущих языку элементов, выявляемых на основе исследования способов их актуализации в речи и характерных для разных национальных языков на разных уровнях языковой структуры в разные периоды развития языка.

Вместе с тем лингвистика уделяла и продолжает уделять большое внимание вопросам происхождения и развития языка, многообразным связям с его носителями, с обществом, поскольку выделить язык среди прочих явлений действительности, выявить его природу и сущность, принципы и закономерности, лежащие в основе его исторического развития, немыслимо вне изучения общения, без анализа конкретного речевого поведения, в котором обогащается, видоизменяется и развивается естественный язык. Осмысление природы языка, а главное, его «орудийной» функции в практической и теоретической деятельности человека привело к вторжению в лингвистику идей и методов наук, интересующихся тем же объектом, а соответственно и к «обратному» проникновению языковедческих идей в эти науки.

Вот почему, собственно, и возникли такие смежные области знания о языке, как **этнолингвистика, психоллингвистика, социопсихоллингвистика, социоллингвистика** и др. Учение о знаках, знаковых системах, знаковых ситуациях и знаковой деятельности в его современной форме также развилось на базе лингвистики, хотя в целом семиотика обязана своим становлением содружеству с лингвистикой таких областей знания, как философия, логика, социология, общая и социальная психология.

На страницах этой книги мы не будем останавливаться на предметах дисциплин, смежных с лингвистикой, в той или иной мере повлиявших на становление семиосоциопсихологии⁵⁸. Отметим только, что при всем различии «ракурсов» рассмотрения своего предмета как общая семиотика, так и все дисциплины лингвосомиотического цикла

---

⁵⁵ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 83.

⁵⁶ Там же, с. 84.

⁵⁷ Иванов В. В. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976, с. 10.

⁵⁸ Подробнее см.: Дридзе Т. М. Язык и социальная психология. М., 1980, с. 15-18.

обладают по меньшей мере тремя общими чертами, присущими, кстати говоря, также общей семантике и формальной логике. Ниже мы рассмотрим те общие черты, которые, как представляется, весьма ограничивают формальные возможности понятийного аппарата названных дисциплин применительно к исследованиям процессов социальной коммуникации.

Первая их общая черта, о которой уже говорилось выше, состоит в том, что в центре внимания всех дисциплин лингвосомиотического ряда неизменно оказывается тот же теоретический объект — язык как система знаков и как единый принцип, лежащий в основе речи, диктующий ей свои правила. Речь же рассматривается как деятельность по актуализации возможностей предоставляемых национальным языком его носителям. Таким образом, понятие «деятельность» используется здесь в узкопредметном, а не социально-практическом значении. Акцентируя внимание на важнейшем средстве общения, названные дисциплины отвлекаются от самого общения, как вообще от реальной социально-практической деятельности субъектов. Они неизменно возвращаются к вопросам возникновения, развития и функционирования языковой системы, ее внутренней структурной организации, характера возможных связей и сочетаний, присущих языку элементов (лингвистических конструкций) и способов их использования в тех или иных «языковых ситуациях»; к анализу воздействия социальных факторов на речевое поведение, а через это на структуру, функционирование и развитие языка; к механизмам порождения речи по правилам языка.

Вторая общая черта дисциплин лингвистического ряда проявляется в том, что, оставляя за пределами рассмотрения все опосредуемые общением содержательные отношения между взаимодействующими социальными субъектами, эти дисциплины не располагают концептуальным аппаратом, который позволил бы им анализировать механизмы порождения и присвоения знаний, социальных ценностей и норм; процессы, непосредственно связанные с формированием не только индивидуального, но и общественного сознания, с включением мышления в социальные процессы. Иными словами, они не располагают средствами для анализа механизмов и содержательной стороны социальной коммуникации.

Третья общая черта перечисленных выше дисциплин проявляется в том, как трактуется ими понятие «текст». Для всех дисциплин лингвосомиотического ряда текст — это языковая единица, занимающая свое место в ряду других лингвистических единиц (фонема — морфема — слово — словосочетание — предложение — сверхфразовое единство — текст как речь, т. е. любой отрезок линейно-организованного потока знаков). Иными словами, для названных дисциплин понятия текста и речи синонимичны. Такая трактовка понятия «текст» в рамках дисциплин лингвистического ряда наложила отпечаток на само понимание феномена текста, и не только в этих, но и в других дисциплинах, связывающих рассуждения о тексте (если таковое возникнет) с представлением о лингвистической конструкции.

Возможно, однако, введение понятия «текст» в иную «систему координат», а именно в систему единиц анализа знакового общения. Текст, трактуемый не как единица речи-языка, а как единица общения (как сообщение), становится элементом в ряду следующих коммуникативных единиц: слово (элементарный знак) — высказывание — предикация (содержательно-смысловой блок, оформленный средствами языка) — текст (сообщение, или сложный знак наиболее высокого порядка).

Текст как единица общения, как определенный способ организации значений и структурирования смысловой информации для целей общения, как воплощение мотивированной и целенаправленной интеллектуально-мыслительной деятельности индивида, стремящегося к обмену материально-практической деятельностью с другими людьми, не поддается анализу средствами дисциплин лингвосомиотического ряда. То же можно сказать и о феномене текстовой деятельности.

§ 4. Теоретико-методологические основания и предмет семиосоциопсихологии

Принцип единства сознания и деятельности на протяжении многих лет последовательно разрабатывался и продолжает разрабатываться в отечественной философско-психологической традиции. Выдержав испытание временем, он прошел как основополагающий через работы крупнейших советских ученых-обществоведов. Сегодня практически нет психолога, который не обратился бы к этой категории в той или иной связи, а с конца 60-х—начала 70-х годов к ней проявили интерес и философы.

Сама категория деятельности, как и вопросы включенности личности в деятельность, по-разному трактуются в отечественной литературе. В этом отношении следует согласиться с А.Н. Леонтьевым, который подчеркивал, что теория деятельности не представляет собой завершенной, окончательно сложившейся научной системы, значение которой состоит прежде всего в открываемых ею перспективах. Эта теория выступает как методологическая основа для исследований не только в области самых различных отраслей психологии (общей и социальной, возрастной и педагогической, инженерной и медицинской и т. д.), но и в области других отраслей знаний о человеке и обществе. Одновременно она сама обогащается и преобразуется на основе полученных в этих областях фактов и представлений. Мы ограничимся изложением лишь той трактовки этой категории, которая нашла практическое использование в ходе планирования и проведения исследований знакового общения,

предпринятых в настоящей работе, сказавшись, естественно, и на способах осмысления полученных результатов.

О. А. Конопкин, опираясь на идеи, развитые прежде всего в работах А. Н. Леонтьева и С. Я. Рубинштейна, а также Б. Г. Ананьева, Б. К. Анохина, М. Я. Басова, Н. А. Бернштейна, П. Я. Гальперина, Б. Ф. Ломова, А. Р. Лурии, А. А. Смирнова, Д. Н. Узнадзе и других видных советских психологов, утверждает, что объяснительная сила теории деятельности, развиваемой в рамках отечественной психологической традиции, состоит в реализации общего положения советской психологии: «Человек — действительный субъект деятельности, носитель высшей формы психики — сознания»⁵⁹. Так, касаясь вопроса о взаимосвязи внешнего (материально-практического) и внутреннего (психического) в деятельности, А. Н. Леонтьев писал о том, что «внешняя и внутренняя деятельность имеют одинаковое общее строение»⁶⁰. Объективный предметный мир «врывается», как отмечал А. Н. Леонтьев, в круг внутренних психических процессов именно через внешнюю материально-практическую деятельность⁶¹, при этом внутренняя сохраняет с внешней практической деятельностью принципиальную и двустороннюю связь⁶².

Многочисленными исследованиями советских психологов доказана не только включенность психических процессов в строение внешней предметной деятельности, но и обратное влияние предметного и операционного содержания материально-практической деятельности на психические процессы, на характер активности личностного сознания. «Сам по себе бесспорный, общепризнанный факт интериоризации представляет собой не возникновение, а одну из ступеней последующего развития психики», — справедливо замечает А. В. Брушлинский⁶³, подчеркивая момент преемственности, вообще недизъюнктивности взаимосвязи между живым психическим процессом и предметной деятельностью. Это положение в целом не противоречит приведенной выше точке зрения А. Н. Леонтьева, который, хотя и использовал понятие деятельности применительно к «внешнему» и «внутреннему», тем не менее подчеркивал онтологическую целостность системы человеческой деятельности как таковой.

Свою задачу мы видим лишь в том, чтобы использовать уже накопленные в советской психологии знания о структуре и этапах формирования деятельности для исследования текстовой деятельности. Мы исходим при этом из того, что неотъемлемым компонентом любой

---

⁵⁹ Конопкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности, с. 12.

⁶⁰ Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1977, с. 101.

⁶¹ Там же, с. 92.

⁶² Там же, с. 101.

⁶³ Брушлинский А. В. Мышление и прогнозирование, с. 59.

человеческой деятельности является регулятивно-психическое начало, в свою очередь формируемое в деятельности⁶⁴.

Сейчас уже можно говорить о сложившемся наборе единиц анализа структуры человеческой деятельности. В любой сфере человеческой практики могут быть выявлены и изучены: *субъекты* деятельности (действий, операций); *признаки* (параметры) и *функции субъектов*; *объекты (предметы)* деятельности; *признаки и функции объектов (предметов)* деятельности; *мотивы и цели* деятельности; *процессы, виды деятельности, действия, операции*; *признаки и функции процессов деятельности*, действий, операций; *инструменты (средства)* деятельности; *продукты и результаты* деятельности, действий, операций; *внешние условия* деятельности (особенности природного, техноэкономического и социокультурного окружения); *«внутренние» условия* деятельности (субъективные характеристики личности).

Таким образом, одним из важнейших параметров деятельности оказывается ее внутренняя мотивация. Что же касается ее цели, то мы склонны также рассматривать ее не вне, а внутри структуры деятельности, как «прогнозируемое искомое» (А. В. Брушлинский), и именно таким образом будем трактовать термин «содержательная цель текстовой деятельности», который используется при анализе текста как иерархии коммуникативно-познавательных программ.

Немаловажное значение для развития теории деятельности вообще и концепции текстовой деятельности в частности имело учение об этапах ее формирования. В качестве основных этапов выделяют *ориентировочный, исполнительный и контрольно-коррекционный*⁶⁵, последний из которых совпадает с «отработкой» действия, возможной, по-видимому, не только на этапе исполнения, но и на этапе ориентировки. В текстовой деятельности, реализуемой партнерами в ходе знакового общения, указанные этапы прослеживаются весьма наглядно.

Приведенные выше положения, касающиеся активной роли личностного, субъективного фактора в социально-историческом процессе, наилучшим образом разработаны в рамках так называемого личностного подхода к человеку (по терминологии К. К. Платонова) как общего принципа психологии⁶⁶. При таком подходе «при объяснении любых психических явлений личность выступает как воедино связанная совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия»⁶⁷.

---

⁶⁴ Наиболее четко эта идея сформулирована в целом ряде работ А. В. Брушлинского.

⁶⁵ Гальперин П. Я. Введение в психологию. М., 1976.

⁶⁶ Платонов К. К. Теория и методы. – В кн.: Личность и труд. М., 1965; Он же. Личностный подход как принцип психологии; Он же. Социально-психологический аспект проблемы личности в истории советской психологии. – В кн.: Социальная психология личности. М., 1979; и другие работы этого автора.

⁶⁷ Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957, с. 308.

Излагая теоретическую сущность личностного подхода, К. К. Платонов утверждает, что «понимание личностных отношений как отражения сознанием индивидов объективных отношений лежит в основе раскрытия сущности большинства явлений общественной психологии. Поэтому, — пишет он, — личностный подход необходим в большинстве социально-психологических исследований»⁶⁸.

Каждый человек, пишет К. К. Платонов, вступая во взаимоотношения с другим человеком, «отражает другого человека как личность», поскольку «личность — это и есть человек как носитель сознания»⁶⁹. Касаясь далее диалектико-материалистического понимания психических явлений, К. К. Платонов указывает, что собственно личностному подходу соответствует такой способ рассмотрения соотношении сознания и жизнедеятельности, при котором, говоря словами К. Маркса, «исходят из самих действительных живых индивидов и рассматривают сознание только как их сознание»⁷⁰.

Практически никто из социальных психологов не склонен снимать с повестки дня вопрос о системах устойчивых отличительных признаков личности как особой форме психологической реальности, актуализирующей себя в поведении и деятельности, а соответственно и «о широчайших возможностях человека к обучению, а тем самым и социализации»⁷¹. В этой связи социальные психологи все чаще подчеркивают, с одной стороны, ту роль, которую играют в формировании личностей содержательная структура их деятельности, а также степень и характер их включенности в социальную коммуникацию, а с другой — значимость личностных свойств, включая знания, умения и навыки к определенным материально-практическим и коммуникативно-познавательным действиям, которыми располагает человек как личность, как носитель сознания, как деятель, как онтологическая целостность. О человеке как о «центральной образующей в системе социальных отношений», пишет Е. В. Шорохова⁷². В. А. Ядов делает вывод о том, что «в психологии личность выступает как максимально обобщенная целостность психических свойств и процессов, обнаруживающая себя в самых разных проявлениях активности и в различных социальных условиях». При этом, пишет он далее, «обращаясь к анализу целостности психического, психолог-марксист исходит из того, что человек (и индивид как конкретное бытие человека) есть существо общественное, принадлежащее социальной целостности, что ключевой механизм становления личности — ее практическая деятельность и что само сознание есть продукт многообразной деятельности, т.е.

---

⁶⁸ Платонов К. К. Личностный подход как принцип психологии, с. 213.

⁶⁹ Там же, с. 190.

⁷⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 25.

⁷¹ Социальная психология, с. 96.

⁷² Шорохова Е. В. Социальная психология: (Проблемы и задачи), - В кн.: Методологические проблемы социальной психологии, с. 5.

освоения индивидом предметного мира, мира социальных отношений и превращения его во внутренние свойства индивидуальности»⁷³.

Из сказанного следует, что, фиксируя в особенностях той или иной деятельности индивида ее специфические черты, «мы неминуемо приходим к тому, что, помимо обобщенных свойств личности, выделяем ее социально-конкретные особенности. В этом, — пишет В. А. Ядов, — по нашему мнению, и состоит предмет социально-психологического исследования личности, основное содержание которого — анализ социально-конкретных особенностей психической регуляции социального поведения»⁷⁴.

Личность при таком подходе выступает как «социальная индивидуальность», а отношение «общество—личность» в предмете социальной психологии рассматривается хоть и со стороны индивида, но не обобщенно, как в общей психологии, а «социально-конкретно»⁷⁵.

Проблема социально-конкретных особенностей личности приобретает особое значение при изучении социально одобряемых и социально неодобряемых форм поведения и деятельности людей, так же как и при исследовании процессов социальной регуляции содержания поведения и деятельности. В этой связи названной проблеме уделено немало внимания в работах советских психологов, социологов и юристов⁷⁶. Для ее решения особое значение приобретает, как справедливо отмечает А. Р. Ратинов, междисциплинарная кооперация, поскольку только на стыке наук можно рассмотреть структуру личности не как «плоскостную», а как «многомерную»⁷⁷. А. Р. Ратинов указывает на необходимость разработки «планетарно-атомарной» теории личности, в рамках которой «ядерные» и «периферийные»⁷⁸, или, говоря иначе, глубинные и поверхностные психические структуры по-разному и в разной мере опосредуют мировоззрение как весьма существенный фактор личностной и общественной психологии, а значит, и всей системы поведения и деятельности социальных субъектов.

Вопрос о «ядерных» и «периферийных» свойствах личности, по-видимому, в немалой степени связан не только с проблемой мировоззрения, но и с проблемой способностей человека, а значит, и приобретаемых им умений и навыков, выходящей в конечном счете на

---

⁷³ Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В. А. Ядова. Л., 1979, с. 8.

⁷⁴ Там же, с. 8-9.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ См.: Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л., 1968; Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения. М., 1978; Игошев К. Е. Опыт социально-психологического анализа личности несовершеннолетнего правонарушителя. М., 1968; Он же, Социальный контроль и профилактика преступлений. Горький, 1977; Ратинов А. Р. Личность преступника и проблема ценности. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. М., 1973; Он же. Психология личности преступника: Ценностно-нормативный подход. — В кн.: Личность преступника как объект психологического исследования. М., 1979; Психологические проблемы социальной регуляции поведения / Под ред. Е. В. Шороховой, М. И. Бобневой. М., 1976; Личность и уважение к закону / Под ред. В. Н. Кудрявцева, В. П. Казимирчука. М., 1979; и ряд других работ, касающихся этой темы.

⁷⁷ См.: Ратинов А. Р. Психологическое изучение личности преступника. В кн.: Материалы к заседанию Ученого совета Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. М., 1981.

⁷⁸ Там же. См. также: Ратинов А. Р. Личность преступника и проблема ценности; Он же. Психология личности преступника: Ценностно-нормативный подход.

другую социально-психологическую проблему «коллективных способностей» (К. К. Платонов). Способности, как «свойства личности, определяющие качество освоения, выполнения определенной деятельности и совершенствования в ней»⁷⁹, как и определенные элементы мировоззрения, несомненно, относятся к «ядерным». Проблема же «коллективных способностей», поставленная В. И. Лениным в его речи, посвященной памяти Я. М. Свердлова⁸⁰, относится, по-видимому, к числу важнейших аспектов исследований в области общественной психологии и социальной деятельности, так как затрагивает вопрос о глубинных социально-психологических механизмах регуляции последней.

Анализируя постановку вопроса об активности субъекта в марксистско-ленинской философии, Т. С. Арефьева подчеркивает, что человеческая активность рассматривается в марксизме «как первооснова бытия, как творение человеком себя и самого предметного мира»⁸¹. Отмечая далее, что единство человека и природы К. Маркс рассматривал как предпосылку человеческой активности, поскольку «человек является непосредственно природным существом»⁸², Г. С. Арефьева характеризует через более сложное понятие социальной активности сущность «отношения конкретно-исторического субъекта к обществу и природе, опосредованного тем миром материальной и духовной культуры, на которую он опирается, которую использует и развивает»⁸³. Именно указанное отношение и реализуется в особым образом организованной активности социальных субъектов, которую принято в советской обществоведческой литературе именовать системообразующим понятием «деятельность».

Деятельность выступает, таким образом, как *осознанная, мотивированная, т. е. психически регулируемая предметная и целенаправленная социально регламентированная активность общественного субъекта, опосредствующая все его связи с природным, техноэкономическим и социокультурным окружением*. В деятельности человек не только приспосабливается к среде, но и видоизменяет ее: преобразует естественную среду в искусственную, устанавливает взаимосвязи и взаимодействует с другими людьми. В отличие от категории «деятельность», служащей «для описания процессов нереактивного характера»⁸⁴, т. е. предполагающей ту или иную меру осознания вызвавших ее побуждений, и связанной, как правило, с осознанным стремлением к разрешению проблемных жизненных и социальных ситуаций, категория «поведение» исторически связана с описанием процессов реактивного характера, в ходе анализа которых акцентируется внешняя стимуляция проявлений

---

⁷⁹ Социальная психология личности, с. 273.

⁸⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 78-79.

⁸¹ Арефьева Г. С. Социальная активность. М., 1974, с. 16.

⁸² Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 597.

⁸³ Арефьева Г. С. Социальная активность, с. 224.

⁸⁴ Голофаст В. Б. Методологический анализ в социальном исследовании, с. 85.

активности. Как отмечает В. Б. Голофаст, попытки усовершенствования поведенческих схем, неадекватность которых для описания внутренних механизмов различных проявлений человеческой активности осознавалась давно, не приводили зарубежных психологов к успеху, поскольку сосредоточение внимания на так называемых «медиаторах», или промежуточных переменных в бихевиористской схеме «стимул → реакция» ($S \rightarrow R$), увело от понимания сущности процессов, происходящих в психике индивида, в личностном сознании. Именно этим обстоятельством в известной мере и объясняется обращение советских психологов к категории «деятельность», позволяющей описывать любое конкретное проявление человеческой активности «с учетом (ее) актуальной внутренней детерминации (самодетерминации) наряду с прошлой и актуальной (ее) внешней обусловленностью или детерминацией»⁸⁵.

Вместе с тем закрепившееся в зарубежной психологической литературе за термином «поведение» представление о реактивных процессах, противостоящих процессам, связанным с термином «деятельность», не всегда акцентируется и в отечественной научной литературе, использующей это понятие. Именно поэтому мы уточняем термин «поведение». Под поведением имеются в виду проявления неосознанной (малоосознанной) активности. Иными словами, *поведение — это проявляемые вовне образы и стереотипы действий, усвоенные индивидом либо на опыте собственной деятельности (осознанные навыки), либо в результате подражания общеизвестным или чужим образцам и стереотипам действий (неосознанные или малоосознанные навыки)*. Поведение может также выступать как результат спонтанных личностных проявлений.

Таким образом, мы полагаем, что существенным различительным признаком деятельности и поведения являются *уровень мотивации* и соответствующая ему мера осознанности мотивов действия и акта поведения. Чем меньше опосредствующих факторов между стимулом и ответом на него, тем ниже, по-видимому, уровень осмысления предмета мотивации, в качестве какового и должен был бы в идеале выступать любой стимул деятельности. Это различие между деятельностью и поведением будет иметь важное значение для понимания общения как деятельности, для констатации разной природы таких подвидов коммуникативной активности человека, как «текстовая деятельность» и «языковое (речевое) поведение».

Пути к изучению социально-практических аспектов общения были намечены в работах К. Маркса и Ф. Энгельса (в «Немецкой идеологии», «Диалектике природы» и др.). Указав, что общественное производство предполагает «общение (Verkehr) индивидов между

---

⁸⁵ Там же.

собой»⁸⁶, основоположники марксизма рассмотрели, в частности, вопросы детерминации содержания общения со стороны материально-практической деятельности и потребности во взаимодействии. Они писали, что производительные силы «становятся действительными силами лишь в общении»⁸⁷. Обращая внимание на факт разделения труда в процессе производства и возникающую зависимость людей друг от друга в таком разделении, теоретики марксизма специально акцентировали внимание на объединяющей роли общения, на том, что оно есть предпосылка для установления межличностных отношений, равно как и для воспроизведения последних в отношениях общественных.

«Создавая определенный продукт, человек должен обмениваться своими способностями, знаниями, результатами деятельности с другими людьми»,— пишет Л. П. Буева⁸⁸. Подкрепляя сказанное словами К. Маркса о том, что «обмен деятельностей и способностей, который совершается в самом производстве, относится прямо к нему и составляет его существенную сторону»⁸⁹, цитируемый автор подводит нас к мысли об обмене деятельностью (взаимодействии) как существенной стороне материального производства и об общении как о его коммуникативно-познавательном механизме. Этот же момент — обмен «деятельностями, представлениями, установками, интересами и т. д.» в процессе общения — отмечает и Б. Ф. Ломов. «Общение, — пишет он, — выступает как особая самостоятельная форма активности субъекта»⁹⁰. Рассматривая общение в предмете социальной психологии, Г.М. Андреева выделяет «коммуникативную» и «интерактивную» стороны общения⁹¹. Затрагивая в этой связи вопрос о соотношении взаимодействия и коммуникации, она исключает возможность не только отрыва взаимодействия от коммуникации, но и их отождествления. «Коммуникация организуется в ходе совместной деятельности, „по поводу“ ее, и именно в этом процессе людям необходимо обмениваться и информацией, и самой деятельностью, т. е. вырабатывать формы и нормы совместных действий»,— пишет Г. М. Андреева⁹², привлекая внимание ученых к необходимости содержательного исследования коммуникативных процессов, играющих особую роль в организации совместной деятельности людей, в планировании «обмена действиями», т. е., иными словами, подчеркивая роль коммуникации как «содержательного механизма» социального взаимодействия.

Рассмотрение и критический анализ различных трактовок понятия «общение», сосуществующих в настоящее время в литературе, — задача, которая решается сегодня многими специалистами, все более стремящимися согласовать свои позиции. В этой работе мы ограничимся тем, что изложим лишь ту точку

---

⁸⁶ Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд., т. 3, с. 19.

⁸⁷ Там же, с. 67.

⁸⁸ Буева Л. П. Человек: деятельность и общение, с. 81.

⁸⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12, с. 725.

⁹⁰ Ломов Б.Ф. Проблема общения в психологии: (Вместо введения), с.7.

⁹¹ См.: Андреева Г. М. Указ. соч., с. 84.

⁹² Там же, с. 117-118.

зрения, которая явилась основополагающей для трактовки понятия «знаковое общение» в рамках семиосоциопсихологии.

Анализ множества работ, в которых рассматриваются проблемы общения вообще и знакового общения в частности, дает возможность вычленив такую трактовку понятия «общение», которая, как представляется, наиболее адекватным образом раскрывает познавательные возможности этой категории. Названная трактовка сформировалась в рамках учения о речевом общении как важнейшем способе реализации социальных связей и отношений и как деятельности, опосредующей разнообразные виды социального взаимодействия между людьми. Именно этой точки зрения, в рамках которой общение не приравнивается к взаимодействию и не выделяется как феномен рядоположенной деятельности, но рассматривается как особая разновидность деятельности, наделенная своей специфической функцией⁹³, автор стремится последовательно придерживаться в работе. При этом в качестве специфической функции общения рассматривается особое предназначение названного феномена — служить обмену всеми видами материально-практической деятельности между социальными субъектами, т. е. служить важнейшим компонентом механизма социального взаимодействия. Практически это означает наличие потенциальной возможности совершенствования механизма взаимодействия и организации согласованных действий социальных субъектов на всех уровнях организации общества, или, иными словами, управления социальным взаимодействием через постоянное совершенствование одного из важнейших компонентов его механизма. Кроме того, этот угол зрения позволяет обоснованно исследовать общение и как один из факторов образа жизни, а результаты и продукты общения, вошедшие в культуру и общественное сознание, — как важнейшее условие (одну из детерминант) жизнедеятельности людей.

Отмечая, что стабильность внутренней организации общества как целого, так же как и его внутренняя эволюция, связана с процессом общения самым непосредственным образом, А. А. Леонтьев подчеркивает особое значение всей сферы взаимоотношений личности и общества, устанавливаемой через посредство знаков⁹⁴. Выделение способов достижения эффективности тех или других механизмов взаимодействия, благодаря которым поддерживается оптимальная организация взаимодействующих элементов, возможно именно с точки зрения общения⁹⁵, поскольку взаимодействие опосредовано общением.

А. А. Леонтьев указывает на неправомерность вычленения деятельности общения из общей системы деятельности человека, равно как и его отождествления со взаимодействием

---

⁹³ Наиболее четко это точка зрения представлена, на наш взгляд, в работах: Леонтьев А. А. К психологии речевого воздействия. – В кн.: Материалы IV Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1972; Он же. Психология общения; Зимняя И. А. Психология слушания и говорения: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1973; Она же. Психологические аспекты обучению говорению на иностранном языке. М., 1978; Буева Л. П. Человек: деятельность и общение; Андреева Г. М. Указ. соч.

⁹⁴ См.: Леонтьев А. А. Психология общения, с. 8-9, 15, 50-51, 73 и др.

⁹⁵ См.: Там же, с. 113.

(междудействием, интеракцией), справедливо замечая, что «деятельность общения есть такой же вид деятельности, как... продуктивная и познавательная деятельность, она и в психологическом отношении имеет ту же принципиальную организацию... а именно она интенциональна, т. е. мотивирована и имеет специфическую цель; она результативна и в этом смысле можно говорить о мере совпадения достигнутого результата с намеченной целью; она нормативна, т. е. как протекание, так и результат акта общения подвержены социальному контролю»⁹⁶. Целью общения является «то или иное направленное изменение в смысловом поле реципиента»⁹⁷, при этом наиболее развитым и специализированным как деятельность (по своим социальным и социально-психологическим функциям) является общение знаковое⁹⁸, в том числе речевое, применительно к которому особое значение приобретают случаи, когда речевые действия имеют «самостоятельную цель (подчиненную общей цели деятельности) и самостоятельную мотивацию, не совпадающую с доминирующей мотивацией той неречевой деятельности, которую обслуживают данные речевые действия. В соответствии с общими закономерностями психологической организации деятельности эти речевые действия могут выступать как „отдельные деятельности“. . .»⁹⁹.

На тот факт, что вербальное общение занимает все более значительное место не только в отечественных, но и в зарубежных социально-психологических, общепсихологических и психолингвистических исследованиях (работы Ч. Осгуда, Т. Сибеока, Дж. Миллера, Д. Уорта, Дж. Форда и др.), указывает И. А. Зимняя, предпринявшая одно из первых в нашей стране экспериментальных исследований, имевших целью раскрыть психологический механизм взаимодействия на основе общественно-исторически отработанной системы соответствующих средств общения.

Выделяя общественно-коммуникативную форму взаимодействия (в отличие, в частности, от общественно-производственной), она рассмотрела вербальное общение как основную форму общественно-коммуникативной деятельности, основанную на использовании соответствующих вербальных средств (в отличие от кинетических, изобразительных и символических). Соответственно в качестве высших психических процессов, осуществляющих регулирующую, планирующую и коррегирующую функцию в ходе названного взаимодействия, ею названы смысловыражение — для деятельности говорения и смысловое восприятие — для деятельности слушания.

Рассмотрение «слушания и говорения как видов речевой деятельности, а смыслового восприятия и смысловыражения как высших системных психических функций,

---

⁹⁶ Там же, с.47.

⁹⁷ Там же, с. 69.

⁹⁸ См.: Там же, с. 73.

⁹⁹ Так же, с. 50-51.

осуществляющих регулирование и планирование деятельности»¹⁰⁰, позволило автору выйти на весьма продуктивную мысль о возможности обучать этим видам деятельности, так же как и любым иным¹⁰¹.

С нашей точки зрения, это практически означает наличие потенциальной возможности совершенствования механизма взаимодействия как такового. Именно в возможности сделать этот последний вывод и видится несомненное преимущество рассмотрения общения, и в частности общения знакового как компонента механизма взаимодействия, а не как аналога последнего.

Представляется очевидным, что, изучая знаковое общение (т. е. общение, опосредованное знаками не только естественного языка, но и любых иных семиотических систем) как деятельность и как компонент механизма социального взаимодействия, можно также проследить за путями нормотворчества, за тем, как порождаются, поддерживаются и изменяются устойчивые характеристики деятельности и поведения людей, составляющих основу их образа жизни, поскольку в процессе знакового общения реализуется познание в самом широком смысле этого слова: происходят обмен знаниями и эмоциями; передача господствующих в данном обществе, в той или иной социальной общности моделей деятельности и поведения как в пределах одного поколения, так и от одного поколения к другому. В процессе знакового общения «формируются», поддерживаются и изменяются обычаи, ритуалы, традиции, неизменно влияющие на типы образа жизни людей, на избираемые людьми способы деятельности, поведения и взаимодействия.

При этом необычайно важно иметь в виду тот факт, что в реальную целостность общественно-исторического процесса органично включается мышление (интеллектуально-мыслительная деятельность) человека.

В итоге активной материально-практической и коммуникативно-познавательной деятельности, управляемых человеческой мыслью, «между субъектом и природой вырастает целый мир культуры, мир материально-технический, идейный и т.д. — словом, вместо биологических отношений утверждаются отношения общественно-исторического порядка»¹⁰². В этой деятельности и в этих отношениях проявляются и совершенствуются психические свойства человека, формируются высшие уровни индивидуального сознания. Возникает знаковое общение в его сугубо «человеческих» формах. В силу возникающих вследствие разделения труда субъективных условий, выражающихся в «разности предметного содержания сознаний

---

¹⁰⁰ Зимняя И. А. Психология слушания и говорения, с. 29.

¹⁰¹ См.: Зимняя И. А. О смысловом восприятии речи. – В кн.: Психологические вопросы обучения иностранцев русскому языку. М., 1972; Она же. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке; и др.

¹⁰² Мегрелидзе К. Р. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1973, с. 101.

индивидов»¹⁰³, именно в человеческом обществе возникает проблема знакового общения личностей как носителей сознания, знакового общения как деятельности и как составляющей механизма взаимодействия на всех уровнях социальной организации общества.

Познание в знаковом общении сопутствует (является одновременным) коммуникации. В этом смысле знаковое общение может быть идентифицировано как коммуникативно-познавательный процесс, располагающий собственным движущим механизмом. Структура коммуникативно-познавательного процесса, как нам представляется, формируется по преимуществу структурами действий порождения и интерпретации текстов (сообщений). Сменяя друг друга, эти действия (или подвиды текстовой деятельности) образуют не прерывающийся никогда континуум. Этот механизм необходимо учитывать независимо от того, какие аспекты знакового общения исследуются в том или ином случае, поскольку названные выше действия приобретают вполне самостоятельное значение, оказывая влияние на исход взаимодействия.

Воспринимая текст в ходе общения, интерпретирующий его партнер осуществляет встречное порождение текста. Эффект диалога, совпадающий в трактовке автора с представлением о смысловом контакте, обуславливается в конечном счете характером совмещения «конфигураций систем смысловых опор» в содержательно-смысловых структурах порождаемого и «встречного» (или «производного») текстов. Основой диалога оказывается, выражаясь фигурально, «моносубъектность» этого процесса, достигаемая через совпадение «смысловых фокусов» при обмене действиями порождения и интерпретации текстов. Наличие или отсутствие смысловых контактов в ходе знакового общения существенным образом, хоть и по-разному, влияет на характер и эффективность взаимодействия людей во всех сферах их социальной практики.

Понятие *смыслового контакта* является ключевым для семиосоциопсихологической трактовки категории «знаковое общение», фиксирующей важнейший, но не единственный способ установления социальных связей. Общение в отличие от того, что может быть названо «псевдообщением» (т. е. попытками общения, не увенчивающимися адекватными интерпретациями коммуникативных интенций) или «квазиобщением» (т. е. ритуальным «действием», заменяющим общение), цементирует осознанно мотивированное и целенаправленное взаимодействие. Обмен ритуальными «действиями», акты заражения, подражания, внушения, а также спонтанные моменты межличностного взаимодействия составляют ситуации псевдо- и квазиобщения, для которых эффект взаимопонимания не является обязательным¹⁰⁴. Роль таких актов в повседневной жизнедеятельности людей не следует приуменьшать, но и отождествлять их с общением также не следует.

---

¹⁰³ Там же, с. 102.

¹⁰⁴ Ср. с высказыванием Л. С. Выготского о заражении, которое «не заслуживает даже названия общения», в кн.: Хрестоматия по общей психологии, ч. 156.

Таким образом, знаковое общение как компонент механизма социального взаимодействия, обнаруживающий себя на всех уровнях социально-культурной организации общества, трактуется в настоящей работе тремя способами. «Знаковое общение» — это: 1) коммуникативно-познавательный *процесс*, формируемый «сцеплением» действий порождения и интерпретации текстов; 2) коммуникативно-познавательная *деятельность*, которая либо сопутствует материально-практической деятельности (тогда она обладает двойной мотивацией), либо оказывается *самостоятельной деятельностью* (с собственным мотивом, предметом, продуктом и результатом); 3) *смысловой контакт*, достигаемый лишь в случае совпадения «смысловых фокусов» порождаемого и интерпретируемого текста, обуславливающий эффект «моносубъектности» как основу для взаимопонимания, а следовательно, для межличностного диалога.

Хотелось бы отметить существенное отличие такого понимания знакового общения, а соответственно и межличностного диалога как смыслового контакта от теоретико-информационного представления о контакте в ставшей традиционной схеме коммуникации (источник—канал—приемник), на которой в силу ее общепринятости и сравнительной известности мы не станем задерживаться специально.

Любопытно, однако, что это кибернетико-информационное представление нашло применение не только в теории массовой коммуникации, но и в теории речевого общения. Так, весьма распространенная среди лингвистов схема речевого общения, описанная Р. Якобсоном, охватывает следующие шесть моментов коммуникативного акта: 1) сообщение, которое 2) адресант (отправитель) посылает 3) адресату (получателю). Оба партнера пользуются 4) кодом, «полностью или хотя бы частично общим». За сообщением стоит воспринимаемый адресатом 5) контекст (или референт, денотат). Наконец, необходим 6) контакт, понимаемый как «физический канал и психологическая связь между адресантом и адресатом, обуславливающая возможность установить и поддержать коммуникацию»¹⁰⁵.

Каждому из выделенных факторов коммуникации, схематизированной таким образом, соответствует особая функция языка. В частности, поддержанию контакта соответствует фатическая функция языка, связанная с привлечением внимания и подразумевающая возможность так называемого фатического общения, или обмена высказываниями с единственной целью — поддержанием разговора. Последнее же достигается за счет понимания элементов кода.

Иными словами, в этой схеме весьма условно толкуется понятие контакта. Контакт, а значит и общение, сводится к обмену «кодowymi потоками» посредством каналов

---

¹⁰⁵ Якобсон Р. Лингвистика и поэтика. — В кн.: Структурализм: «за» и «против». М., 1975, с. 198; см также: Психологические механизмы целобразования / Под ред. О. К. Тихомирова, М., 1977, с. 11

информационной связи. Субъекты, находящиеся на разных полюсах канала коммуникации, практически связаны лишь формально. Естественно, что при такой трактовке общением оказывается любая форма связи между людьми, включая те, что возникают при внушении, подражании и прочих формах неосознаваемого (малоосознаваемого) поведения, т. е. в ситуациях псевдо- и квазиобщения.

В рамках концепции знакового общения как деятельности и составляющей механизма социального взаимодействия формы выражения (воплощения) смысловой информации и коммуникативной интенции приобретают значение лишь постольку, поскольку выбор этих форм (как средств или инструментов) сказывается на мере и степени смысловых контактов в ходе обмена текстуально организованной смысловой информацией. Соответственно формальная связь, возникающая в ходе информационного процесса между субъектами, остающимися тем не менее на разных полюсах канала информационной связи, не рассматривается семиосоциопсихологией в качестве знакового общения.

То обстоятельство, что, входя в механизм социального взаимодействия, знаковое общение располагает и собственным механизмом, поддающимся анализу, а также качественной и даже количественной оценке, делает необходимым изучение этого последнего для правильного понимания всех связанных с ним процессов. Это тем более существенно, что механизм этот, как показывает уже имеющийся практический опыт, управляем через обучение путем формирования умений и навыков оперирования познавательными и коммуникативными (в том числе речекоммуникативными) элементами в ходе текстовой деятельности.

Касаясь знакового общения в данной работе, мы будем рассматривать по преимуществу основной вид социально-знаковой деятельности, предполагающий использование средств естественного языка. Мы ограничимся анализом фактов речевого общения (не путать с речевой деятельностью) как наиболее распространенной формы знаковой реализации социальных связей.

Ниже мы постараемся доказать, что в самом широком смысле слова знаковая деятельность (включая оперирование знаковыми системами, рядоположенными естественному языку, — пантомимический, изобразительный или музыкальный способы воплощения эмоциональной и интеллектуально-мыслительной деятельности сознания, — и вторичными по отношению к естественному языку — дорожные знаки, знаки отличия и пр.) должна стать предметом не только общей (описательной), но и социально-психологической семиотики.

Не случайно один из наиболее плодотворных путей развития семиологии Э. Бенвенист видел в «надъязыковом (транслингвистическом) анализе текстов... — в направлении

разработки метасемантики, которая будет надстраиваться над семантикой высказывания. Это будет семиология «второго поколения», — писал он, — и ее понятия и методы смогут содействовать развитию других ветвей общей семиологии»¹⁰⁶.

Семиосоциопсихология (уже — лингвосоциопсихология) изучает знаковое общение как процесс обмена текстуально организованной смысловой информацией. Соответственно она изучает место текстовой деятельности в структуре социальной коммуникации; роль и место текстов (сообщений) в мотивированном и целенаправленном обмене идеями, представлениями и эмоциями, установками и ценностными ориентациями, образцами поведения и деятельности.

Такой обмен, как уже отмечалось, не только обуславливает процесс духовного производства, но прежде всего служит фактором реального и эффективного взаимодействия, т. е. адекватного поставленным целям обмена материально-практической деятельностью в процессе актуализации межличностных, внутри- и межгрупповых социальных связей на всех уровнях социальной организации общества. *Предметом семиосоциопсихологических исследований оказываются в итоге и социально-психологические закономерности внедрения текстопорождающей интеллектуальной знаково-мыслительной деятельности в общественную практику, в образ жизни людей, в культуру и в общественное сознание.*

Предметом эмпирических исследований в рамках названного направления научных исследований становится мотивированный и целенаправленный обмен действиями порождения и интерпретации текстов как практически не прерывающийся социально-психологический процесс, запечатлевающий в себе содержание и структуру названных действий. В центре внимания семиосоциопсихологических исследований оказываются, таким образом, содержательный и структурный аспекты обмена текстуально организованной смысловой информацией, осуществляемого в пределах открытой (т. е. погруженной в социально-экономический и социально-культурный контексты и ими детерминированной как в целом, так и применительно к входящим в нее контрагентам) коммуникативной системы «текст—интерпретатор». В этой коммуникативной системе текст рассматривается не как языковая единица, т. е. не как любой отрезок линейно организованного потока речи, а как единица общения, т. е. как функциональная иерархически организованная содержательно-смысловая целостность, соотносимая с коммуникативно-познавательным намерением субъекта общения. Именно это намерение, мотивируя возникновение данного, а не какого-либо иного текста, реализуется в последнем в виде иерархии коммуникативно-познавательных программ. Воплощая собой эту иерархию, текст выступает в общении как продукт особого рода интеллектуально-мыслительной активности личности, направленной на организацию смысловой информации для общения. Этот вид личностной активности, включающий

---

¹⁰⁶ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 89.

вербальные и невербальные интеллектуально-мыслительные операции, совершаемые для организации смыслов в ходе общения, мы называем *текстовой деятельностью*.

Структура текстовой деятельности эксплицируется в содержательно-смысловой структуре текста как целостной единицы общения (вне зависимости от того, устный это текст или письменный и с какой сферой социальной коммуникации он связан). Поэтому, исследуя содержательно-смысловую структуру текста, мы в сущности исследуем структуру облеченной в предметную (знаковую) форму мотивированной и целенаправленной коммуникативно-познавательной деятельности субъекта. Но субъект включен одновременно как минимум в два ключевых вида социальной деятельности: в материально-практическую и в коммуникативно-познавательную. И значит, в ходе последней, порождая текст, он действует в конкретном социально-экономическом и социально-культурном контексте, в определенных жизненных обстоятельствах и выступает и как носитель вполне определенного жизненного опыта, и как обладатель определенных объективных (обусловленных, в частности, принадлежностью к той или иной социально-профессиональной, социально-демографической группе, т. е. позицией в системе общественных отношений, либо фактом включенности в малую контактную группу)¹⁰⁷, а также субъективных признаков, включая множество навыков и умений, как интерпретатор (а не только коммуникатор) и своего собственного, и множества других текстов, вошедших в его коммуникативное «окружение». Сказанное в равной мере относится и к интерпретатору текста, который в ходе мотивированной и целенаправленной интерпретационной коммуникативно-познавательной деятельности порождает встречные, или «производные» тексты в контексте обстоятельств, аналогичных тем, что сказываются на текстопорождающей деятельности коммуникатора. В итоге мы имеем дело с воссозданным в «двухзвенной» коммуникативной системе «текст—интерпретатор» диалектическим субъект-субъектным отношением¹⁰⁸, где контрагенты вступают в активный обмен смысловой информацией, постоянно меняясь своими ролями. В рамках таким образом представляемого предмета эмпирических исследований конкретному изучению подлежат, с одной стороны, тот уровень активности индивидуального сознания, на котором мотивационно-ценностные и абстрактно-логические мыслительные структуры обретают свое языковое (знаковое) оформление, т. е. высший уровень интеллектуально-мыслительной активности индивида, связанный с порождением и интерпретацией текстов; с другой стороны, сами порождаемые и интерпретируемые тексты, в которых в процессе общения находят свое воплощение знаково-мыслительная и коммуникативно-познавательная активность индивида.

---

¹⁰⁷ О возможных уровнях анализа общения (макро-, мезо- и микроуровни) см.: Ломов Б. Ф. Проблема общения в психологии: (Вместо введения), с. 7.

¹⁰⁸ См.: Там же.

Семиосоциопсихологические (лингвосоциопсихологические) исследования будут способствовать пониманию смысловых механизмов социального взаимодействия людей, поскольку общественная деятельность протекает в «атмосфере» общения, сопровождаемого бесконечным порождением и потреблением разнообразных текстов. Возникая из потребностей этой деятельности, тексты как бы обретают новое качество и, в свою очередь, влияют на механизмы регуляции социальной деятельности и поведения.

Предлагаемое направление научного поиска может сыграть весьма заметную роль в развитии социальной психологии. Область приложения семиосоциопсихологических исследований распространяется на всю сферу социально значимой коммуникативно-познавательной деятельности человека, связанную с языком. Ее интересуют не явные, но весьма заметные по своим последствиям процессы, связывающие хранящиеся в сознании элементы познанных с поступающими туда же символическими стимулами¹⁰⁹. Познание здесь выступает как процесс интернализации не только данных материально-практического опыта, но и интерпретации и избирательного поглощения индивидуальным сознанием смысловой информации, циркулирующей в обществе в виде текстов. Весьма вероятно, что дальнейшая разработка предмета и понятийного аппарата семиосоциопсихологии (лингвосоциопсихологии) внесет также немало уточнений и в теорию общения.

---

¹⁰⁹ Smith R. G. Speech-communication: Theory and models. N. Y.; L., 1970.

ТЕКСТОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ЗНАКОВОГО ОБЩЕНИЯ

---

§ 1. Социально-психологическая семиотика и текстовая деятельность

Способ (язык) описания, так же как и единицы анализа исследуемого объекта, могут подбираться двояко: либо это язык и (или) единицы теории, задающей цель описания (у нас это анализ коммуникативных систем в рамках теории деятельности), либо это привнесенные способы и (или) единицы, разработанные в других аналитических системах. В этом последнем случае избранная аналитическая система выступает в качестве метаязыка описания или той моделирующей системы, в рамках и на уровне которой будут осмыслены единицы анализа объекта, подлежащего изучению.

Использование теории знаков и знаковых систем в качестве «методологического средства междисциплинарного синтеза» при анализе конкретных социально-исторических процессов характерно для марксистско-ленинской диалектико-материалистической традиции¹. Материалистический взгляд на историю предполагает конкретно-историческое рассмотрение взаимодействия производительных сил и производственных отношений, базиса и надстройки, изменение которых определяет существо исторического процесса. «Общественные отношения делятся на материальные и идеологические. Последние представляют собой лишь надстройку над первыми», — писал В. И. Ленин². «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания», — писал К. Маркс в предисловии к «Критике политической экономии»³. Одной из фундаментальных, коренных и традиционных проблем исторического материализма является проблема взаимодействия базиса и надстройки. Уяснение этой проблемы в рамках данной работы имеет важное теоретико-методологическое значение, так как позволяет еще раз осмыслить и подчеркнуть

---

¹ См.: Методологические проблемы взаимодействия общественных, естественных и технических наук. М., 1981, с. 25.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 134.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 6—7.

большое значение, которое придавалось основоположниками историко-материалистической философии субъективному фактору общественного развития. «...Процесс (преходящего, конечного, ограниченного) познания и *действия* превращает абстрактные понятия в законченную объективность»,⁴ — писал В. И. Ленин, подчеркивая тем самым, что объективное в общественном развитии в значительной мере возникает как итог воплощения в общественной практической деятельности определенных понятий и представлений людей, совершающих свои действия в определенных, детерминирующих эти действия конкретно-исторических условиях. Это диалектическое единство сознания и деятельности и составляет сущность диалектического взаимодействия субъективного и объективного факторов в человеческой истории, одним из важнейших проявлений которого является взаимодействие базиса и надстройки. «Хотя надстройка и определяется базисом и между ними существует взаимосвязь, но развитие надстройки протекает относительно самостоятельно, точнее говоря, различные формы общественного сознания имеют самостоятельные линии... При этом нужно иметь в виду, что чем «дальше» от базиса та или иная форма общественного сознания, тем более *опосредованно* (курсив мой. — Т. Д.) влияние на нее базиса, тем большей относительной самостоятельностью она обладает», — пишет В. И. Разин⁵, фиксирующий далее внимание на особом значении «обратного воздействия надстройки на базис... активной роли надстройки» в ходе взаимодействия базиса и надстройки⁶.

Представляется, что относительная самостоятельность надстройки, так же как и ее обратное воздействие на базис, в существенной мере обусловлена предметной (знаковой) формой исполнительной фазы текстовой деятельности. Продукты этой деятельности — тексты — оказываются важнейшим опосредующим звеном во взаимодействии базиса и надстройки, и не только потому, что, как подчеркивают некоторые семиологи, создание знаков представляет собой определенную разновидность материального производства (создание и тиражирование разнообразной печатной продукции и многочисленных типов социальной символики, выпуск теле-и радиопрограмм и т. д.) и в этом смысле подчиняется закономерностям базиса, но прежде всего потому, что в ходе текстовой деятельности в знаковой форме материализуется (объективируется) мотивированная интеллектуально-мыслительная активность социальных субъектов. Порождая и интерпретируя тексты, социальные субъекты, принадлежащие к разным уровням социально-культурной организации общества, моделируют и модифицируют в них уже бытующие нормы и образцы поведения и деятельности и создают новые, вплоть до новых способов осмысления бытия. Возникновение социально-культурных инноваций, включаемых в

---

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 177.

⁵ Категории исторического материализма. М., 1980, с. 69—70.

⁶ Там же, с. 70

социальную практику,— дело не только рук человеческих, но и плод активности человеческой психики, человеческого сознания, и потому процесс этот соотнобразуется не только с закономерностями развития базиса, но и с закономерностями развития феноменов надстройки, обладающих собственной, им присущей спецификой.

Текстовая деятельность хоть и не служит непосредственно удовлетворению насущных материальных потребностей, однако служит им опосредованно — через удовлетворение важнейшей потребности общественного человека в самовыражении, в организации взаимоотношений и взаимодействий с другими людьми. Имеющиеся в распоряжении людей средства, необходимые для создания текстов, должны обладать чрезвычайной гибкостью, позволяя реализовать с их помощью самые сложные коммуникативно-познавательные замыслы. Советский обществовед И.А. Хабаров, касаясь вопроса о значении «видеографической знаковой системы», а именно письменности, для развития цивилизации, для всего социально-исторического процесса, не случайно отметил, с одной стороны, особую гибкость этой системы для моделирования познавательных процессов, а с другой — ее непосредственную включенность в коммуникацию, а через последнюю в производственные, торговые и культурные связи и отношения⁷.

Непосредственная включенность знаков в коммуникацию создает основу для выбора в качестве средства или метаязыка, удобного для анализа и описания знакового общения с социально-психологической точки зрения (т. е. при исследовании актуальных процессов смыслопорождения и смысловосприятия, а не истории производства «фактур» знаков как материальных носителей смысловой информации, входящих в те или иные семиотические системы),— языка социально-психологической семиотики. Социопсихологическая семиотика — это не просто аналитическая система с собственной единицей анализа — знаком, но и теория мотивированного и целенаправленного порождения и общественного обращения знаков (знаковых систем). Ни одна другая аналитическая система (ср., например, с формальной логикой и математикой)⁸ не оперирует единицами столь социальными и одновременно социально-психологическими в самой своей основе и по исходному определению. Элементарная единица семиотики — знак (как конструкт или «знаковая модель»)⁹ — не существует вне программы деятельности и поведения его истолкователя (интерпретатора). Знак коммуникативен как по своей природе, так и по функции, и именно этот, основной его отличительный признак лежит в основе его модели. Не случайно, поднимая вопрос о семио-

---

⁷ Хабаров И. А. *Философские проблемы семиотики*. М., 1979, с. 106.

⁸ Социально-психологическая семиотика, как и социальная психология, в состав которой она, с нашей точки зрения, входит, не абстрагируется от проблемы возникновения и вообще от генезиса знака, в то время как формальная логика абстрагируется от вопроса о том, как возникли элементы суждения, а математика — от того, как возникли элементы математических множеств. Ср.: Брушлинский А. В. *Мышление и прогнозирование*. М., 1979, с. III.

⁹ Леонтьев А. А. *Психология общения*. Тарту, 1974, с. 93.

логии как науке, призванной изучать «жизнь знаков в рамках жизни общества», выдающийся лингвист Ф. де Соссюр полагал, что последняя станет частью социальной, а впоследствии и общей психологии¹⁰.

В настоящее время теория знаков и знаковых систем обрела значительно более ясные очертания; наметились по меньшей мере две тенденции в ее разработке: стремление к созданию и обоснованию общей знаковой теории, восходящей к «универсальной алгебре отношений» Ч. Пирса¹¹, и иная — продолжать намеченную в русле социальной психологии линию рассмотрения и трактовки знака через его включенность в деятельностные и поведенческие структуры¹². В русле второй и, как кажется, более перспективной тенденции развивается социально-психологическая семиотика, использующая, однако, достижения первой, особенно в плане разработки аналитического аппарата.

Мы позволим себе согласиться с утверждением выдающегося советского психолога Л. С. Выготского, который противопоставил бихевиористской трактовке человеческого поведения, основанной на простых психофизиологических механизмах как безусловно-рефлекторного, так и условнорефлекторного типа, совершенно иное понимание интеллектуального поведения, опирающегося на употребление знаков. При этом, по Л. С. Выготскому, знак в силу самой своей природы предполагает активную ответную реакцию, явную и скрытую, внутреннюю. На пути к словесному выражению мысль «не только опосредуется знаками, — пишет Л. С. Выготский, — но и внутренне опосредуется значениями»¹³.

В этой связи представляет несомненный интерес семиотическая концепция американского философа и социального психолога Ч. Морриса, который не без основания полагал, что семиотика в единстве всех трех ее аспектов (семантики, прагматики и синтактики) может выступить в качестве средства описания различных сторон человеческой деятельности¹⁴. Каждый знак, полагал он, ориентирован на интерпретацию (истолкование) и всегда предполагает наличие интерпретатора. Соответственно Моррис определил знак как сигнал, выступающий в качестве заместителя стимула-объекта, вызывающего предрасположение организма к той же реакции, что и стимул-объект¹⁵. Моррис отмечал, что способы употребления и толкования знаков играют очень важную роль в деле

¹⁰ Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977, с. 54.

¹¹ Pierce C. S. Selected writings. - Dover Publicatuon, 1958, p. 389.

¹² См. работы Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. А. Леонтьева, а также публикации Ч. Морриса и Г. Клауса. О психосемиотике и возможных направлениях исследований в этой области см.: Гамезо М. В., Ломов Б. Ф., Рубахин В. Ф. Психологические аспекты методологии и общей теории знаков и знаковых систем. — В кн.: Психологические проблемы переработки знаковой информации. М., 1977. с. 5—48.

¹³ Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М., 1956, с. 379.

¹⁴ Дридзе Т. М. Семиотические аспекты социального поведения в концепции Чарльза Морриса. — Вопр. философии, 1970, № 8, с. 167—174.

¹⁵ Morris Ch. W. Signs, Language and behavior. N.Y., 1946, p. 30, 60-91.

целесообразного сотрудничества между людьми, и, сообразуясь с этой своей точкой зрения, разработал весьма продуктивную классификацию знаков, исходя из характера их использования в ходе общения и взаимодействия людей друг с другом.

Ч. Моррис, который сам объявил себя бихевиористом, во многом, однако, преодолел двучленную поведенческую схему в ходе анализа социального функционирования знаков. Он обратил специальное внимание на социальное и индивидуальное значение знаков, а также на то, что при сознательном соотнесении используемых знаков с окружающей социальной реальностью поведение из автоматической ответной реакции превращается «в критическое и разумное»¹⁶.

Вместе с тем философские взгляды Ч. Морриса формировались в лоне неопозитивизма — современной формы позитивистской философии, сводящей мир к опыту при отрицании объективной истины.

Ограниченность исходных мировоззренческих посылок сказалась и на семиотической концепции Ч. Морриса, проникнув в нее через неадекватную трактовку сущности познавательного отношения человека к миру. Познание рассматривается Моррисом как форма знакового поведения в отвлечении от материально-практической деятельности и от обмена такой деятельностью между людьми. Тем самым познавательная деятельность оказывается сведенной к деятельности коммуникативно-познавательной. Мир для человека существует лишь в знаках и знаковых комбинациях. Творческие мыслительные процессы, основанные на деятельности психического отражения реально существующих вещей и их свойств, подменяются языковой комбинаторикой, а иногда и «словесной эквилибристикой».

Приведенное выше определение знака, предложенное Моррисом, конечно же, неполно и подлежит доработке для целей анализа общения. Как справедливо отмечает А. А. Леонтьев, «известную сложность представляет... тот факт, что под одним и тем же названием знака в практике научного исследования выступают три различных аспекта, по существу три несовпадающих понятия. Это, во-первых, знак как реальный компонент реальной деятельности, как вещь или материальное языковое «тело», включенное в деятельность человека (знак₁). Это, во-вторых, знак как идеальный образ, как эквивалент «реального знака» в обыденном сознании (знак₂)... Наконец, в-третьих, под знаком можно понимать продукт научного осмысления структуры и функций объективного знака, т. е. знаковую модель (знак₃). Все три аспекта, как правило, нечетко разграничиваются или вообще не разграничиваются в практике научного исследования»¹⁷.

---

¹⁶ Ibid., p. 30, 60-91.

¹⁷ Леонтьев А. А. Психология общения, с. 93.

«Быть может, — отмечает там же А. А. Леонтьев, — целесообразно ввести вместо одного термина «знак», получившего в тексте данной работы цифровые индексы, соответственно понятия знака (знак₁), знакового образа (знак₂) и знаковой модели (знак₃)».

Вслед за Е. Н. Соколовым А. А. Леонтьев обращает внимание на тот факт, что «знаковый образ» — это некая внутренняя модель, «в известном (но ограниченном!) смысле программирующая деятельность субъекта благодаря тому, что она соответствующим образом моделирует внешний мир»¹⁸.

В нашем дальнейшем рассуждении, квинтэссенцией которого является представление о тексте как о знаке₁, мы будем постоянно опираться на предложенное А. А. Леонтьевым методологическое расчленение, и прежде всего на категории знака и знакового образа. Вместе с тем в качестве исходного мы предложили бы следующее определение знака, приемлемое в рамках семио- и лингвосоциопсихологии.

Знак — это квазиобъект (материализованная «фигура сознания»), который, выступая в качестве (в функции) заместителя реального объекта, т. е. представляя (репрезентируя) другой объект, задает программу деятельности и поведения его истолкователю. Иными словами, знак по функции и исходному определению прежде всего коммуникативен, а условием названной коммуникативности является, с нашей точки зрения, известная замкнутость (целостность) содержательно-смысловой структуры знака, его «программность», которая реализуется тем полнее, чем четче и аргументированнее воплощена эта программа в знаке. Именно в целях такой «аргументации» человек и вводит элементарные знаки в те или иные связи с другими элементарными знаками, в также формирует знаки более высокого порядка. Язык содержит совокупность элементарных знаков, при этом каждый знак имеет значение до известной степени общее для некоторого класса истолкователей (интерпретаторов). Условием существования языка как раз и является общепонятность его знаков. И вместе с тем не следует забывать о ситуативности значений или «многозначности» знаков, возникающей в контекстах общения, т. е. лишь об относительном постоянстве значения знаков для данной ситуации общения, не говоря уже о том индивидуальном, что присовокупляется к значению знаков при их истолковании, т. е. при возникновении «знаковых образов» в ходе текстовой деятельности. В ходе этой деятельности разные по сложности элементарные знаки включаются в многоступенчатые информативные связи, способствующие осуществлению определенной, пусть не всегда четко представляемой и формулируемой, но все же намечаемой (искомой) цели общения и взаимодействия. В этой связи представляются весьма ценными итоги

---

¹⁸ Там же.

экспериментов, проведенных А. В. Брушлинским¹⁹, в ходе которых исследователю удалось экспериментально проследить стратегию целедостижения, процесс постепенной кристаллизации «прогнозируемого искомого»²⁰ в сознании испытуемых в ходе порождения ими «первичного» устного текста, отражавшего «развернутый живой процесс мышлений». Человек порождает текст как целостное образование, запечатлевающее в себе образ поисковой деятельности, совершаемой в разнообразных жизненных и социальных ситуациях, т. е. в контексте определенных объективных конкретно-исторических условий, так или иначе преломляемых в сознании социальных субъектов.

§ 2. Текстовая деятельность в структуре знакового общения

Вводя элементарные знаки в различные смысловые связи в составе сложных знаков более высокого порядка (слова в высказываниях, высказывания — в коммуникативных блоках (предикациях), а последние в текстах (сообщениях)), человек совершает мотивированные действия, способствующие осуществлению определенной, пусть не всегда четко представляемой, но все же намеченной цели общения. Замысел общения мотивирует возникновение целостного текста (сообщения), причем именно задуманного, а не какого-либо иного. Но, порождая одни тексты, мы обращаемся к другим и к третьим и потребляем их опять же с определенной целью, осознанно, а иногда и неосознанно, ориентируясь на искомый результат. Тысячи, миллионы читающих и слушающих, а короче, реципиентов интерпретируют «потребляемые» тексты (сообщения), в чем-то по-разному ощущая текстовую действительность, обогащая, а порой и обедняя ее.

Порождение и потребление текстов — это виды знаковой деятельности, иногда соединенные, а иногда и разделенные во времени. Тем не менее они всегда остаются компонентами механизма сложной и многогранной деятельности более высокого порядка, которую мы уже неоднократно называли коммуникативно-познавательной.

Возникая из потребностей общественной деятельности и функционируя в социальной коммуникации, тексты как бы обретают новую жизнь, трансформируясь в бесчисленном множестве интерпретаций. В этой новой своей жизни, когда судьба содержащейся в тексте концепции или, скажем, смысловой информации нередко решается той интерпретацией содержания текста, которая завоевала себе место и привилась в общественной практике в силу тех или иных объективных причин (скажем, та или иная интерпретация оказалась

---

¹⁹ Брушлинский А. В. Мышление и прогнозирование, с. 103—204 и др.

²⁰ Там же.

статистически более частой, встречалась чаще других или в большей степени, чем иные, отвечала духу времени, общественным интересам и пр.), «текстовая деятельность» становится частью общественно-исторического опыта. Она «вплетается», пользуясь выражением К. Маркса, в процессы продуктивной познавательной деятельности. Сливаясь с ней, она участвует в формировании общественного сознания, внедряется в механизмы регуляции общественной деятельности и поведения.

Указанную социальную функцию текстов, выполняемую ими на всех уровнях и во всех звеньях социальной организации общества, особенно нельзя недооценивать тому, кто своей социальной ролью (писатель и журналист, лектор и пропагандист, актер и педагог и пр.) призван «проследить судьбу слова не только в воздухе, но и в душах тех, к кому слово обращено»²¹. Эту функцию нельзя недооценивать оттого, что текст, как правило, выступает в качестве основного, а нередко и единственного источника информации о деятельности, выходящей за рамки непосредственного обихода и профессиональной специализации человека. Иными словами, текст становится источником сведений о той предметной реальности, с которой отнюдь не всегда наш интерпретатор вступает в непосредственный контакт.

Сказанное, по-видимому, означает, что характер восприятия и смысловой интерпретации разнообразных текстов, вошедших в сферу практического опыта индивида, может решительным образом сказаться как на его собственной деятельности, так и на деятельности тех, с кем (на основе, в частности, и этой стороны своего практического опыта) будет в дальнейшем общаться человек.

Необходимо при этом учитывать, что, уходя корнями в материально-практическую деятельность, текстовая деятельность (особенно в эпоху массового тиражирования текстов) все более кристаллизуется в самостоятельный вид деятельности с «внутренними», реализуемыми в рамках знакового общения мотивами и целями коммуникативно-познавательного и эмоционального свойства. Реализация названных мотивов и целей может отстоять в пространстве и времени от целей той материально-практической деятельности, с которой текстовая деятельность соотносится порой не непосредственно, а в крайне опосредованной форме.

Скажем, формирование личности в процессе обучения тому или иному предмету происходит (точнее, должно происходить) в ходе общения педагога с учащимися. Такое общение включает в себя практически непрерывное порождение и (или) предъявление друг другу обоими субъектами педагогического процесса (как педагогами, так и учащимися) подлежащих интерпретации текстов. Эта текстовая деятельность мотивируется целым

---

²¹ Луначарский А. В. Из статей и выступлений разных лет. — В кн.: Об ораторском искусстве. М., 1973, с. 306.

комплексом факторов, определяющих направленность учебной деятельности не только на привитие определенных умений и навыков, но также и на передачу идей, знаний и представлений, установок, ценностных ориентации, норм и образцов поведения и деятельности. Все это необходимо человеку и обществу, всей системе социальной практики. Вместе с тем действительные практические свидетельства того, что такие цели достигнуты, общество получит позднее и далеко не сразу. В пределах же коммуникативной системы «текст—интерпретатор» имеется известная возможность оценить эффективность педагогического процесса. Правда, это будет оценка не более чем самого факта донесения замысла текстовых материалов, в ходе интерпретации которых названные идеи, знания и представления, установки, ценности и нормативные предписания должны были бы стать достоянием обучаемых. Самоценное значение приобретает в этом случае адекватное общение, а текстовая деятельность обретает внутреннюю мотивацию и цель, мерой реализации которых и определяется ее эффективность.

Можно было бы и дальше идти по пути демонстрации не только общих, но и более частных примеров выделения текстовой деятельности в самостоятельную, интенциональную и в высшей степени социально значимую. К. Маркс выделял два основных вида духовного производства. В ходе первого, указывал он, создаются продукты, которые «способны сохранять свое существование в промежутке времени между производством и потреблением и, стало быть, могут обращаться в течение этого времени как *пригодные для продажи товары*; таковы, например, книги, картины и вообще все произведения искусства, существующие отдельно от художественной деятельности создающего их художника»²². В ходе второго создаются продукты, производство которых непосредственно совпадает с их потреблением, поскольку продукт «неотделим от того акта, в котором он производится, как это имеет место у всех художников-исполнителей, ораторов, актеров, учителей, врачей, попов и т. д.»²³

Очевидно, что и в первом и во втором случаях К. Маркс ведет речь об особых, специфических продуктах духовного производства — о текстах, облеченных в предметную форму с помощью разных семиотических систем. Благодаря этому текстовая деятельность как вид духовного производства не только сопутствует материально-практической деятельности, но и сама кристаллизуется в деятельность с завершенной психологической структурой. Выдвигая данный тезис, который ниже мы постараемся доказать, подкрепляя его уже имеющимися научными данными, мы опираемся на него как на постулат, с тем чтобы, исходя из него, строить логику нашего дальнейшего исследования. Учитывая факт прагматической отмеченности той единственной и неповторимой системы многоступенчатых информативных

---

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. I, с. 420.

²³ Там же, с. 421.

связей, в которую включены в каждом конкретном тексте отдельные языковые знаки и символы, мы можем рассматривать текст как целостное образование с характеристиками, качественно отличными от тех, что присущи знаку—элементу лингвистически (Ф. де Соссюр) или чисто семиотически (Ч. Пирс, Дж. Дьюи, Р. Карнап и др.) анализируемой языковой системы. Таким образом (в терминах семиосоциопсихологии), элементарные знаки могут быть рассмотрены в качестве одного из *первичных продуктов* деятельности общения, текст же как некоторый более высокий уровень знаковой организованности — в качестве вторичного продукта названной деятельности.

Представление о тексте как о сложном знаке, т. е. единице, по определению и функции предполагающей наличие истолкователя и по самой своей природе рассчитанной на интерпретацию и через нее на определенную активность, проявляемую или не проявляемую вовне, делает возможным уже упоминавшийся выше способ рассмотрения текстовой деятельности как трехфазной (по П. Я. Гальперину), т. е. включающий в себя: 1) ориентировку, состоящую в специфической по содержанию и направленности интеллектуально-мыслительной активности, предполагающей осмысление проблемной ситуации общения и предмета коммуникации — коммуникативного намерения (замысла общения), мотивирующего текстовую деятельность, диктующего содержание и структуру планируемой к реализации в тексте коммуникативно-познавательной программы. Представляется разумным, что такое осмысление включает в себя соответствующее эмоциональное переживание и оценку²⁴. Сюда же входит поиск путей и способов наиболее адекватного воплощения коммуникативного замысла и отвечающей ему «аргументации»; 2) исполнение, состоящее в материализации замысла общения с привлечением средств той или иной семиотической системы (языка); 3) коррекцию (контроль), состоящую в отработке как самого замысла общения, так и способа его материализации в тексте.

Предметом текстовой деятельности является коммуникативная интенция общающихся, т. е. не смысловая информация вообще, а смысловая информация, цементируемая замыслом, коммуникативно-познавательным намерением.

Соответственно в качестве мотива-цели текстовой деятельности может рассматриваться стремление к реализации определенного, т. е. поддающегося содержательной интерпретации, коммуникативно-познавательного намерения (интенции, замысла), а в качестве действий могут рассматриваться конкретные акты осмысления и операции с применением мнестических средств (т. е. средств памяти), с одной стороны, и средств предсказания, т. е. выражения с

---

²⁴ Таким образом, процессуальное содержание ориентировочного этапа текстовой деятельности не совпадает с процессуальным содержанием аналогичного этапа речевой деятельности, которая, согласно психолингвистической теории, практически сводится к поиску речевых средств на послезамысловой фазе текстообразования.

использованием того или иного конкретного языка, — с другой. Такое расчленение позволяет выделить названные цели, а также соответствующие действия и операции, построив адекватную экспериментальную процедуру.

Текстовая деятельность независимо от того, идет ли речь о порождении или интерпретации текстуально организованной смысловой информации, включает в себя, как отмечалось выше, все основные фазы предметного действия: ориентировочную, исполнительную и контрольно-коррекционную²⁵, последняя из которых может в равной мере сопровождать как первую, так и вторую из названных фаз. Анализируя тот или иной текст как воплощение коммуникативно-познавательного намерения его автора, как иерархию содержательно-смысловых блоков (предикаций), мы стремимся реконструировать ориентировочную фазу текстовой деятельности, которая, предшествуя появлению текста в качестве продукта текстовой деятельности, естественно, находит в нем свое отражение. Именно в этом смысле мы говорим о том, что текст не только продукт и объект коммуникативно-познавательной деятельности, но и «образ» ее.

В этой связи представляется целесообразным коротко остановиться на итогах серии экспериментов, цель которых состояла в выявлении особенностей мышления как прогнозирования, или «мысленного предвосхищения искомого», которые были проведены А. В. Брушлинским²⁶. В ходе экспериментов исследователи фиксировали на магнитофонной ленте устные тексты, порождавшиеся испытуемыми в ходе решения предъявленных им экспериментальных мыслительных задач. При этом в качестве «дозированного внешнего воздействия» на протекание внутреннего мыслительного процесса была использована методика подсказок²⁷.

Ход рассуждения и основная гипотеза исследователей сводились к следующему. Учитывая, что «всякий мыслительный процесс осуществляется (и хотя бы в минимальной степени начинает развиваться) в ходе непрерывного взаимодействия внешних и внутренних условий деятельности» и что «лишь в процессе такого взаимодействия возникают и формируются все новые промежуточные, а затем и конечные состояния мышления», исследователи предположили, что указанные состояния мышления не существуют «в виде изначально predeterminedного эталона»²⁸. Иными словами, в сознании человека, решающего ту или иную мыслительную задачу, нет «разработанного» заранее плана реализации

---

²⁵ Ср., в частности: *Гальперин П. Я.* О методе поэтапного формирования умственных действий. — В кн.: *Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии.* М., 1981, с. 98. См. также: *Леонтьев А. А.* Психология общения, с. 127—130, 149—211.

²⁶ *Брушлинский А. В.* Мышление и прогнозирование. Там же, с. 103—118.

²⁷ Там же, с. 103—118.

²⁸ Там же, с. 109.

мыслительных операций и последние совершаются отнюдь не на основе выбора готовых альтернатив.

«Операции и любые другие компоненты психического мыслительного процесса не даны заранее в готовом виде, в качестве четко отделенных элементов («кирпичиков», или «атомов»), — пишет автор цитируемой книги. — Не только их последовательность, но и они сами возникают и формируются в органической взаимосвязи друг с другом в ходе всего этого процесса. Именно в этом смысле мышление как процесс никогда не является изначально заданным и запрограммированным»²⁹.

Сформулированная А. В. Брушлинским гипотеза об отсутствии «эталонированного» альтернативного мышления содержала, таким образом, предположение, что «на различных стадиях процесса мышления неизвестное, но постоянно прогнозируемое индивидом искомое возникает, формируется, развивается и фиксируется в виде очень нечетких, как бы диффузных, недизъюнктивных и под конец все более дифференцирующихся образований, которые принципиально отличаются от заранее и непосредственно данных промежуточных и конечных состояний, необходимых для обратных связей»³⁰.

В итоге проведенных экспериментов было обнаружено, что критерии искомого (промежуточных целей, или подцелей, соотносимых с конечной целью поиска) формируются у каждого индивида в процессе мышления непрерывно, и именно в этом, по А. В. Брушлинскому, состоит «процессуальный» аспект мышления, в который включается и «личностный» его аспект. «Цель как предвосхищение будущего (заранее не данного) результата мышления формируется по ходу всего процесса решения задачи на основе ее первоначальных условий и требования, и прежде всего на основе прогнозируемого искомого и мотивов познавательной деятельности», — пишет цитируемый автор³¹, который уточняет далее, что цели и мотивы характеризуют личностный аспект мыслительной деятельности, а факторы поиска искомого (само искомое, условия и требования задачи) характеризуют процессуальный аспект мыслительной деятельности. В непрерывной взаимосвязи искомого и цели реализуется, по мнению А. В. Брушлинского, целеполагание, поскольку «цель есть предвосхищение будущего, еще не достигнутого результата»³².

Таким образом, по логике Брушлинского, процессуальный аспект мышления, во всяком случае в той своей части, которая совпадает со стратегией поиска искомого, носит личностный характер и может быть, в частности, обусловлен целым рядом признаков, характеризующих не только цели и мотивы интеллектуально-мыслительной деятельности, но и

---

²⁹ Там же, с. 111.

³⁰ Там же с. 177-178.

³¹ Там же.

³² Там же, с. 178.

особенности семиосоциопсихологической организации индивидуального языкового сознания. Процесс решения предъявленной задачи, который носит столь же личностный, сколь и процессуальный характер и который по этой причине было бы точнее назвать «процессуально-личностным», представляется одной из разновидностей интерпретации текста, в ходе которой особенно существенна адекватность понимания замысла. В то же время условия и требования задачи, хоть и «презентированы» в сознании решающего ее человека, объективно принадлежат ситуации, в которую поставлен индивид и из которой, руководствуясь своими мотивами и в меру своих умений, он ищет «выход», совершая необходимые практические действия, включаясь в объективный процесс поиска искомого.

Итоги данных экспериментов представляются весьма ценными в силу того, что исследователям удалось экспериментально проследить стратегию целедостижения, процесс постепенной кристаллизации «прогнозируемого искомого» в сознании испытуемых в ходе порождения ими «первичного» устного текста.

Как уже отмечалось, записанные на магнитофон устные тексты воспроизводили (отражали) в вербальной форме мыслительные операции, совершавшиеся испытуемыми в ходе решения экспериментальных задач. Проведенный исследователями содержательный (по их терминологии, микросемантический) анализ этих текстов позволил им получить следующие важные для нас выводы: 1) живой мыслительный процесс не осуществляется по принципу дизъюнктивного выбора из альтернатив, поскольку «мысленное прогнозирование искомого... осуществляется прежде всего в форме операционной схемы, реализующей анализ через синтез»; 2) «прогнозируемое искомое является важнейшим и всегда необходимым компонентом цели мыслительной деятельности. Такая цель непрерывно формируется вместе с осознанием искомого на основе исходных условий и требований задачи и под влиянием определенных мотивов». Иными словами, цель неразрывно связана и с требованием задачи, и с искомым, хоть и не совпадает вполне ни с тем, ни с другим; 3) мысленное предвосхищение искомого (будущего окончательного решения) хоть и начинается уже на первой стадии мыслительного процесса, однако не имеет опоры на некий заранее заданный «эталон», «с которым можно было бы непосредственно и однозначно сравнивать или сличать промежуточные, текущие результаты мышления». Искомое нужно открыть и сформировать его критерий по мере прояснения и определения «отношений между существенными аспектами проблемы»³³.

И наконец, главное обстоятельство, в связи с которым мы и обратились к экспериментам А. В. Брушлинского и его коллег, состояло в том, что приведенные выше выводы были получены, как отмечалось, на основе специальной методики содержательного анализа текстов

---

³³ Там же, с. 201-202.

подробных опытных протоколов. Эти тексты отражали «развернутый живой процесс мышления»³⁴. Их основная познавательная ценность была именно в их «первозданности», литературной неоформленности, «неотредактированности», в постоянном несовпадении «между эксплицитно выраженным в речи и подразумеваемым»³⁵, что и потребовало «микроаналитического» подхода к ним.

Называя тексты этого типа первичными, А. В. Брушлинский справедливо пишет, что такие непосредственные (он пишет «устные», но они, конечно, могут быть и письменными) тексты «затем очень существенно перерабатываются их авторами, редактируются, исправляются и т. д., превращаясь в итоге во вторичные (письменные, печатные или устные) тексты, предназначенные для понимания другими людьми»³⁶. К сожалению, из сказанного цитируемый автор делает, на наш взгляд, весьма ограниченный и не слишком перспективный вывод о том, что вторичные тексты составляют предмет логических исследований³⁷. С нашей точки зрения, и первичные и вторичные тексты представляют интерес для социальной психологии знакового общения.

Вариантов конечного текста, так же, по-видимому, как и вариантов конечных ситуаций мышления при решении мыслительных задач, изначально не существует. При этом «реконструировать» из вторичных текстов первоначальный строй мыслительного процесса, коммуникативно-познавательные мотивы и цели создавших эти тексты и стоящих за ними авторов значительно труднее. Однако некоторые структурные закономерности проявления этого строя, причем закономерности как порождения, так и интерпретации «искомого» все же могут быть обнаружены.

При обращении к анализу текста в составе механизма общения формально-лингвистические признаки текста, используемые в нем лингвистические конструкции обретают значение, вторичное по отношению к присутствующим в нем структурам «замешанной» не чувственных образах и эмоциях интеллектуально-мыслительной деятельности. В этой связи представляется чрезвычайно важным свидетельство Б. Г. Ананьева³⁸ о взаимосвязи образного и логического в структуре интеллекта взрослого человека, основанное на обширных экспериментальных исследованиях ленинградских психологов Л. А. Барановой, В. И. Сергеевой и В. П. Лисенковой. Порождение текста, как и его интерпретация, — это решение эмоциональной и мыслительной задач, а уже потом лингвистической, так как во всякой

---

³⁴ Там же, с. 203

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ См.: Там же.

³⁸ Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания, М., 1966, с. 203.

деятельности замысел предшествует конкретным операциям и выбору средств по их осуществлению.

Текст сам по себе оказывается функциональной системой, в рамках которой лингвистические конструкции используются для реализации определенных коммуникативно-познавательных задач и могут варьировать сообразно этим задачам.

Понятие текста как целостной коммуникативно-познавательной единицы, используемое семиосоциопсихологией, отнюдь не тождественно ни понятию «речь», ни понятию «речевая деятельность», которые со времени издания «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра на русском языке в переводе А. М. Сухотина нашли широкое использование не только в отечественной лингвистике, но и в психологии речи. Неадекватный перевод на русский язык соссюрского термина «*langage*» словосочетанием «речевая деятельность» имел серьезные научные последствия. Эта неточность, впервые обнаружившая себя на страницах русского издания «Курса...» в 1933 г., была не только замечена специалистами в свое время, но и продолжает вызывать возражения ученых до сих пор. Приведем в этой связи соответствующий комментарий известного языковеда Н. А. Слюсаревой, посвятившей ряд своих работ критическому анализу лингвистической концепции Ф. де Соссюра. «Желая использовать сочетание слов в качестве эквивалента французскому „*langage*“, — пишет названный автор, — лучше было взять „языковая деятельность“, поскольку первая его часть входит в гнездо однокоренных слов со словом, «язык», подобно французским „*langage*“ и „*langue*“»³⁹. Термин «речевая деятельность» не укладывается в лингвистическую концепцию Ф. де Соссюра, поскольку в обозначенное столь несообразно понятие вкладывается весьма неопределенный смысл. В отечественной лингвистической и психологической литературе к этому времени уже использовалось понятие речи («глобальной речи», по А. А. Леонтьеву), но оно связывалось с представлением обо всей совокупности языковых явлений. Речь в отечественной лингвopsихологической традиции толковалась как феномен прежде всего социальный, а не индивидуальный, «вбиравший» в себя и соссюрский язык как систему, и закономерности его актуализаций в речевом поведении носителей языка. Между тем в концепции Соссюра, во всяком случае в тексте перевода его «Курса...» на русский язык, значение термина «речь» («*parole*», по Соссюру) было существенно сужено, вследствие чего, видимо, понятие, переведенное словосочетанием «речевая деятельность», как бы «встало на место» традиционно широкого по объему русского понятия «речь». Различая язык («*langage*») и речь, она же текст («*parole*»), как социальное (язык) и индивидуальное (речь-текст),

---

³⁹ Слюсарева Н. А. Критический анализ проблем внутренней лингвистики в концепции Ф. де Соссюра: Дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГПИИЯ, 1969, с. 197

Соссюр писал: «Язык есть нечто социальное, по существу независимое от индивида»⁴⁰, он «существует в коллективе как совокупность впечатков, имеющихся у каждого в голове, наподобие словаря, экземпляры которого, вполне тождественные, находились бы в пользовании многих лиц»⁴¹, «язык существует только в силу своего рода договора, заключенного членами коллектива. Вместе с тем, чтобы знать правила его функционирования, индивид должен учиться; ребенок овладевает им лишь мало-помалу. Язык до такой степени есть нечто особенное, что человек, лишившийся дара речи, сохраняет язык, поскольку он понимает слышимые им языковые знаки»⁴²; «язык есть система знаков, выражающих понятия, а следовательно, его можно сравнивать с письменностью, с азбукой для глухонемых, с символическими обрядами, с формами учтивости, с военными сигналами и т. д. и т. п. Он только важнейшая из этих систем»⁴³.

Рассматривая вопрос о том, что есть речь, Ф. де Соссюр писал: «Речь — сумма всего того, что говорят люди; она включает: а) индивидуальные комбинации (языковых единиц. — *Т.Д.*), зависящие от воли говорящих; б) акты фонации, равным образом зависящие от воли говорящих и необходимые для реализации этих комбинаций. Следовательно... — отмечал он далее, — в речи нет ничего коллективного: проявления ее индивидуальны и мгновенны»⁴⁴. Речь, по Ф. де Соссюру, может быть рассмотрена как «манифестация языка»⁴⁵.

Языковая единица, или языковой знак, по Соссюру, — это «отрезок звучания, который, будучи взятым отдельно, т. е. (без всего того, что за ним следует в потоке речи, является означающим некоторого понятия»⁴⁶ и соответственно представляет собой «двустороннюю психическую сущность»⁴⁷, в которой означаемое (понятие) и означающее (акустический образ) связаны произвольной ассоциативной связью. Иными словами, «означающее немотивировано, т. е. произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи»⁴⁸. Касаясь вопроса о различении синхронической и диахронической лингвистики, Соссюр подчеркивал, что диахроническое в языке является таковым лишь через речь, поскольку именно через речь входят в язык инновации — новые общеупотребительные в данном языковом коллективе формы, рассматриваемые лингвистом в качестве фактов языка как социального явления.

---

⁴⁰ Соссюр Ф. Труды по языкознанию, с. 57

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, с. 52-53

⁴³ Там же, с. 54.

⁴⁴ Там же с. 57

⁴⁵ Там же, с. 136

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, с. 99.

⁴⁸ Там же, с. 101.

Такой сугубо лингвистический подход к трактовке языковых единиц, языковых фактов, языкового процесса в целом, при котором речь (текст) рассматривается как манифестация языка (синхрония) и как живой источник изменений в языке (диахрония), наложил отпечаток на стереотип представлений, который оказался впоследствии связанным не только с понятием речи и текста (независимо от того, в каком смысле и в какой связи эти понятия использовались), но и с представлением о коммуникации как речевой деятельности и о речевом акте как элементе (единице) общения. Между тем, следуя логике рассуждения Соссюра, мы обнаруживаем, что «langage» (в переводе — речевая деятельность) не может изучаться одновременно с нескольких точек зрения, поскольку это привело бы к «чрезмерной разнородности» этого объекта лингвистики⁴⁹. «Поступая так, — читаем мы далее, — мы распахиваем дверь перед целым рядом наук: психологией, антропологией, нормативной грамматикой, филологией и т. д., которые мы строго отграничиваем от лингвистики, но которые в результате методологической ошибки могут притязать на речевую деятельность как на один из своих объектов»⁵⁰.

Несмотря на прозвучавшее таким образом в русском переводе предупреждение Ф. де Соссюра, которое касалось того, что можно было бы назвать языковым процессом, словосочетание «речевая деятельность» проникло в работы самого различного профиля, авторы которых эксплуатировали его общий, весьма расплывчатый смысл. Позднее оно обрело более конкретный — терминологический — статус в трудах А. А. Леонтьева, который, тщательно проанализировав не только канонический текст «Курса...»⁵¹, но и опубликованные ныне записи и материалы, положенные в его основу, пришел к выводу о том, что в категориальном понятии «langage» Соссюр объединял представления о языке как над-индивидуальной системе и языковой способности («faculte du langage»), как о присущем человеку механизме речи и что «у де Соссюра нет в собственном смысле дизъюнкции «язык-речь», как нет у него и той трактовки речевой деятельности, которая приписывается ему множеством интерпретаторов»⁵².

А. А. Леонтьев заметил: «Строго говоря, речевой деятельности как таковой не существует. Есть лишь система речевых действий, входящих в какую-то деятельность — целиком теоретическую, интеллектуальную или частично практическую. С од-

---

⁴⁹ Там же, с. 47

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Известно, что каноническим стал сводный текст конспектов первого из этих курсов, составленный ближайшими учениками Ф. де Соссюра; Ш. Балли . А. Сеше. Именно этот текст был опубликован в Париже в 1916 г. и попал в виде второго издания в СССР в 1922 г. В 1933 г. он был переведен на русский язык А. М. Сухотиным, а в 1977 г. этот перевод, переработанный А. А. Холодовичем по третьему французскому изданию «Курса...», был опубликован в кн.: *Соссюр Ф. Труды по языкознанию*, с. 7—286.

⁵² *Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность*. М., 1969, с. 12—13.

ной речью человеку делать нечего: она не самоцель, а средство, орудие, хотя и может по-разному использоваться в разных видах деятельности. Но, несмотря на сказанное, — пишет далее цитируемый автор, — мы будем далее все-таки говорить о речевой деятельности, помня при этом, что речь не заполняет собой всего «деятельностного» акта. Такая терминологическая неточность, — заключает свою мысль А. А. Леонтьев, — имеет свои преимущества: упоминание слова «деятельность» заставляет нас все время помнить о специфически «деятельностном» понимании речевых проявлений⁵³, с чем, конечно же, можно только согласиться.

И все же следует отметить, что введение в научный оборот словосочетания «речевая деятельность» имело не только ожидавшиеся, но и побочные последствия, связанные, в частности, с выходом фундаментальных работ, которые содержали его теоретическую разработку⁵⁴. Наряду с утверждением терминологического статуса самого поименованного понятия в этих работах проводилась мысль о том, что мотивированность и целенаправленность применительно к речевой деятельности означают ее направленность на решение неречевых задач (на достижение «внешних» по отношению к ней материально-практических целей) языковыми средствами, что мотивация речевой деятельности осуществляется таким образом «извне».

Противоречие, содержащееся в самой логике такого рассуждения, представляется очевидным, поскольку по условию деятельностного подхода мотив любой самостоятельной деятельности включается в ее структуру наряду с входящими в нее субъективными целями, действиями и операциями⁵⁵. Мотив, по А. Н. Леонтьеву, — «образующая» деятельности. Он отвечает той или иной потребности субъекта, которая, опредмечиваясь в мотиве, приобретает свойства побуждения к действию. Предмет потребности субъекта обращается в мотив его деятельности по мере осознания им целесообразности последней⁵⁶. Осознание мотива означает таким образом объективацию потребности и (или) цели как «субъективного образа желаемого результата ожидаемой деятельности»⁵⁷, но вовсе не означает, что сам мотив существует вне данного вида деятельности субъекта как некий «дефицитный» вещественный предмет или цель, «заготовленная» в рамках другой деятельности. Не случайно наряду с тем, что не бывает деятельности без мотива, А. Н. Леонтьев подчеркивал также, что «в реальной жизни

---

⁵³ Там же, с. 27.

⁵⁴ См., например: Теория речевой деятельности. М., 1968; Основы теории речевой деятельности. М., 1974; и др.

⁵⁵ Наиболее четко эта мысль сформулирована И. А. Зимней, которая пишет: «Деятельность, имеющая самостоятельную мотивацию, определяется нами как самостоятельная деятельность; деятельность, мотив которой обусловлен результатами другой деятельности, определяется как вспомогательная деятельность» (Основы теории речевой деятельности, с. 67).

⁵⁶ Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность, М., 1977, с. 101 — 102.

⁵⁷ Платонов К. К. Краткий словарь системы психологических понятий. М., 1981, с. 165.

целобразование выступает в качестве важнейшего момента движения той или иной деятельности субъекта»⁵⁸.

С помощью языковых средств нельзя решить ни одной материально-практической задачи, зато можно и ежечасно приходится именно с их помощью решать задачи знаковой (в том числе речевой) коммуникации. Но и коммуникация отнюдь не сводится ни к системе речевых действий, ни тем более к тому, что со времени появления русского перевода «Курса...» Ф. де Соссюра нередко имеется в виду под речевой деятельностью.

«Психоллингвистика, — пишет А. А. Леонтьев, — это сравнительно новая научная область, которой — если считать ее началом появление первой обобщающей работы — в 1978 г. исполняется четверть века. Ее предметом являются устройство и функционирование речевых механизмов человека, но под определенным углом зрения — в плане их соотнесенности со структурой языка»⁵⁹. Среди тех авторов, которые тем не менее укрепили терминологический статус понятия «речевая деятельность», привнеся в него собственную и, на наш взгляд, единственно возможную трактовку, заслуживают особого внимания работы психолога И. А. Зимней, разработавшей концепцию говорения и письма (соответственно слушания и чтения) как видов речевой деятельности. Уделив специальное внимание разбору соотношения понятий «речь» и «речевая деятельность» в лингвистике, психоллингвистике и психологии речи, И. А. Зимняя, опираясь на работы Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, А. А. Потебни и др., обосновала предложенное ею толкование речи «как способа формирования и формулирования мысли посредством языка в процессе речевой деятельности»⁶⁰, а соответственно речевой деятельности как «реализации общественно-коммуникативной деятельности людей в процессе их вербального общения»⁶¹ и текста «как продукта речевой деятельности»⁶². Речевая деятельность, по И. А. Зимней, *возможна постольку, поскольку возможна* «разная речь, выражающая одну и ту же мысль при помощи одних и тех же языковых средств»⁶³. Поэтому предметом речевой деятельности, по И. А. Зимней, является «мысль (курсив мой. — Т. Д.) как форма отражения предметов и явлений реальной действительности»⁶⁴. В ходе продуктивных видов речевой деятельности (говорение, письмо) человек объективирует мысли в продуктах этой деятельности — высказываниях (текстах), делая это, как отмечалось выше, с помощью речи. Высказывания (тексты) включают предметный план (мир предметов — денотатов, поименованных в тексте и, значит,

---

⁵⁸ Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность, с. 106.

⁵⁹ Леонтьев А. А. Введение к переводу на русский язык. — В кн.: Слобин Д., Грин Дж. Психоллингвистика. М., 1976, с. 5.

⁶⁰ Зимняя И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М., 1978, с. 27.

⁶¹ Там же, с. 23.

⁶² Там же, с. 48.

⁶³ Там же, с. 27.

⁶⁴ Там же, с. 48.

находящих в нем свое отражение) и план «предметных смысловых связей», т. е. план выраженных в форме языковых единиц (частей речи и членов предложения) формально-логических отношений (связи действия, местоположения, соположения, принадлежности, определительные и т.д.). Таким образом, организующим началом текста как продукта говорения является его тема, или тот реальный объект, который подлежит осмыслению на разных уровнях высказывания: «от диффузно-абстрактного до самых конкретных и определенных его реализаций в предикативных межпонятийных связях»⁶⁵.

Вербальное общение в концепции И. А. Зимней отнюдь не сводится к речевой деятельности, имеющей свой предмет, мотивирующей такую деятельность. Собственно речевая деятельность существует как самостоятельная в силу особого, только ей присущего мотива, а именно опредмеченной в последнем потребности субъекта знакового общения в отборе языковых средств для наиболее адекватного формулирования мысли в процессе говорения или письма.

В одной из последних своих работ И. А. Зимняя уже выходит, на наш взгляд, за пределы анализа текста как продукта говорения⁶⁶. Она привносит в анализ речевой деятельности внешнюю по отношению к ней цель деятельности знакового общения, состоящую в реализации коммуникативного намерения, чем в значительной мере приближается к концепции самого знакового общения как ориентированного на диалог (а не монолог). Вместе с тем именно в рассматриваемой работе, как нам кажется, наиболее ярко обнаруживает свою недостаточность понятийный аппарат психологии речи и психолингвистической теории речевой деятельности применительно к описанию и анализу содержательных аспектов общения. Так, коммуникативное намерение, хоть и рассматривается как некоторый «план содержания» («означаемое»)⁶⁷, а позднее (с отсылкой к работам Н. И. Жинкина и как главная мысль высказывания)⁶⁸, тем не менее реализуется, по мысли автора излагаемой концепции, в различных формах «речевых поступков». Речевыми поступками, как следует из дальнейшего, оказываются некоторые виды логико-лингвистических модальностей («повествование, вопрос, побуждение и восклицание», по В. А. Артемову)⁶⁹. Ничего не меняет и предлагаемое рассмотрение замысла высказывания: в одном случае как «общего смысла»⁷⁰, в другом — «как начального момента программирования»⁷¹, а его актуализации — как «симультанной

---

⁶⁵ Зимняя И. А. Предметный анализ текста как продукта говорения. — В кн.: Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976, с. 62.

⁶⁶ См.: Зимняя И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке.

⁶⁷ См.: Там же, с. 72.

⁶⁸ См.: Там же, с. 89.

⁶⁹ Там же, с. 72.

⁷⁰ Там же, с. 75.

⁷¹ Там же, с. 77.

актуализации понятий»⁷² в ходе речепроизводства. Анализ текста под углом зрения воплощенного в нем коммуникативного намерения, замысла субъекта общения не может быть уложен в «прокрустово ложе» схемы речепроизводства. Подчеркивание неразрывности (а не единства) мышления и языка⁷³ приводит к практическому отождествлению одного с другим, при том что сам интеллектуально-мыслительный процесс, реализующий себя как в материально-практической, так и в коммуникативно-познавательной деятельности социальных субъектов, вряд ли может быть сведен к характерной для психолингвистического анализа порождающей модели речепроизводства, первая — смыслообразующая — фаза которого «может быть уподоблена устройству, программирующему грамматическое оформление свернутых опорных форм слов», а вторая — формулирующая — является собственно грамматическим развертыванием высказывания (или грамматическим структурированием в узком смысле этого слова)⁷⁴. Переход к содержательному анализу знакового общения в системах понятий, описывающих схему порождения речи, состоящую из: а) выбора слов из словаря и б) составления сообщения по правилам языка, представляется невозможным, поскольку такая схема порождения речи требует от исследователя придерживаться вполне определенной трактовки соотношения номинации и предикации. «В поле номинации, поле ассоциативных связей, где каждое слово имеет свой индекс частоты, включается преимущественно механизм выбора. В поле предикации „включается“ механизм развертывания заданной программы по языковым правилам, например по правилам трансформационной грамматики», — пишет цитируемый автор, ссылаясь на работы Н. И. Жинкина. Иными словами, мы снова имеем дело с сосюрговской «манифестацией» языка с той только разницей, что сам факт осуществления речевой деятельности в отличие от того, что принято в литературе называть речевым поведением, предполагает по И. А. Зимней осознанно мотивированный отбор языковых средств для наиболее адекватного формулирования мыслей в процессе речепроизводства. Вместе с тем само речепроизводство призвано служить общению и взаимодействию людей. Общение же (в том числе и речевое) отнюдь не сводится к речепроизводству, что следует и из разобранный здесь концепции речевой деятельности.

Коснувшись по преимуществу наметившегося в последние годы процесса «терминологизации» слова «речь» и словосочетания «речевая деятельность» в лингвистике, психолингвистике и психологии речи, мы позволим себе полностью присоединиться к трактовке речи как способа формирования и формулирования мысли посредством языка, предложенной И. А. Зимней на основе проведенного ею весьма тщательного анализа работ по

---

⁷² Там же, с. 75.

⁷³ См.: Там же, с. 77.

⁷⁴ См.: Там же, с. 78

психологии речи, принадлежащих перу крупнейших представителей советской философско-психологической и философско-лингвистической традиции: Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, П. Я. Гальперина, А. Р. Лурия, В. А. Артемова, Н. И. Жинкина, А. А. Потебни, Л. В. Щербы, В. А. Звегинцева и др. Очевидно, что в указанной трактовке понятие «текст» отнюдь не синонимично понятию «речь» и, как мы постараемся доказать ниже, не только потому, что текст может быть рассмотрен как продукт говорения или письма в рамках речевой деятельности (И. А. Зимняя), но прежде всего потому, что текст является не только продуктом, но и образом, и объектом деятельности общения. Текст как единица общения не сводится к средствам и способу его «исполнения». Соответственно действия порождения и интерпретации текстов не совпадают по структуре и содержанию с речепроизводством.

В текстовой деятельности как «образующей» знакового общения реализуется собственно «общенческий» мотив. В ней опредмечивается особая внутренняя потребность субъекта общения в реализации коммуникативного намерения, замысла общения, а не в формировании и формулировании мыслей, которых может быть великое множество у любого субъекта и на любом отрезке линейно-организованного потока речи. Исследования механизмов речи и деятельности по отбору языковых средств правомерны и в известной мере достаточны для нужд лингвистики и психолингвистики, а также для решения тех задач, которые до сих пор перед собой ставила психология речи. Вместе с тем социальной психологии, изучающей процессы актуализации практического сознания в поведении и деятельности людей, а главное — в их взаимодействии, нужно ответить на вопрос о том, каким образом в текстах порождаются модели деятельности и поведения социальных субъектов, каков механизм не только опосредования обмена материально-практической деятельностью между людьми, но и согласования их совместных действий в процессе социальной практики.

Именно этим объясняется, что применительно к трактовке текста как единицы общения семиосоциопсихология отличается от лингвистики и психолингвистики.

Пользуясь образами «эпигона» и «новатора», можно сказать, что, прибегая в общении к известным языковым средствам и общепринятым правилам их комбинаторики (т. е. к языку), человек выступает как «эпигон»; порождая же тексты в ходе общения, актуализируя в них интеллектуально-мыслительные процессы, происходящие в его сознании, человек выступает в качестве новатора, реализующего творческую деятельность.

Языковые модели и нормы, характеризующие по существу определенные (повторяющиеся) стереотипы речевого поведения в общении, извлекались, как известно, из текстов. И это естественно, так как именно в текстах обнаруживают себя не только сами язы-

ковые конструкции, но и общепринятые правила их комбинаторики. Вместе с тем выработанный в ходе общественной практики естественный язык лишь опосредует общение, оказываясь в определенном смысле его средой и арсеналом средств, которыми надо уметь мотивированно и целесообразно оперировать. Роль названных средств (языковых конструкций) — это роль инструментов деятельности. То, какими средствами мы располагаем в каждый данный момент общения, решительным образом скажется на результатах коммуникативно-познавательной деятельности, но не остановит саму деятельность, не «сломает» механизм целеполагания. Этот движущий механизм деятельности, преодолевая возможности средств, преобразует их, тем самым способствуя возникновению новых средств, а значит, и развитию языка как системы. Вот почему текст (а не язык, который многие годы оставался и по-прежнему остается одним из центральных понятий всех работ, так или иначе затрагивающих вопросы связи мышления и общения) рассматривается в качестве ключевого понятия семиосоциопсихологии.

Деятельность знакового общения актуализируется, как отмечалось выше, в текстовой деятельности или, точнее, в действиях порождения и интерпретации текстов. При этом речь идет отнюдь не о фиксации некоторых отрезков речевого потока, запечатлеваемых на том или ином материальном носителе (на бумаге, пленке и т. п.), но об определенном способе организации коммуникативно-познавательных программ. Понимаемый таким образом текст — порождение коммуникативно-познавательной деятельности, ее образ и продукт — в «круговороте» этой деятельности превращается в ее объект. В субъективных смысловых интерпретациях возникают субъективные смысловые образы «текстовой действительности». Объективным результатом интерпретационной деятельности оказывается множество воспроизведенных и как бы «заново родившихся» текстов на основе так или иначе истолкованной и преобразованной восприятием смысловой информации. Возникающее отношение «текст—интерпретатор» актуализирует себя целой цепью разнообразных превращений, оказываясь ключевым в системе знакового общения, формирующим континуум знакового общения как процесса, на основе которого реализуется социальное взаимодействие, всякое кооперирование для совместной деятельности. Иными словами, структура коммуникативно-познавательного процесса (а в знаковом общении, как отмечалось выше, познание и коммуникация сливаются воедино) формируется по преимуществу структурами деятельности порождения и интерпретации текстов. Реализуемые в рамках знакового общения разновидности текстовой деятельности (порождение и интерпретации текстов) присущи одному и тому же субъекту. Адресат смысловой информации отнюдь не только потребитель, но и производитель) текстов. Иными словами, каждый человек, поскольку он является субъектом коммуникативно-познавательной деятельности (тем более если этот род деятельности оказывается для него

профессиональным), участвует в создании «текстовой действительности», а значит, и в формировании знаний и мнений, общественных ориентиров (идеалов, ценностей и норм), присущих образу жизни данного конкретного общества, господствующих в данном обществе представлений о рекомендуемых и принятых способах (моделях) деятельности, взаимодействия и формах поведения.

Текст как сложный знак и целостная единица общения — это некоторая система смысловых элементов, функционально (т. е. для данной конкретной цели общения) объединенных в единую замкнутую иерархическую коммуникативно-познавательную структуру общей концепцией или замыслом (коммуникативным намерением) субъектов общения.

Каждый из этих элементов сам по себе нес бы информацию, качественно отличную от той, которую он несет в тексте, если бы не был включен в некоторую иерархию коммуникативно-познавательных программ, т. е. в систему связей, подчиненную, с одной стороны, названной выше концепции, а с другой — логике развертывания всей иерархии смыслов в тексте. Таким образом текст — это органическая функциональная целостность, которую можно «анатомировать», но при этом нельзя забывать, что выделенные в процессе «анатомирования» компоненты функционировали в этой целостности, вступая в многочисленные связи и отношения, сообщавшие им те свойства, которыми сами по себе, в отдельности, они не обладали. Эти новые свойства компоненты обретали в составе «организма», как обретал их и весь «организм» в целом. Нарушения в звеньях скажутся на состоянии целого. Система перестроится, выбьется из ритма, перестанет нормально функционировать.

Представление о замкнутой (целостной) иерархической семантико-смысловой структуре, цементируемой общей концепцией или замыслом в равной мере относится к речевому произведению (сообщению) и к произведению пластики или живописи, к музыкальному сочинению и к пантомимическому этюду, к инженерному проекту и к архитектурному ансамблю, поскольку, как уже отмечалось ранее, общение с использованием средств естественного языка в этом смысле лишь частный, хотя и наиболее распространенный в обращении, вид текста. Это значит, что изучение особенностей порождения и интерпретации словесных текстов как целостных семантико-смысловых структур можно рассматривать как попытку осмысления одного из разнообразных видов актуализации коммуникативных намерений субъектов общения.

Судьба исходного коммуникативного намерения автора сообщения решается на уровне восприятия и истолкования текстов так же, как и в ходе воспроизведения их смыслового содержания для других. Каждый текст мотивирован и в этом смысле индивидуален. Как и всякая деятельность, он рождается из ощущения (нередко смутного на первых порах)

проблемной ситуации, порождающего ассоциируемые с ней образы. Природа текстовой деятельности не столько абстрактно-логическая (рациональная), как порой полагают, сколько интуитивно-образная, независимо от характера текста и формы воплощения замысла автором.

В ходе порождения текста авторский замысел обретает более четкие формы, кристаллизуется, приобретает очертания видимой содержательной цели данного конкретного текста. Стремясь к достижению своей цели, к реализации определенного коммуникативного намерения, автор ставит ему на службу как предмет описания (т. е. то, о чем идет речь, или тему), так и серию приемов, реализуемых средствами языка. Замыслом оказывается то, для чего или ради чего предпринимает автор названные усилия. Соответственно замысел может быть реализован не на одном, а на множестве предметов (тем), при этом средства его воплощения могут быть самыми различными.

Осознавая это, нельзя вместе с тем недооценивать роль языковых средств, используемых субъектом в процессе текстовой деятельности. Выполняя подчиненную по отношению к замыслу общения роль, эти средства в силу присущего естественному языку свойства «двойного означивания» несут в себе груз вполне определенных лингвистических значений. Выполняя свою инструментальную функцию в знаковом общении, они, как и любые применяемые в деятельности средства, не могут не налагать отпечаток не только на содержательную сторону этой деятельности, но и на ее продукт.

§ 3. Интерпретационные характеристики и семиосоциопсихологическая типология текстов

Порождение и интерпретация текста (сообщения могут быть рассмотрены как звенья единого континуума деятельности: на «полюсе субъекта» — в плане перехода от предмета через деятельность в субъективный продукт; на «полюсе объекта» — в плане перехода от трансформируемого психическим образом субъективного продукта в продукт объективный (новый текст, порой с иной концепцией)⁷⁵.

Остановимся в связи с этим на весьма продуктивном, с нашей точки зрения, различении понятий «значение» и «смысл», предложенном А. Н. Леонтьевым⁷⁶.

Отмечая, что в ходе проведенных П. Я. Гальпериным исследований в области формирования умственных действий⁷⁷ было доказано, что процесс овладения значениями

---

⁷⁵ Ср.: Леонтьев А. Н. Проблема деятельности в психологии. — *Вопр. философии*, 1972, № 9, с. 97—99, 107.

⁷⁶ См., в частности: Леонтьев А. Н. Деятельность и сознание. — *Вопр. Философии*. 1972, № 12, с. 134—140; Он же. Деятельность, сознание, личность, с. 140—158.

происходит во внешней материально-практической и сопутствующей ей коммуникативной деятельности ребенка, в которой осуществляется присвоение «готовых», исторически выработанных значений, А. Н. Леонтьев указывает, что «сознание как форма психического отражения, однако, не может быть сведено к функционированию усвоенных извне значений», не может быть рассмотрено вне (в абстракции) внутренних отношений системы деятельности и сознания, так как в таком виде значения и свернутые в них операции вовсе не являются предметом психологии⁷⁸.

Постоянное воспроизведение значений связано с «процессами, совершающимися в головах конкретных индивидов», составляющими «внутренний механизм» их передачи от поколения к поколению и условие их «обогащения посредством индивидуальных вкладов»⁷⁹.

Функционирование значений «в осуществлении субъектом реальных жизненных связей необходимо предполагает их отнесенность к чувственным воздействиям», пусть не прямую, а косвенную и многократно опосредованную.

Вводя категорию «личностный смысл», А. Н. Леонтьев прежде всего имеет в виду различие объективно сознаваемого значения предмета (явления, события) и его внутренне мотивированного значения для субъекта.⁸⁰

Развивая описанную концепцию А. Н. Леонтьева о личностном смысле как отношении мотива к цели деятельности, А. А. Леонтьев указывает, что конституирующим признаком значения является его кодифицированность. «Значение, — пишет он, — это социально кодифицированная форма общественного опыта»⁸¹. При всей своей объективности оно, однако, никогда не выступает как нечто абсолютное для индивида, так как «усваивая общественный опыт, зафиксированный в значениях, индивид включает его в систему своих жизненных отношений, в систему своей деятельности»⁸², по-разному воспринимая и переживая закрепленное в значении содержание в зависимости от мотива соответствующей деятельности. В речевой деятельности это порождает расхождения между значением слов и интерпретируемым их смыслом. Вместе с тем смысл отнюдь не всегда индивидуален, поскольку отнюдь не всегда индивидуальны мотивы человеческой деятельности, отношения людей к предметной и общественной действительности. Последнее нередко «окрашено теми или иными групповыми интересами»⁸³.

---

⁷⁷ См.: Гальперин П. Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий. — В кн.: Исследования мышления в советской психологии М., 1966.

⁷⁸ См.: Леонтьев А. Н. Деятельность и сознание, с. 135.

⁷⁹ Там же, с. 136.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Леонтьев А. А. Психология общения, с. 130

⁸² Там же, с. 130—131.

⁸³ Там же, с. 134.

И смысл, и значение — это «форма общественного опыта, усваиваемого индивидом». Но в отличие от значения, «смысл — форма не кодифицированная»⁸⁴. Как правило, смысл не существует для человека — носителя этого смысла как что-то отдельное от значения, напротив, человеку кажется, что он непосредственно воспринимает денотат (или слово) в его объективном значении. Но все предметы человеческой деятельности, как и все слова человеческого языка, видятся каждому из нас как бы через призму нашего личного (а не общественного) интереса. И нужно специальное усилие аналитической мысли, чтобы встать над этим интересом и уловить раздельность смысла и значения⁸⁵.

Именно такое «усилие аналитической мысли» позволяет, как кажется, перекинуть мосты от изложенных выше соображений к трактовке социального и индивидуального значения знаков, а также к трехаспектному рассмотрению названного значения в уже упоминавшейся ранее концепции Ч. Морриса.

Определяя язык в свете знаковой теории, Ч. Моррис замечает следующее: язык состоит из множества знаков, при этом каждый из них имеет значение до известной степени общее для множества истолкователей (интерпретаторов). Тот факт, что к толкованию знаков присовокупляется нечто индивидуальное, уже выходит за пределы лингвистики. Таким образом, условием существования языка является «общепонятность» его знаков. Вместе с тем не следует забывать о ситуативности значений, или многозначности (*plurisituationality*) языковых знаков, т. е. лишь об относительном постоянстве их значения для данной ситуации. Языковой знак — это целое «знаковое семейство» (*a sign-family*), при этом знакам этим свойственно вступать в сочетания, образуя различные комбинации.

Язык можно определить как набор многозначных общепонятных знаков, использование которых ограничено пределами системы возможных знаковых комбинаций.

Ч. Моррис выделяет также сферу постязыковых знаков, дает им определение, прослеживает их генезис и сферу их использования. Так называемые постязыковые знаки, символы, Моррис подразделяет на общепонятные («межперсональные») и индивидуальные («персональные»).

Индивидуальные постязыковые символы отличаются от языковых тем, что они незвуковые и не служат общению, так как не могут стимулировать поведение другого организма. Но хотя знаки эти не служат социальным целям, они социальны по своей природе. Это выражается в том, что индивидуальные постязыковые знаки синонимичны языковым знакам и возникли на их основе. Таким образом, ход внутренней речи — это такой же знаковый процесс, как и речь звуковая. Тем не менее между ними имеется большая разница. Внешне

---

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ См.: Там же.

она проявляется в наличии и отсутствии звучаний в первичности языковых знаков и вторичности знаков постязыковой внутренней речи, а также в различии функций обоих процессов (социальной функции языкового общения и индивидуальной функции персональных постязыковых знаков). Внутреннее же различие между языковыми и персональными постязыковыми знаками состоит в том, что последние синонимичны, но не аналогичны первым. Различным организмам свойственны различные постязыковые символы, субституты языковых знаков. Степень их различия зависит от особенностей человеческой личности, от той среды, в которой человек рос, от его культуры, т. е. от всего того, что принято называть индивидуальностью. По этой причине, указывает Моррис, знаки внутренней речи не являются общепонятными, они принадлежат к «знаковым семьям» разных интерпретаторов, но их влияние на процесс общения и социального взаимодействия неоспоримо.

Исходя из различных видов ожидаемой реакции на знак, Ч. Моррис выделяет ряд основных компонентов (атрибутивных свойств) значения знака: десигнативный (указывающий на предмет, несущий чисто информационную нагрузку), аппрайзивный (оценочный) и прескриптивный (предписывающий). Немецкий философ Георг Клаус⁸⁶ дополняет названный перечень четвертым компонентом значения — сигматическим, совпадающим в сущности с отнесением знака к денотатам у Серенсена⁸⁷, для которого денотаты лингвистического знака — экстралингвистические сущности, а десигнат — неотъемлемая часть самого лингвистического знака. Сам Моррис пользуется терминами «денотат» и «десигнат» как синонимичными с той разницей, что десигнат — это класс реально существующих объектов, а денотат — один реально существующий объект. В итоге термин «десигнативный компонент значения» Ч. Морриса как бы сужает границы соотносимого ему понятия. Одно дело — денотат и его языковая номинация, иное — мысль о предмете, десигнат и ее языковое выражение.

В зависимости от преобладания того или иного компонента значения полнозначные знаки могут быть отнесены к десигнаторам, денотаторам, аппрайзерам (т. е. оценочным знакам) или прескрипторам (т. е. предписывающим знакам). Все эти случаи, естественно, весьма редко встречаются в чистом виде. Существует и другой способ классификации значений: деление значений на сигнификативные, денотативные и ситуативные⁸⁸.

Как кажется, всем этим классификациям следует предпослать весьма существенное аналитическое различие более высокого уровня: значения семантического и значения

---

⁸⁶ См.: Клаус Г. Сила слова. М., 1967.

⁸⁷ См.: Варима, В. Г. Проблема денотата и вопросы языкового значения. — Иностр. яз. в высш. шк., 1963, вып. II, с. 33—40.

⁸⁸ См., в частности: Проблемы структурной лингвистики. М., 1963, с. 106.

прагматического. Такая дихотомия позволяет объединить категории сигнификативного значения (отношение знака к сигнификатам, или содержанию понятий) и денотативного значения знака (его отношение к обозначаемой вещи) в более общей категории семантического (или «отчужденного» от деятеля) значения, которой можно противопоставить (а точнее, сопоставить) значение прагматическое с его собственной компонентной структурой, требующей специального изучения. В этом случае семантическое значение представляется в виде гомоморфного («обедненного») образа прагматического значения. Можно также говорить о «частичном изоморфизме» двух названных структур: тогда категория ситуативного значения⁸⁹ оказывается лишним звеном в названной классификации, а денотативный и сигнификативный компоненты семантического значения оказываются субстанционально представленными в значении прагматическом в виде проекции (или размытой копии). Остальные компоненты прагматического значения (скажем, так называемая эмоционально-аффективная его компонента) подлежат не только категоризации, но и экспериментальному изучению, чему, кстати говоря, с успехом служит шкала Осгуда.

Мы стремились подвести читателя к выводу о том, что смысловая структура слова по существу совпадает со структурой прагматического значения (как оно трактуется в социальной семиотике), а отстоявшаяся в культурно-исторической практике структура словарного значения слова — с представлением о семантическом значении слова.

Если же толковать категорию смысла не только как отношение индивидуального мотива к цели, создающее «пристрастность человеческого сознания» (А. Н. Леонтьев), а несколько шире, включая в это понятие все наслаиваемые на значение оттенки (коннотации), которые привносятся в семантику ситуативным коммуникативным опытом (межиндивидуальным, внутригрупповым или обретенным в рамках более широкой социальной общности), связанным, в частности, с воспитанием и обучением, с чтением и коммуникативной средой в самом широком смысле этого слова, то совпадение структур (смысла и прагматического значения) будет достаточно полным, а сам этот подход окажется весьма удобным для конкретных исследований как «естественных», так и «противоестественных» нарушений общезначимости языковых структур, используемых в процессе речевого общения. В этом случае «поле значений» действительно выступит как «абстракция от смыслового поля», как «общие всем членам данной общности характеристики смыслового поля (у нас — поля прагматических значений. — Т. Д.), как бы вынесенные за скобки»⁹⁰.

---

⁸⁹ См. Там же.

⁹⁰ Леонтьев А. А. К психологии речевого воздействия. — В кн.: Материалы IV Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. 1972, с. 30.

Обратимся теперь к рассуждению, которое позволит нам на основе предварительной семантической классификации текстов перейти к классификации прагматической, учитывающей специфику интерпретационных сдвигов.

Отталкиваясь от относительных характеристик используемых в текстах словесных знаков (и абстрагируясь пока от остальных характеристик текста), мы можем противопоставить относительные характеристики «знаков-образов» (в смысле А. А. Леонтьева) абсолютным характеристикам неких исходных для данного языкового стандарта значений, или знаков в их общепринятом употреблении, обусловив тем самым основополагающее отличие прагматической классификации текстов от семантической в предлагаемом ниже варианте. Полная прагматическая классификация, естественно, должна осуществляться с учетом всех «информативно отмеченных» характеристик текста, как лингвистических, так и «экстралингвистических».

Нас будут интересовать знаки четырех видов. Мы будем исходить из того, что значение знака является чисто денотативным, когда он называет конкретный предмет, факт, взаимосвязь конкретных предметов или фактов независимо от их истинности или ложности. Значение знака десигнативно, когда знаку соответствует понятие или связь между понятиями, т. е. некая мыслительная категория, генетически не соотносимая ни с одним из конкретных предметов.

Текст, с одной стороны, оперирует денотативными и (или) десигнативными знаками (назовем их соответственно *денотаторами* и *десигнаторами*), вступающими в нем в разнопорядковые смысловые связи, а с другой — сам оказывается знаком определенного вида, задающим программу деятельности и поведения его истолкователю.

В случае чисто **семантического анализа** тексты, оперирующие денотаторами или десигнаторами, должны быть соответственно названы *денотативными*, *десигнативными* и *денотативно-десигнативными* (т. е. смешанными). Присутствие оценочных или предписывающих знаков в тексте любого из названных видов соответственно дает нам денотативно-оценочный (и (или) предписывающий), десигнативно-оценочный (и (или) предписывающий) и смешанные тексты.

В случае же **прагматического анализа**, исходящего из интерпретационных характеристик текста, когда сам факт истолкования смысловой информации нами рассматривается в качестве этапа мотивированной, целенаправленной коммуникативно-познавательной деятельности, удобно заменить ряд классификационных категорий. Так, с категорией денотата в прагматике предлагается соотнести категорию факта, и тогда денотативным текстам прагматически соответствуют тексты фактологические. Последние, в свою очередь, следует подразделить на два вида в зависимости от того, с какого рода

предметным миром (зримым, наблюдаемым или незримым и ненаблюдаемым) встретился в них интерпретатор. Такие подвиды фактологических текстов условно назовем:

- а) *предметно (или зримо)-фактологическими и*
- б) *непредметно (или незримо)-фактологическими.*

В текстах подвида *а* все денотаты (обозначенные объекты) и их связи даны индивиду (группе индивидов) наряду с текстом также и в чувственном опыте, а значит, верифицируемы для него (для них) в этом опыте. Это тот единственный случай, когда интерпретатор имеет возможность сопоставлять информацию текстовую с информацией, исходящей от его непосредственного чувственного опыта. В текстах подвида *б* денотаты и их текстовые связи также выступают в качестве субститутов названных выше конкретных предметов и связей между ними при наличии, однако, весьма относительной возможности для их чувственной верификации.

Скажем, группа экскурсантов, разглядывающая в зоопарке серебристую чайку с черной головкой, серыми крыльями и белой пушистой грудкой, которая длинным загнутым клювом чистит свои перышки, скорее всего не поверит экскурсоводу, который скажет, что головка у этой чайки синяя, а крылья и грудка желтые, что клюв у нее прямой и короткий и что сейчас она занята выводением птенцов (ситуация с текстом подвида *а*). В то же время аналогичный текст с любым описанием внешнего вида и поведения серебристой чайки, высиживающей птенцов на далеком морском берегу, вполне может вызвать такое доверие (ситуация с текстом подвида *б*).

Естественно, что, получив множество текстов данного вида, по-разному описывающих один и тот же объект и его поведение, реципиент облакает доверием лишь один (или некоторые) из них. Его выбор внутренне мотивирован другими текстами, на которых, возможно, он был обучен. Тем не менее в данный момент он не более чем интерпретатор. Это значит, что выбор точки зрения, а нередко и стратегии поведения для него ограничен наличием одного или ряда текстов, по отношению к которым он может быть либо активен, либо пассивен (последнее в немалой степени обусловлено также и целью обращения к тем или иным текстам в случае их сознательного выбора).

И те, и другие тексты (последние только в принципе) соотносимы с реальными объектами и связями, и в восприятии информанта не происходит оперирования понятийными категориями, что позволяет их объединить внутри одного класса — *фактологические тексты*.

Прагматическим эквивалентом текста десигнативного являются тексты *абстрактные и суперабстрактные*, оперирующие понятиями разной степени обобщенности.

Тексты *абстрактные* оперируют понятиями, называющими классы объектов, а значит, их текстовым взаимосвязям соответствуют реально существующие связи между классами некоторых объективно существующих эквивалентов. По своей природе эти тексты десигнативны, так как все родовые понятия могут быть, по-видимому, отнесены к первой группе обобщения.

Скажем, такое описание, содержащееся в табличке, висящей в зоопарке, как:

«Птица секретарь. Отряд хищных птиц. Семейство секретарей... Питается пресмыкающимися и земноводными...»,

может быть отнесено к текстам данного вида, хотя, как мы увидим из дальнейшего рассуждения, характеристика эта относительная, не говоря уже о том, что в подобном тексте понятийным категориям постоянно сопутствует фактология.

Суперабстрактные тексты оперируют понятиями, основанными на самом широком наборе дифференциальных признаков. Столь же абстрактны и связи между ними, они весьма условны и, будучи чисто текстовыми по своему происхождению, не имеют предметных эквивалентов в используемом здесь смысле этого слова.

Примером такого текста может служить следующее определение:

«Монистический подход к искусству лежит в организующем данное произведение художественном принципе, который в конечном счете соединяет звенья в общую цепь. И смысловое значение, эстетическое качество словесного образа сопряжены со всеми стилистическими, грамматическими, синтаксическими, фонетическими, ритмическими и другими свойствами слова. Художественный принцип не отбрасывает и не отменяет, а использует их в своих целях»⁹¹.

Тексты абстрактные и суперабстрактные (последние в меньшей степени), в свою очередь, делятся на подвиды в зависимости от наличия или отсутствия в них предметной (зримой) или не предметной (незримой) фактологии. Соответственно возможны тексты *абстрактные с фактологией* (предметной и (или) не предметной) и *без нее* и *тексты суперабстрактные с фактологией* (предметной и (или) не предметной) и *без нее*.

Примером абстрактного у текста с фактологией может служить более полный вариант уже приводившегося ранее описания, скопированного с таблички в зоопарке.

«Птица секретарь. Отряд хищных птиц. Семейство секретарей. Распространен по обширным степным равнинам Африки. Живет парами. Гнездо строит на кустарниках, скрепляет ветки глиной, внутри выстилает растениями и пухом.

Гнездо используется несколько лет. В кладке 2 яйца. Насиживает самка. Питается пресмыкающимися и земноводными. В зоопарке получает белых мышей».

Примером суперабстрактного текста с фактологией может служить следующий отрывок:

«Различие между говорящей фактурой и простым изображением высшего содержания особенно наглядно на стыке искусства и ненскусства, при переходе от документальной фиксации к его художественному инобытию, что так поражает воображение тогда, когда на киноленте запечатлены одни и те же моменты — оператором, который снимает фильм, и оператором, который фиксирует рабочий момент съемки для кинохроники»⁹².

Фактологизация данного текста для посвященного читателя достигается приведением примера, конкретным сравнением. Мера предметности такой фактологизации обусловлена степенью знания реципиентом объекта, взятого для сравнения.

Все названные виды текстов могут обладать еще двумя признаками: они могут быть *оценочными и (или) предписывающими*. При этом оценка или предписание по-разному интерпретируются реципиентом в зависимости от вида текста. Оценка верифицируется лишь при получении текстов предметно-фактологических. Соответственно и реакция реципиента на те или

⁹¹ Гей Н. К. Искусство слова. М., 1967, с.53.

⁹² Там же, с.52.

иные виды оценки (предписания) мотивирована чувственным опытом. Предписание в текстах этого вида, как правило, означает способ обращения с конкретным предметом и может быть проверено на истинность.

Примером может служить следующая инструкция к употреблению раствора для чистки стекол:

«...при чистке зеркального стекла, заключенного в деревянную оправу, покрытую лаком, не касаться раствором лакированной поверхности. Хранить раствор отдельно от пищевых продуктов...».

При этом такой текст может быть отнесен к разряду предметно-фактологических лишь в том случае, если все знаки и их связи, представленные в тексте, соотнесены для интерпретатора с реальным объектом и реально существующими для него связями.

Приведем для сравнения такой отрывок из инструкции к пользованию карманным фонарем:

«Регулировка фокуса осуществляется за счет поворота фокусирующей головки относительно корпуса...».

Степень фактологичности этого текста в значительно большей мере, чем предшествующего, определяется группой реципиентов, его интерпретирующей. При семантическом анализе мы назвали бы этот текст десигнативным по преимуществу. В прагматической классификации этот текст по преимуществу абстрактный. Его фактологизация зависит от языковой компетентности реципиента. Это значит, что данная инструкция не может быть рассчитана на массового потребителя.

Что до оценок и предписаний в текстах остальных видов, т. е. там, где мы не имеем дело с инструкцией по обращению с конкретным предметом или просто с предметно-фактологическим текстом, предпочтение (а значит, и восприятие, так как последнее селективно) одних оценок и предписаний другим означает лишь связанное с доверием предпочтение (добровольное или вынужденное) одного текста другому. Объективная оправданность оценки или предписания в этих случаях во внимание не принимается.

А теперь перейдем к наиболее существенному признаку прагматической (интерпретационной) типологии текстов. Если все указанное выше как-то перекликалось с семантической типологией текстов своей статичностью и соответственно как бы абсолютностью, то в дальнейшем нам особенно важно подчеркнуть факт динамичности прагматической типологии текстов, ее *относительность*. Вид текста в данной типологии есть функция его интерпретации (говоря иными словами, он опосредуется интерпретационной деятельностью реципиента).

В прагматике мы постоянно имеем дело с фактологизацией текстов абстрактных и суперабстрактных, а также «предметизацией» текстов фактологических для различных групп интерпретаторов. Фактологизация абстрактных и суперабстрактных текстов происходит по

мере специализации реципиентов, по мере их приобщения к соответствующим языковым подсистемам. «Предметизация» фактологических текстов происходит по мере расширения их предметно-чувственного опыта. Так, для ученого, оперирующего той или иной системой абстрактных или суперабстрактных понятий, происходит постоянная фактологизация этих понятий. При этом если в области наук гуманитарных скорее всего возможна лишь непредметная фактологизация (т. е. лишь увеличение степени приобщенности к языку, к концептуальной организации текстов данной сферы знания), то в области наук естественных возможна и следующая ступень фактологизации, а именно предметная фактологизация, или «предметизация».

Таким образом, адекватность интерпретационной деятельности реципиента задаче, поставленной коммуникатором, существенным образом определяется мерой их приобщенности либо к описанному в тексте реальному объекту и языку, используемому для его описания, либо только к языку описания сконструированного в тексте объекта. Как в том, так и в другом случае мы имеем дело с групповым признаком, позволяющим осуществлять типологию реципиентов по уровню подготовки, с одной стороны, и соответствующую ей типологическую классификацию текстов — с другой.

Подводя некоторые итоги, отметим, что возможны два вида текстового анализа: семантико-синтаксический и прагматико-парадигматический (интерпретационно-деятельностный).

Если в итоге анализа первого вида все устанавливаемые для текста параметры будут как бы абсолютными, то во втором все они станут *относительными*. Скажем, любой вид вероятностно-статистического подсчета количества информации в текстах, даже если для этого будет привлечен ряд экстралингвистических критериев, будет анализом семантическим. Изучение структурно-ассоциативных закономерностей (правил) порождения текста также следует отнести к области семантического анализа. Соответственно всякая типологическая классификация текстов, основанием для которой является некоторая типология семантических категорий (скажем, структура значения знаков), принимаемая за абсолютную (т. е. статичную, как бы застывшую), является типологией семантической.

При прагматическом (интерпретационном) анализе текста производится оперирование категориями относительными и статической структуре семантического значения противопоставляется динамика смысловой структуры текста, характерная мотивированному и целеобусловленному процессу коммуникативно-познавательной деятельности социальных субъектов.

ТЕКСТ КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ СМЫСЛОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ ОБЩЕНИЯ

---

§ 1. Общие принципы информативно-целевого (мотивационно-целевого) подхода к анализу текста

Перейдем к решению ряда прикладных задач, связанных с конкретизацией предложенной выше трактовки текста.

Информативно-целевой (шире — мотивационно-целевой) подход к анализу текста направлен на «реконструкцию» соотносимой с замыслом общения ориентировочно-деятельностной основы его содержательно-смысловой структуры, на прогнозирование его возможных смысловых интерпретаций. Анализируя тот или иной текст как воплощение коммуникативно-познавательного намерения его автора, как иерархию содержательно-смысловых блоков (предикаций), мы в сущности стремимся реконструировать ориентировочную фазу текстовой деятельности, которая, предшествуя появлению «исполненного» (реализованного) текста в качестве продукта текстовой деятельности, естественно, находит в нем свое отражение. В этом смысле текст трактуется нами не только как продукт и объект коммуникативно-познавательной деятельности, но и как ее образ. При этом в отличие от весьма распространенного предметно-содержательного анализа текста, по ходу которого важно ответить на вопросы: «О чем говорится в тексте?» (выявить объект описания, тему), «Что говорится?» и «Как говорится?» (с помощью каких языковых средств), в ходе информативно-целевого анализа всем перечисленным выше предшествуют уже упоминавшиеся ранее вопросы: «*Почему и для чего в тексте вообще что-то говорится? (Зачем? Ради чего?)*». Иными словами, прежде всего выясняются мотив и цель (точнее — интенция как равнодействующая мотивов и цели) деятельности общения, в которой порождается и интерпретируется текст, а уже затем рассматривается тот материал (тема), на котором этот мотив и эта цель реализуются. Для методики преподавания, например, иностранного языка это означает переход от обучения общению через язык — к обучению языку через общение.

Трактовка понятия «информативность» имеет решающее значение для понимания информативно-целевого или шире — мотивационно-целевого анализа знакового общения. В тексте, порождаемом в ходе и для целей общения и взаимодействия, как и во всяком продукте предметной деятельности, способном выступать в роли социального знака, заложена программа по его созданию, а значит, и по осмыслению (переосмыслению). Более того, в

отличие от языка как системы или речи как открытого, синтагматически (последовательно) развертывающегося, линейного потока знаков, именно в тексте (сообщении), порождаемом и потребляемом в коммуникативно-познавательной деятельности, наглядно представлена вся структура названной деятельности во всей ее мотивированности и целесообразности.

Широко распространенная точка зрения на текстуальные отношения как синтагматические, или «линейные логические отношения, которые устанавливаются между словами непосредственно при их использовании в тексте и объединяют эти слова в словосочетания и предложения (фразы)»¹, характеризует текст не как коммуникативно-познавательную, а как лингвистическую, объективно существующую в языковой практике единицу, изоморфную тому или иному отрезку линейно-организованного потока речи.

Как уже отмечалось, правомерный для целей лингвистического и психолингвистического исследования, этот подход весьма непродуктивен, когда речь идет об анализе ситуаций общения, которые отнюдь не сводятся (и не могут быть «схвачены») через наборы лингвистических (более широко — речевых) фактов. Между тем именно этот подход стал по существу исходным, хоть и не всегда явным постулатом, не только информатики, но и, что гораздо хуже, методики обучения во всех ее звеньях. Линейные связи между словами характерны «открытому» потоку знаков и в этом смысле они отнюдь не отражают специфики текстуальных отношений, т. е. тех отношений между входящими в текст элементами (словами, высказываниями, предикациями), которые составляют его специфику как целостной единицы общения.

Текстуальные отношения — это прежде всего иерархические семантико-смысловые отношения. И так как во всякой иерархии есть точка отсчета, выступающая в качестве критерия, определяющего место того или иного элемента в системе отношений, принадлежность элемента к тому или иному уровню иерархической структуры, то такая точка отсчета должна быть найдена и в тексте. Для текста (сообщения) как коммуникативной единицы это в первую очередь уже упоминавшийся выше критерий значимости, ценности. Учитывая же, что речь идет о мотивированной «деятельностной» семантико-смысловой структуре (а здесь дается именно такая трактовка текста), то речь идет не о ценности вообще, а о той значимости, которой обладает смысловой компонент исходя из его функции — способствовать реализации коммуникативно-познавательной «сверхзадачи» и (или) непосредственной содержательной цели общения, обусловившей порождение именно данного, а не какого-либо иного текста.

Именно таким образом и ставится здесь вопрос об информативности сообщения — специфического элемента потока смысловой информации, обладающего внутренне замкнутой (целостной) содержательно-смысловой структурой. Речь, таким образом, идет об

---

¹ Черный А.И. Введение в теорию информационного поиска. М., 1975, с.223.

интерпретационных свойствах сообщения, способствующих или препятствующих адекватному истолкованию коммуникативного намерения его автора.

Что касается характера коммуникативного намерения, то оно, как отмечалось выше, может быть достаточно сложным, рассчитанным на дальнюю перспективу (сверхзадача) или на решение частного вопроса в рамках этой перспективы (непосредственная содержательная цель данного текста). В основе иерархии коммуникативно-познавательных программ, непосредственно реализуемых в тексте (сообщении), в свою очередь, лежит дихотомия *основной* и *второстепенных* коммуникативных программ. Непосредственная содержательная цель сообщения ставится автором как наиболее экономичный, с его точки зрения, способ частичной реализации сверхзадачи. Последняя же вытекает из проблемной ситуации, которая в том или ином виде также, как правило, находит свое отражение в тексте. В поисках выхода из проблемной ситуации познающий формирует критерий искомого, проясняет отношения между разными аспектами этой ситуации, а также цель сообщения — как для себя, так и для партнеров по общению; «кристаллизует» коммуникативное намерение. Наилучшим образом это просматривается на примере научного сообщения. На таком сообщении особенно удобно проследить, как по ходу реализации основного коммуникативного намерения возникают «подцели» в связи с необходимостью решения очередных проблем «текущего» характера. Поле поиска, однако, заметно сужается по мере удаления от главной магистрали, от целевой «логико-фактологической цепочки» (если, конечно, не рассматривать каждую возможную «подцель» как самостоятельную проблему).

Смысловая информация составляет общее содержание текста. Вместе с тем, поскольку нас интересует текст не просто как продукт коммуникативно-познавательной деятельности, но как знак, т. е. как объект, рассчитанный на истолкование, следует особо подчеркнуть, что общее понимание содержания текста отнюдь не свидетельствует о его адекватной интерпретации. Верная ориентация в содержательной структуре текста совпадает с адекватной ориентацией в том, что является основным коммуникативно-познавательным мотивом сообщения, а соответственно его сверхзадачей и непосредственной целью. Именно в этой связи и существенна роль концепторной (понятийно-номинационной) организации текста, несущей большую долю ответственности за возможные разночтения в ходе интерпретации.

Смысловая интерпретация текста может быть адекватной и неадекватной. В предлагаемой трактовке считать интерпретацию текста адекватной можно лишь в случае отвечающего замыслу коммуникатора истолкования его основного коммуникативного намерения реципиентом.

Интерпретационные характеристики текста, т. е. те его свойства, которые способствуют (или препятствуют) адекватному истолкованию, обуславливают ту или иную меру информативности текста.

Информативность характеризует не абсолютное количество информации в тексте, не общую его «информационную насыщенность», но лишь ту смысловую информацию, которая, скорее всего, станет достоянием реципиентов, учитывая отношение названного «достояния» к коммуникативному намерению его автора. Поэтому информативность — это относительная характеристика текста, уже на стадии анализа вводящая его в систему связей с множеством предполагаемых интерпретаторов. *Оценкой информативности текста служит мера адекватности интерпретации реципиентом замысла, цели, основной идеи сообщения, коммуникативного намерения его автора.*

Выявить подлинную информативность текста можно только в эксперименте. Вместе с тем предварительно можно вывести *гипотетический коэффициент информативности* того или иного текста.

Информативность текста в предлагаемом смысле, когда в качестве точки отсчета рассматриваются мотив и цель (интенция) порождаемого текста, назовем первичной информативностью текста. Если цель (коммуникативное намерение) отправителя сообщения не реализована в тексте, мы сочтем текст лишенным первичной информативности, даже если он оказался информативным с точки зрения каких-то весьма конкретных, но нередко побочных для автора данного текста целей. Читатель (слушатель) не всегда стремится (да и не всегда умеет) извлечь из текста основное коммуникативное намерение его автора. Просматривая и время от времени читая тексты, исходя из так или иначе понимаемых своих собственных коммуникативно-познавательных потребностей, читатель (слушатель) нередко извлекает из сообщений «уйму» информации, которую считает для себя полезной и которую стремится найти. В этом последнем случае мы имеем дело с *вторичной* информативностью текста, информационная насыщенность которого, или общее количество содержащейся в нем информации, позволяет извлекать из него самые разнообразные «побочные» сведения. Такие сведения могут возникнуть как совершенно не предусмотренные коммуникативным намерением автора сообщения ассоциации и выводы, что до известной степени закономерно. Вместе с тем вторичная информативность текста вне первичной, т. е. извлечение побочной информации не сверх, а вместо главного, может быть также обусловлена неумением общаться, сопровождаемым обычно отсутствием нравственной установки на диалог с партнером по общению и взаимодействию. Следует также отметить и специальные научные цели потребления текстов, отнюдь не всегда совпадающие с целями коммуникатора. Возможен, в частности, особый случай, когда осуществляется информативно-целевой анализ больших

текстовых массивов для решения некоторых сугубо исследовательских задач социологического или социально-психологического характера. В этом случае исследователь по исходному условию отвлекается от конкретных коммуникативно-познавательных целей авторов отдельных текстов, за исключением, естественно, тех случаев, когда эти цели оказываются в русле гипотезы проводимого эксперимента². Причины неадекватных интерпретаций могут крыться и в иных приводящих обстоятельствах объективно-ситуационного, индивидуально- или социально-психологического характера.

Организовать текст (сообщение) так, чтобы коммуникативное намерение адекватно интерпретировалось адресатом,— значит сделать его информативным в первичном смысле этого слова и в этом же смысле эффективным.

Если цель (коммуникативное намерение) отправителя сообщения не реализована, т. е. адекватно не интерпретирована, мы считаем текст лишенным первичной информативности, даже если он оказался «информативным» в отношении каких-то весьма конкретных, но нередко побочных для данного сообщения целей потребления.

Обеспечивая тексту структурно-смысловую целостность, являющуюся одной из наиболее существенных его характеристик, основная концепция может и не иметь в нем словесно выраженной формулировки; тем не менее она всегда присутствует в виде определенной мотивации и, естественно, в случае необходимости может быть словесно сформулирована. Если ее нет, то нет и текста или, точнее, предлагаемое сочетание слов не может быть названо текстом в данном его понимании. Отсутствие цементирующего текст замысла означает, что коммуникатор не справился с задачей создания текста (сообщения) как единицы общения или в лучшем случае запрограммировал определенную нечеткость воплощения своей коммуникативно-познавательной цели.

Но и это еще не все. В общении, опосредованном текстовой деятельностью, мы добиваемся того или иного результата, используя специфические, а именно языковые (лингвосемиотические), средства, которые, как и любые другие средства, должны отвечать требованиям адекватности. Избираемые средства могут либо способствовать, либо препятствовать реализации цели общения. В первом случае мы имеем дело с адекватными, а во втором — с неадекватными коммуникативному замыслу лингвистическими (лингвосемиотическими) средствами. Лингвистические характеристики текста в разной мере влияют на меру адекватности его интерпретации. Такие лингвистические характеристики текста, которые существенно влияют на меру адекватности его интерпретации реципиентом, мы называем *информативно отмеченными*, или прагматически релевантными. Иными словами, при оценке информативности отнюдь не все виды лингвистического (лингвосемиотического) анализа

---

² См. об этом в § 3 настоящей главы.

дают полезную (релевантную) информацию³. Концепторная (понятийно-номинационная) и лингвостилистическая организация текста, а также ряд его весьма конкретных экстралингвистических характеристик (организация его семантико-смысловой структуры, расстановка смысловых опор и мера их ориентации на «смысловый фокус» текста и пр.) — это так называемые *информативные*, или *интерпретационные* свойства текста, которые проявляются в процессе смысловой интерпретации и устанавливаются экспериментально.

§ 2. Текст как иерархия коммуникативно-познавательных программ.

Рассматриваемый в качестве содержательно-смысловой целостности, текст как наиболее сложная единица знакового общения обладает своей макро- и микроструктурой.

Макроструктура текста может быть представлена в виде иерархии разнопорядковых смысловых блоков — предикаций⁴, где в качестве предикации первого порядка выступают языковые средства, которыми передана основная идея сообщения, в качестве предикаций второго, третьего и т.д. порядка — языковые средства, которыми передано общее его содержание. Последнее представляет собой подчиненную описательную часть сообщения, призванную как трактовать, так и окрашивать предмет сообщения путем введения в «ощутимые», так или иначе оцениваемые ситуации; аргументировать «факты», выраженные в положениях (элементах текста), подкрепляющих авторский замысел (предикацию первого порядка).

Микроструктура текста может быть представлена в виде полного набора внутритекстовых связей, в которые вступают опорные смысловые узлы текста. Такие смысловые опоры (мы называем их фактами) могут быть выделены из текста с помощью специальной методики и образуют *логико-фактологическую цепочку*, являющуюся основным смысловым стержнем текста. Заключенная в этой цепочке смысловая нагрузка в той или иной мере связана с предикацией первого порядка.

Ниже, после некоторых пояснений, мы предложим две унифицированные инструкции к методикам, предназначенным: а) для анализа макроструктуры текста, т. е. сведения текста к иерархии коммуникативных программ, или структуре разнопорядковых предикаций, и б) для анализа микроструктуры текста, т. е. выделения из текста «логико-фактологической» цепочки

---

³ Дридзе Т. М. Язык и социальная психология. М., 1978, с. 150—168.

⁴ См. разделяемую нами трактовку этого термина в следующих работах: Тункель В. Д. К вопросу об устной передаче речевого сообщения: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1964; Степанов Ю. С. Семиологическая система языка науки. — В кн.: Материалы конференции «Научно-техническая революция и функционирование языков мира». М., 1974. с. 33; Чейф У. Л. Значение и структура языка: Пер. с англ. М., 1975, с. 246—266.

(двумя способами: первый — с ориентацией и второй — без ориентации на цель сообщения) с последующим подсчетом гипотетического коэффициента информативности текста.

Итак, исследование макроструктуры текста связано со способом сведения текста к структуре разнопорядковых предикаций, под которыми имеются в виду выраженные в тексте и обусловленные всем ходом текстовой деятельности содержательно-смысловые связи, которые в разной мере существенны для реализации основного замысла сообщения. Иными словами, цели текстовой деятельности достигаются путем реализации неравнозначных коммуникативно-познавательных программ.

Эта идея опирается на положение о том, что самостоятельный текст независимо от величины и затрагиваемой темы обладает определенной завершенностью, т. е. подчиняется специфическим закономерностям⁵, что сообщение нельзя разложить на равнозначные единицы, так как в нем всегда есть нечто главное, второстепенное, третьестепенное и т. д.

Здесь мы ограничимся тем, что представим принципиальную методическую схему для сведения текста к иерархии коммуникативно-познавательных программ, которую изложим в виде унифицированной инструкции⁶. В инструкции отражена суть методики, разработанной нами для решения конкретных задач извлечения из текста содержательной структуры текстовой деятельности, сводящейся к вполне конкретным операциям. Эти операции воспроизводятся испытуемыми после соответствующего обучения.

Инструкция к выявлению мотивационно-целевой структуры текста (Анализ макроструктуры текста)

1. Прежде чем анализировать текст, следует прочитать его полностью от начала до конца как минимум дважды, вдумавшись в его содержание и характер (назначение). Следует спросить себя (или аудиторию, если текст анализируется в ходе учебного процесса): а) представлена ли в тексте и чем именно та проблемная ситуация, к разрешению которой стремился (стремится) автор теми или иными средствами? Имеется ли в тексте анализ, или текст содержит лишь описание, констатацию, оценку этой ситуации? и б) можно ли ответить на вопрос: ради чего, для чего вообще был написан (порожден) этот текст? Чем, скорее всего, мотивировал бы автор написание именно этого, а не какого-либо иного текста? Что именно хотелось бы ему сказать этим текстом в первую очередь? Как бы, скорее всего, он сформулировал свой замысел, свое коммуникативное намерение или «ближайшую» содержательную цель и в рамках какой более широкой «сверхзадачи»?

2. При повторном чтении текста (оно может быть на первых порах и трех- и четырехкратным) следует собрать внимание в поисках непосредственной содержательной цели сообщения, реализация которой входит в коммуникативное намерение автора, в его замысел (мы называем это предикацией первого порядка), и выписать ее из текста.

---

⁵ См.: *Жинкин Н. И.* Механизмы речи. М., 1958; *Он же.* Некоторые вопросы применения теории информации к психологии. — *Вопр. психологии*, 1958, № 1, *Тимофеев Л. И.* Основы теории литературы. М., 1959; *Тункель В. Д.* К вопросу об устной передаче речевого сообщения.

⁶ Примеры информативно-целевого анализа конкретных текстов, в частности тех, что предъявлялись испытуемым в апробационных и иных экспериментах, приведены, в частности, в кн.: *Дридзе Т. М.* Язык и социальная психология.

Следует обратить внимание на то, что цель сообщения может и не иметь в тексте словесно выраженной формулировки. В этом случае ее следует сформулировать своими словами и записать.

Остальное содержание текста или все его содержание, если в тексте не удалось обнаружить словесно выраженной предикации первого порядка, принимается за «общее содержание» текста.

3. Внутри «общего содержания» текста следует затем выделить следующие элементы:

А.— Основные элементы, т. е. элементы предикации второго порядка, а именно:

А—1 эл.— Основной(ые) констатирующий(ие), постулирующий(ие), или установочный(ые) и прочие «тезисы-аргументы», являющиеся опорными для цели сообщения, подкрепляющие замысел последнего. Если таких «тезисов» более одного, они соответственно обозначаются: А—1а эл., А—1б эл. и т. д.;

А—2 эл.— Разъяснение (развертывание) основного «тезиса-аргумента». Если таких «тезисов» несколько, то разъяснения каждого из них соответственно обозначаются: А—2а эл., А—2б эл. и т. д.

А—3 эл.— Описание, оценку или аналитическую оценку (анализ) проблемной ситуации, породившей основной «тезис» к цели сообщения и зафиксированную в нем. При том, что проблемная ситуация обозначена здесь шифром А—3, важно помнить, что это ключевой элемент общего содержания, из которого в сущности и выводится, как правило, основной «тезис». Последний выступает в качестве некоего «разрешения» названной ситуации, аргументирующей ее появление. Поэтому информативно-целевой анализ общего содержания текста, а чаще всего текста в целом мы и начинаем с выявления присутствующей в нем или подразумеваемой проблемной ситуации.

Б.— Второстепенные элементы, т. е. элементы предикаций третьего, четвертого и т. д. порядка, а именно:

Б—1 эл.—элементы предикации третьего порядка:

Б—1.1 эл.— Иллюстрация к основному «тезису» (основным «тезисам») общего содержания. По мере их перечисления, если они не продолжают ту же иллюстрацию, нумерация снабжается дополнительными буквенными обозначениями: Б—1.1а эл., Б—1.1б эл. и т. д.

Б—1.2 эл., Б—1.3 эл. и т. д. — Иллюстрации к разъяснениям основного «тезиса», к ситуации (ее описанию, оценке и пр.).

Б—2 эл. Элементы предикации четвертого порядка:

Б—2.1 эл. Общий фон к цели (целям) сообщения.

Б—2.2 эл., Б—2.3 эл. и т. д. Общие фоны к основному (основным) «тезису» («тезисам»),

Б—2.3 эл. Фоны к фонам и пр.

Указанные элементы, естественно, могут быть выделены лишь при наличии таковых в тексте. Их отсутствие желательно фиксировать. Это позволяет не менять нумерацию элементов в схеме; что полезно в целях сопоставления (когда такая задача ставится) содержательно-смысловой структуры различных текстов. Вообще же изменения в нумерации элементов допускаются, так как ничего не меняют в принципиальной схеме (скажем, ничего не изменится, если за отсутствием разъяснений к основному «тезису» мы сочтем оценку ситуации элементом А—2 предикации, второго порядка).

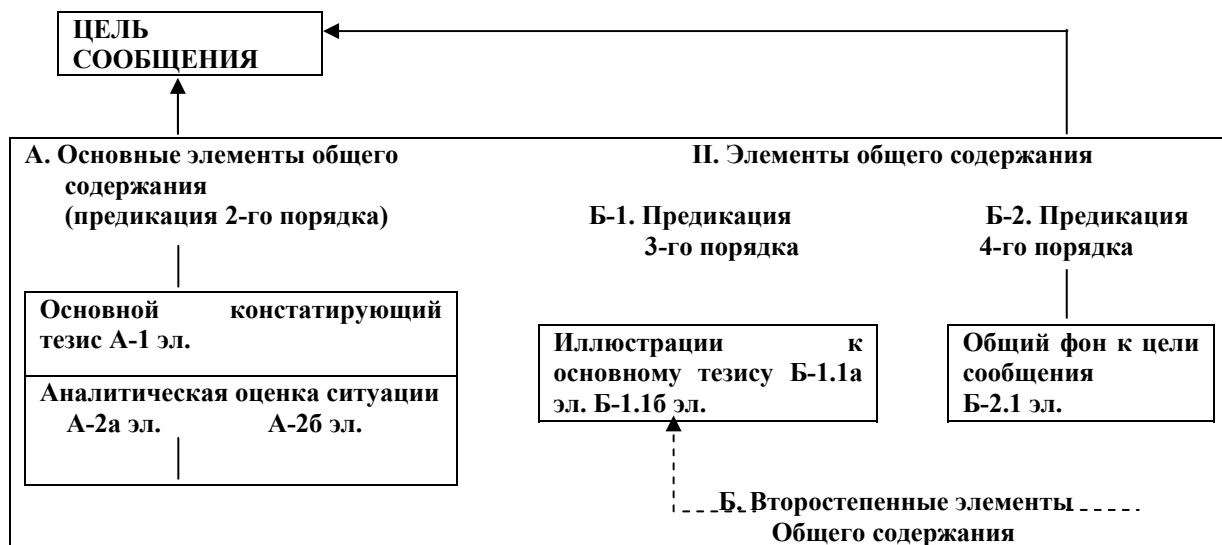
4. При выписывании того или иного элемента предикативной структуры, допускаются пропуски отдельных слов и выражений, а также сокращенное изложение текста, передающее общий смысл того или иного элемента.

5. Полученную макроструктуру текста следует изобразить в виде графической схемы. Примером может служить схематическое изображение текста «Стратегия хозяйственного успеха»⁷ (схема 1).

⁷ Текст приведен в кн.: Дридзе Т. М. Язык и социальная психология, с. 64—66.

Схематическое изображение текста “Стратегия хозяйственного успеха”

1. предикация 1-го порядка

Схем 1. Схематическое изображение текста «Стратегия хозяйственного успеха»

Приведенная здесь схема информативно-целевого анализа текста носит принципиальный, но вместе с тем и несколько упрощенный характер, поскольку она в основном реализовывалась на материале научных и публицистических текстов. В литературно-художественных текстах она, естественно, обогащается, поскольку та же принципиальная схема реализуется здесь одновременно в нескольких планах, которые лишь в очень ограниченной мере могут присутствовать в текстах иных видов.

Этот момент весьма удачно, с нашей точки зрения, зафиксирован Т. Е. Печерицей, которая применила информативно-целевой анализ в ходе адаптации литературно-художественного текста для целей обучения иностранцев русскому языку⁸.

Т. Е. Печерица отметила, что раскрытие авторского замысла, который не должен быть утерян при адаптации литературно-художественного текста, требует оценки каждого компонента адаптируемого произведения не только с точки зрения его места в содержательно-смысловой структуре, но и исходя из той роли, которую он играет для создания образных представлений. Поэтому, отмечает она, информативно-целевой анализ, проведенный на материале литературно-художественного текста, должен предусматривать, кроме выявления в тексте смысловых блоков-предикаций разного порядка, еще и оценку элементов текста, соотносимых с предикациями второго, третьего и т. д. порядка под углом зрения их участия в

⁸ Печерица Т. Е. Отбор и адаптация художественных текстов для чтения в группах студентов-филологов, обучающихся на подготовительных факультетах советских вузов: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1981, с. 112—115.

раскрытии основного конфликта (событийный план), в обрисовке действующих лиц (субъектный план), в создании образных картин (образный план).

Принципиальная информативно-целевая схема литературно-художественного текста приобретает в итоге следующий вид.

I. Авторский замысел, или цель сообщения (предикация 1-го порядка),

II. Элементы общего содержания

A. Основные элементы (предикация 2-го порядка)

A—1 эл. Основная идея (тезис).

A—2 эл. Разъяснение основной идеи (тезиса).

A—3 эл. Описание ситуации и выражение отношения к ней:

A—3.1 эл. Описание ситуации:

A—3.1 — 1 эл. Ситуативно-событийный план.

A—3.1—2 эл. Ситуативно-субъективный план.

A—3.1—3 эл. Ситуативно-образный план.

A—3.2. эл. Выражение отношения.

B. Второстепенные элементы (предикация 3-го, 4-го и т.д. порядка).

B—1. Элементы предикации 3-го порядка:

B—1.1 эл. Иллюстрации к основным идеям.

B—1.2 эл. Иллюстрации к разъяснению основных идей.

B—1.3 эл. Иллюстрации к описанию ситуации и отношению к ней:

B—1.3—1 эл. Иллюстративно-событийный план.

B—1.3—2 эл. Иллюстративно-субъективный план,

B—1.3—3 эл. Иллюстративно-образный план.

B—2. Элементы предикации 4-го порядка:

B—2.1 эл. Общий фон к цели сообщения.

B—2.2 эл. Общий фон к основному тезису.

B—2.3 эл. Общий фон к описанию ситуации и отношению к ней:

B—2.3—1 эл. Фоново-событийный план.

B—2.3—2 эл. Фоново-субъективный план.

B—2.3—3 эл. Фоново-образный план.

Учет содержательно-смысловой структуры текста при его адаптации для целей обучения позволяет не ограничиваться задачей обеспечения той или иной степени трудности текста для чтения и восприятия, но и добиваться бережного сохранения в адаптированном варианте текста не только авторского замысла, но также и всего того, без чего последний не сможет быть адекватно передан обучаемым.

В качестве иллюстрации приведем построенное Т. Е. Печерицей схематическое изображение содержательно-смысловой структуры рассказа Ю. Рытхэу «Паруса» (схема 2).

Предлагаемый способ схематизации предикативной макроструктуры текста представляет немалый практический интерес, поскольку 1) позволяет наглядным образом представить заложенную в тексте иерархию коммуникативно-познавательных программ, т. е. потенциальную «стратегию» осмысления его основной концепции; 2) эксплицирует все уровни предикативной структуры текста, делая очевидным отсутствие предикаций того или иного порядка в иерархии коммуникативных программ; 3) создает условия для достаточно надежной оценки меры адекватности письменных или устных (фиксированных на пленке) интерпретаций

в случае проведения соответствующего эксперимента; 4) позволяет доводить отдельные сообщения до эталонного (т. е. оптимального для смыслового восприятия) уровня, а также осуществлять сжатие (конспектирование) текста.

I. предикация 1-го порядка

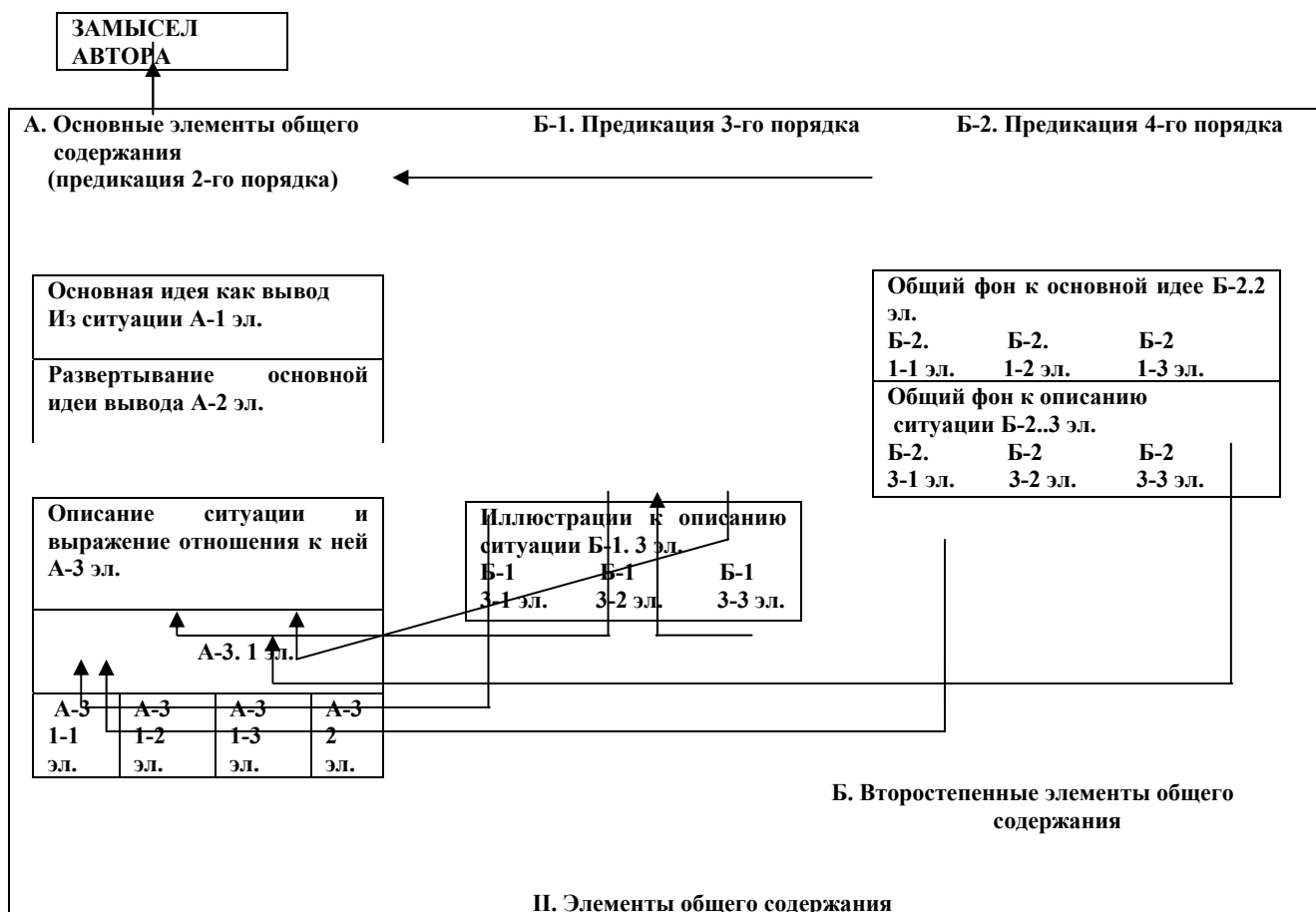

Схема 2. Схема предикативной структуры рассказа Ю. Рытхэу «Паруса»

Схематизация предикативной структуры текста позволяет также оценивать и способ лингвистического (лингвосемиотического) воплощения заложенной в нем иерархии коммуникативных программ. Прежде чем сказать об этом, следует остановиться на другом, весьма существенном для данного подхода моменте — на том, что мы будем здесь называть «логико-фактологической» цепочкой текста.

Как уже отмечалось выше, микроструктура текста может быть представлена в виде полного набора значимых для реализации коммуникативной интенции внутритекстовых связей, в которые вступают опорные смысловые узлы текста. Последние могут быть выделены с помощью специальной методики и образуют так называемую логико-фактологическую цепочку, являющуюся основным смысловым стержнем текста. Заключенная в этой цепочке смысловая нагрузка в той или иной мере связана с предикацией первого порядка, и мера осознания этой связи существенным образом зависит от того, сколь осмысленно чтение (слушание) текста его истолкователем.

Указанная цепочка названа нами логико-фактологической, потому что, как будет видно из инструкции по ее выявлению в тексте, вся она составляется из основных (опорных) смысловых узлов сообщения, называемых нами фактами текста. При этом сама методика их выделения такова, что последовательность появления названных фактов в указанной цепочке в той или иной мере отражает логику развертывания текста в плане речевого выражения (речевого воплощения смысловой информации).

Методика выделения логико-фактологической цепочки была нами разработана специально для расчета гипотетического коэффициента информативности текста (или потенциальной меры адекватности его интерпретации реципиентом). Примеры применения этой методики к конкретным текстам, в частности к тем, что использовались в апробационном эксперименте, приведены в других, уже упоминавшихся выше работах автора. Здесь мы ограничимся лишь следующим примечанием. Последовательность появления фактов, или, иными словами, опорных смысловых узлов, в цепочке может отражать либо логику развертывания авторского замысла в иерархии коммуникативно-познавательных программ, либо логику развертывания речевого плана текста (речевого воплощения смысловой информации) вне зависимости от указанной иерархии.

То, какую из названных логик отразит в себе названная цепочка, зависит от способа ее выделения из текста. Таких способов два: первый — *с учетом цели сообщения, его замысла* — может быть реализован только после подробного предварительного знакомства с текстом; второй — *без учета цели сообщения, его замысла* — не предполагает предварительного ознакомления с текстом и выделяется в ходе его первого прочтения.

Ниже мы приведем инструкцию к первому из названных способов, позволяющему не только определять гипотетический коэффициент информативности, но и осуществлять сжатие текста с ориентацией на цель сообщения (т. е. на сохранение авторского замысла). Цель сообщения для данной процедуры может быть также сформулирована группой экспертов или автором задания (преподавателем, экспериментатором и т. д.). Ту же процедуру можно, как отмечалось выше, осуществлять и без учета цели сообщения, однако задача такой операции будет иной.

И н с т р у к ц и я
к выявлению «логико-фактологической цепочки» текста
для расчета коэффициента его информативности (избыточности)
(Анализ микроструктуры текста)

1. Прежде чем приступить к выделению «логико-фактологической цепочки», текст следует прочитать полностью от начала до конца как минимум дважды, вдумавшись в его содержание и характер (назначение).

2. Затем следует «отыскать» (сформулировать для себя) основное коммуникативное намерение (замысел и непосредственную содержательную цель), для реализации которого был создан данный текст. Иными словами, следует повторить операции, указанные в пунктах 1 и 2 инструкции к выявлению содержательно-смысловой структуры текста.

3. При повторном чтении (оно может быть и трех-, и четырехкратным) нужно мысленно выделять и пометать черточкой или выписывать на лист бумаги **опорные полнзначные слова** текста, составляющие его основные смысловые узлы, вместе с примыкающими к ним служебными словами. Делать это надо последовательно — предложение за предложением.

4. Названные слова должны быть связаны как с основным авторским замыслом, так и между собой в единую смысловую цепочку, где каждое последующее полнзначное слово находится в логической смысловой связи с предшествующим. Таким образом, выделяя опорные слова каждого последующего предложения, необходимо мысленно проверять наличие логической смысловой связи с опорными словами предшествующего предложения, а также с целью сообщения в целом; взвешивать значимость выделяемого опорного слова для реализации цели сообщения. Соответственно не в каждом предложении обнаружатся такие опорные слова.

5. Технические приемы

а) неполнозначное слово объединяется с полнзначным в единый смысловой узел;

б) в интересах согласования в отдельных случаях допускается перестановка слов в списке, не нарушающая смысловую структуру текста (например, определение к существительному с предлогом лучше поставить после этого существительного);

в) первое опорное слово, принадлежащее очередному предложению, пишется с заглавной буквы;

г) последнее опорное слово каждого предложения сопровождается знаком препинания, стоящим в конце данного предложения;

д) выписанные синтаксемы, т. е. опорные смысловые узлы, выраженные отдельными словами или сочетаниями полнзначных слов с примыкающими к ним служебными, нумеруются;

е) для подсчета коэффициента информативности или для определения избыточности текста, подсчитывается общее число синтаксем в тексте и вычисляется их отношение к числу синтаксем, вошедших в логико-фактологическую цепочку. Чем ближе полученный в итоге коэффициент информативности (избыточности) текста к единице, тем менее он избыточен по отношению к авторскому замыслу.

Прежде чем охарактеризовать некоторые перспективы использования описанных методик, остановимся на способах проверки их надежности, т. е. объективности, устойчивости и валидности (обоснованности).

Для проверки методики требовалось: 1) выяснить, действительно ли любой текст (публицистический, научный, литературно-художественный и другой) может быть представлен в виде иерархически организованной системы содержательно-смысловых элементов, которая при наличии унифицированной инструкции будет без непосредственного участия исследователя воспроизводиться разными испытуемыми; 2) выяснить, отвечает ли избранный способ структурирования содержательно-смысловой структуры текста требованию — выявлять коммуникативное намерение его автора.

Для этого были предприняты следующие шаги: 1) было дано операциональное определение каждого из выделенных элементов содержательно-смысловой структуры текста; 2) была разработана унифицированная инструкция для разнесения текста по названным элементам.

Затем 30 испытуемым, разбитым для контроля на две равные группы (состоявшие по преимуществу из студентов — будущих лингвистов, журналистов, психологов, юристов, а также будущих актеров и постановщиков), было предложено шесть текстов (два публицистических, два научных и два художественных), которые им следовало разнести по элементам, действуя согласно предложенной унифицированной инструкции.

Как показали результаты такой апробации, различия между отнесениями, произведенными испытуемыми обеих групп, оказались статистически незначимыми и

выявили случайный характер полученных отклонений (критерий $\chi^2 = 1,809$ — в первой группе и $\chi = 1,967$ — во второй, что не выходило за пределы теоретического ограничения, соответствующего определенному уровню значимости). Таким образом, были установлены объективность и устойчивость применяемой методики.

Затем были проведены основные и повторные эксперименты на проверку валидности (обоснованности) методики.

Для **основных экспериментов** были отобраны два текста (один публицистический: *Румер М.* Стратегия хозяйственного успеха.— Моск. правда, 1967, 24 мая; другой — литературно-художественный: *Русов А.* Самолеты на земле — самолеты в небе.— Знамя, 1975, № 8). Эти тексты были предложены для разнесения по элементам на основе унифицированной инструкции: первый текст — 20 студентам и преподавателям факультета журналистики МГУ и студентам факультета английского языка МГПИИЯ им. М. Горького, второй текст — 20-ти студентам школы-студии им. В. И. Немировича-Данченко при МХАТ и слушателям ФПК факультета журналистики МГУ. Затем у авторов этих текстов были выяснены коммуникативные намерения, к реализации которых они стремились в ходе написания этих текстов. Авторские «самоинтерпретации» служили, таким образом, внешним критерием для проверки способности методики выявлять в тексте авторский замысел.

Совпадение содержательных целей текстовой деятельности, выявленных испытуемыми при разнесении текстов по элементам на основе унифицированной инструкции, с коммуникативными намерениями авторов имело место при интерпретации первого текста в пятнадцати случаях из двадцати, при интерпретации второго текста — в семнадцати случаях из двадцати. Следует при этом специально отметить, что в той же аудитории эти тексты интерпретировались предварительно без какой-либо специальной инструкции. Экспериментатор ограничивался просьбой ответить в письменной форме на вопросы: «В чем основная идея текста?» и «Каким образом она реализуется?». Полученные интерпретации лишь в трех случаях из десяти отражали коммуникативное намерение авторов этих текстов. И только обучение методике и выработка унифицированной инструкции обеспечили эффект адекватности интерпретации. Следует отметить, что текст «Стратегия хозяйственного успеха» был затем на основе методики информативно-целевого анализа сокращен и переструктурирован при участии его автора, который при этом более четко сформулировал свое коммуникативное намерение. В таком преобразованном виде этот текст предъявлялся затем испытуемым в ходе апробационных экспериментов на выявление уровня семиосоциопсихологической подготовки.

Повторные эксперименты. Двадцати слушателям спецсеминара «О лингвосоциопсихологических аспектах журналистского творчества», который при

консультациях автора вела на факультете журналистики МГУ канд. филол. наук Н. Г. Бычкова, было предложено разнести по элементам (в соответствии с инструкцией по информативно-целевому анализу) рассказ А. П. Чехова «Исповедь молодого человека». Затем на сюжет этого рассказа каждому из двадцати слушателей спецсеминара было предложено написать собственный рассказ, по собственному замыслу. К эксперименту был привлечен известный писатель-сатирик и юморист Г. И. Горин, который также написал на этот сюжет рассказ, названный им «Дача». Затем все эти «вариации» на тему сюжета А. П. Чехова были собраны и разнесены по элементам в соответствии с методикой информативно-целевого анализа, а авторам рассказов-вариаций, включая Г. И. Горина, было предложено подтвердить или опровергнуть выводы об их коммуникативных намерениях. Совпадение было получено в восемнадцати случаях из двадцати⁹.

Аналогичные (правда, несколько модифицированные) эксперименты проводились на материале очерка спецкора «Литературной газеты» Ю. Щекочихина «У реки»¹⁰. Информантам в количестве ста человек наряду с элементами, выделяемыми из текста на основе инструкции по информативно-целевому анализу текста, было дано задание отыскать в тексте куски, которые, на их взгляд, внес в текст редактор. Одновременно была получена «самоинтерпретация» очерка его автором — Ю. Щекочихиным. Полученные первые результаты свидетельствуют о валидности методики, ее способности выявлять в тексте авторский замысел.

Сходные эксперименты осуществлялись на факультете журналистики Ростовского-на-Дону университета, где спецсеминар по изучению лингвосоциопсихологических аспектов журналистского творчества вел канд. филол. наук П. П. Червинский. Валидность методики нашла подтверждение и там.

Все это позволяет нам вынести суждение о высокой разрешающей способности методики информативно-целевого анализа текста. Очевидно, однако, что для более полного доказательства релевантности названной методики как способа извлечения авторского замысла практически из любого текста в перспективе потребуется продолжить эксперименты описанного типа.

Надежность методики извлечения логико-фактологической цепочки также проверялась с привлечением двадцати испытуемых, разбитых на две равные группы. Задача первой группы состояла в извлечении указанной цепочки из двух экспериментальных текстов: вначале без ориентации на цель сообщения, а затем с соответствующей ориентацией. Задача второй группы состояла в восстановлении названных текстов (до того им неизвестных) на

---

⁹ Указанные эксперименты подробно описаны в курсовой работе студента 2-го курса факультета журналистики МГУ Ю. Беленького. См.: *Беленький Ю.* О некоторых лингвосоциопсихологических аспектах литературного творчества. М., 1982.

¹⁰ *Щекочихин Ю.* У реки. — Лит. газ., 1981, 27 мая, с. 12.

основе названных логико-фактологических цепочек. И то и другое осуществлялось на основе унифицированных инструкций. Расхождения как в той, так и в другой группе оказались статистически незначимыми, критерии χ^2 , посчитанные по результатам экспериментов, были меньше табличного (теоретического) χ^2 при уровне значимости 5%¹¹.

Существует тесная взаимосвязь между микро- и макроструктурой текста. Ключевые, или опорные для смыслового восприятия, словоформы несут большую ценность с точки зрения информативности текста, если они входят в предикации высших порядков.

Вместе с тем характер толкования текста, зависящий нередко не только от интерпретирующего текст реципиента, но и от того, сколь адекватно в речевой фактуре текста воплотилось коммуникативное намерение его автора, может привести к смещению в расстановке смысловых опор, следствием чего окажется «фальшивая» (или квази-логико-фактологическая цепочка). Поэтому поставим теперь перед собой задачу наглядно продемонстрировать логику развертывания текста в речевом плане *независимо от его цели* (замысла).

Соответственно, бегло ознакомившись с текстом и как-то поняв его, мы станем выделять опорные синтаксемы — «факты» без специального учета цели сообщения (т. е. специально об этом не задумываясь) и будем это делать, начиная с первого предложения. После первого во втором предложении мы выделим только те «факты», которые связаны с «фактами», содержащимися в первом предложении и т. д. Выделяя опорные слова каждого последующего предложения, мы будем мысленно проверять наличие логической смысловой связи с опорными словами предшествующего предложения, но без специальной ориентации на цель сообщения. «Факты», которые следует отмечать, могут встретиться не в каждом предложении, как и в первом случае. Однако конфигурация цепочки, выделенной таким способом, будет иной.

Очевидно, если иерархия коммуникативно-познавательных программ не нашла адекватного воплощения в речевой фактуре текста, полученная этим, вторым способом логико-фактологическая цепочка не может быть использована для расчета коэффициента потенциальной информативности текста. Вместе с тем ее можно использовать для снятия его словесной избыточности путем сопоставления с аналогичной цепочкой, выделенной первым способом. А сопоставив ее со схемой содержательно-смысловой макроструктуры текста, можно выявить степень рассредоточения (рассеяния) в ней разнопорядковых предикаций.

Не исключено, что переструктурирование того или иного конкретного текста в плане его речевого оформления (изменение логики его развертывания в речи) весьма способствовало бы адекватности его интерпретации с первого прочтения.

То, каким образом следует осуществлять такое переструктурирование в целях достижения оптимальных результатов, каков предельный или оптимальный для адекватного

---

¹¹ Процедуры выделения логико-фактологической цепочки из экспериментальных текстов проиллюстрированы в кн.: Дридзе Т. М. Язык и социальная психология, с. 86-87, 90—91.

смыслового восприятия порог рассеяния элементов тех или иных предикаций в логико-фактологической цепочке текста, еще подлежит изучению¹².

Все сказанное выше имеет непосредственное отношение к вопросу об избыточности речевого сообщения, поскольку в словесном тексте избыточными с этой точки зрения оказываются речевые средства, которые необязательны, а порой и просто излишни, так как служат помехой адекватному смысловому восприятию основного коммуникативного намерения автора сообщения. Рассмотренный с этих позиций коэффициент информативности служит мерой избыточности речевого сообщения.

Эмпирически избыточные речевые средства оказываются за пределами логико-фактологической цепочки, выделяемой с учетом цели сообщения, или вне точек пересечения логико-фактологической цепочки, выделенной без учета цели сообщения (как это характерно для реципиента, впервые воспринимающего текст), с элементами семантико-смысловой структуры текста, играющими первостепенную роль исходя из интересов передачи названной цели (т. е. входящими в предикации первого, второго, а иногда и третьего и даже четвертого порядков). На этой основе возможно сжатие текста как для учебных, так и для информационных, экспериментальных и других целей.

Описанный способ оценки избыточности речевого сообщения оказывается достаточно гибким средством измерения последней, так как позволяет: а) ставить вопрос о мере (степени) избыточности текста, б) принимать за точку отсчета в зависимости от обстоятельств цели как коммуникатора, так и потребителя текста, интерпретирующего его. Так, в случае информационного анализа больших текстовых массивов перед аналитиком содержания нередко встает задача извлечения из текста побочной, а отнюдь не основной информации.

В зависимости от того, что именно принято за точку отсчета, может вестись и подсчет коэффициента информативности. Иными словами, в качестве точки отсчета такого коэффициента может рассматриваться как цель порождения, так и цель потребления текста.

Как следует из предыдущего, логика развертывания текста в речи (логика изложения сообщения) может не совпадать с внутренней логикой его семантико-смысловой структуры. Последовательность, в которой расположены в сообщении те или иные слова, словосочетания, предложения, сверхфразовые единства, может существенным образом расходиться с порядком, в котором уровни предикативной структуры текста соотносятся друг с другом.

Это расхождение сравнительно легко прослеживается при сопоставлении «синтаксемного» наполнения структурно-смысловой схемы текста с «синтаксемным» составом его логико-фактологической цепочки.

---

¹² Первые шаги в этом направлении уже были предприняты под нашим руководством в дипломной работе М. Н. Мансуровой. См.: Мансурова М. Н. Логическая структура текста как фактор его понимания. М., 1973.

Если структурно-смысловая схема текста характеризует коммуникативное намерение своего отправителя, т. е. цель (мотив) возникновения данного сообщения, эффект, к достижению которого стремился автор, то логико-фактологическая цепочка характеризует способ реализации этого намерения в данном, конкретном тексте. Мы имеем возможность наглядно проследить степень разрыва между коммуникативным намерением и его реализацией, так как указанное выше сопоставление позволяет конкретно установить: а) какого порядка предикации нашли свое основное отражение в логико-фактологической цепочке текста, т. е. оказались в опорных - (ключевых) позициях; б) каким образом предикации того или иного порядка рассредоточились в этой цепочке (в каком порядке являются они реципиентам в ходе чтения или слушания текста); в) какова мера рассеяния той или иной предикации (в первую очередь предикации первого порядка) в логико-фактологической цепочке (имеются в виду случаи, когда такое рассеяние (разрыв) происходит не по границам, а внутри элементов). Представляется весьма перспективной работа, в которой информантам для интерпретации были бы предъявлены тексты, каждый из которых имел бы определенную семантике-смысловую структуру, воплощенную, однако, в разных структурно-лингвистических вариантах (в разных логиках развертывания фактологической цепочки).

Ответы на все эти вопросы позволяют осуществить: 1) внесение различных изменений в структурно-лингвистический план текста путем приведения логики его развертывания в соответствие с его содержательно-смысловой структурой; 2) сокращение текста без устранения опорных смысловых узлов, несущих сведения о предикациях первого и по меньшей мере второго порядка; 3) установление при оценке получаемых интерпретаций тех или иных текстов причин интерпретационных сдвигов, происходящих не по вине интерпретаторов, а из-за неудачного воплощения в речи коммуникативного намерения автора текста.

§ 3. Информативно-целевой (мотивационно-целевой) анализ больших текстовых массивов

В этом параграфе мы коротко остановимся на втором варианте мотивационно-целевого (информативно-целевого) анализа текстов, ориентированного на свойство их вторичной информативности¹³. Будучи применен для решения определенных исследовательских задач, этот метод имеет определенные преимущества.

Эти преимущества обусловлены синтетическим характером метода и его ориентацией на решение конкретно-познавательных задач общенаучного характера.

---

¹³ Ср.: Построение систем социальных показателей образа жизни советского общества, М., 1980, с. 161 — 182.

Такие конкретно-познавательные задачи могут возникнуть в рамках любого междисциплинарного исследования, необходимым условием которого является «реконструкция» того или иного объекта в виде некоторого целостного представления о нем.

В качестве таковых объектов могут быть названы личность и общество, общение и образ жизни, культура и система сознания той или иной конкретно-исторической эпохи и многие другие.

Информативно-целевой анализ представляется единственно возможным средством изучения больших выборок разнопредметных и разнотипных текстов, описывающих самые разноплановые подсистемы общественных отношений, с целью выявления, сопоставления, систематизации и сведения в системы данных разнопредметных областей знания о сложных социальных объектах.

В этом случае информативно-целевой анализ текстов реализуется с ориентацией на объект, на гипотезу относительно сущности исследуемого объекта, познание которого и выступает в качестве «сверхзадачи» проводимого исследования.

На первый план здесь выступает вторичная информативность текстов. Каждый конкретный текст признается информативным для исследования лишь в той мере, в какой в его содержании обнаруживаются сведения, соответствующие целям предпринимаемого эксперимента (гипотезе о сущностных характеристиках объекта, реконструируемого из текстов; о специфике искомых в текстах референтов единиц анализа объекта и присущих им взаимосвязях). Вместе с тем систематизация искомых единиц в этом плане требует не просто фиксации соответствующих эмпирических референтов, но прежде всего выявления их логико-семантических связей в содержательно-смысловой структуре анализируемых первоисточников.

Информативно-целевой анализ в этом своем варианте оказывается методом *синтетическим*. Он соединяет в себе элементы, свойственные различным методам информационного анализа: дедуктивному (контент-анализу), где исследователь движется к тексту от априорно сконструированных им аналитических категорий, и индуктивному, где исследователь движется от текста, фиксируя использованные в нем термины и терминологические конструкции (в данном случае те, которые соответствуют задачам исследования). Сюда добавляется информационный подход к систематизации терминологии, в рамках которого извлеченные из текстов референты категорий анализа ставятся в жесткие координаты существующих между ними семантических отношений. Допустим, что предполагается реконструировать из текстов представления о нормативных характеристиках социалистического образа жизни. В этом случае необходимо, во-первых, определить

исходный теоретический принцип его рассмотрения и, во-вторых, сообразуясь с этим принципом, избрать категории для анализа текстов.

Если в качестве исходного избирается уже описанный выше теоретический принцип деятельности, который в наибольшей степени отвечает сущностным характеристикам образа жизни¹⁴, то нам предстоит извлечь из текстов данные, характеризующие как саму деятельность, так и условия ее протекания.

Исследователь вправе ограничить задачи любого конкретного исследования. Допустим, что ограничением для рассмотрения деятельности нам будет служить представление о сфере деятельности, а ограничением для рассмотрения условий деятельности — принятая в обществе система норм, имеющая немаловажное значение для реализации деятельности.

Тогда на основе информативно-целевого анализа текстов, в той или иной мере содержащих сведения об избранной для изучения сфере образа жизни, мы можем, с одной стороны, получить целостное представление о содержании и структуре нормативного сознания (перечни действующих общих и конкретных правовых, морально-этических, эстетических и прочих норм и общепринятых ценностей) как одном из условий деятельности социальных субъектов. С другой стороны, могут быть получены сведения о распространенных и рекомендуемых моделях деятельности и взаимодействия (перечни функций и признаков, присущих разным социальным субъектам, общих и частных целей деятельности в целом и по частным действиям, а также самих действий, операций, способов и инструментов деятельности, применяемых в тех или иных ситуациях взаимодействия)¹⁵.

Обращаясь к разнопредметным источникам, в которых изучаемый объект был когда-либо описан, можно восстановить из текстов целостные представления не только о сложных социальных объектах, но и о сложных объектах естественноприродного характера. Необходимым предварительным условием как в том, так и в другом случае явится наличие у исследователя четкого представления о цели проводимого исследования и гипотезы относительно общих принципов структурирования явлений и процессов, сущностные характеристики которых предполагается реконструировать из текстов.

При этом важно понимать, что одним из результатов такого анализа, в свою очередь, окажется весьма существенная корректировка исходных принципов структурирования.

---

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 19.

¹⁵ Построение систем социальных показателей образа жизни советского общества; с. 177-180.

Глава 4

СЕМИОСОЦИОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТНОГО СОЗНАНИЯ

---

§ 1. Личностное сознание как функциональный базис текстовой деятельности

Признание активного деятельного начала в развитии личности и ее сознания как функциональной основы мотивированной и целенаправленной предметной деятельности характерно для советской психологии с самого начала ее становления как антипода психологии бихевиористской.

Учение об активно-творческой природе личности весьма тесно переплетается в отечественной психологии с идеей системного строения личностного сознания. Используя здесь термин «личностное сознание», а не более широко используемый термин «индивидуальное сознание», мы делаем это, ориентируясь на определение личности, данное К. К. Платоновым, а именно: «Личность — это человек как субъект активной деятельности, преобразующий мир, а следовательно, носитель сознания и самосознания»¹.

Как представляется, одним из первых акцент на системном строении сознания человека сделал Л. С. Выготский, говоривший о смысловом устройстве сознания, о познавательных структурах, составляющих его предметное содержание, о мотивирующей сфере сознания и пр.

Весьма четко мысль о системности психического выражена, на наш взгляд, К. К. Платоновым в рамках сформулированного им личностного подхода к человеку. Ссылаясь на работы В. П. Кузьмина, впервые «обратившего внимание психологов на понимание К. Марксом системных качеств»², цитируемый автор специально подчеркнул то важное значение, которое имеет для психологической, и в частности для социально-психологической, трактовки личности системно-структурный подход к ней «в единстве его логического и исторического аспектов»³.

В этой работе мы не будем специально останавливаться на тех или иных концепциях личности, существующих, в частности, в отечественной психологической литературе.

Это не входит в задачу настоящего исследования, цель которого — применительно к данному его этапу — значительно уже и состоит в обосновании вполне конкретного

---

¹ Социальная психология / Под ред. Г. П. Предвечного, Ю. А. Шерковина. М., 1975, с.38

² Социальная психология личности / Под ред. М. И. Бобневой, Е. В. Шороховой. М., 1978, с. 265.

³ Там же.

операционального подхода к описанию того уровня личностного сознания, на котором интеллектуально-мыслительные структуры в процессе знакового общения и для общения обретают речезыковое оформление. Этот уровень личностного сознания, пользуясь термином П. Я. Гальперина, мы назовем языковым сознанием⁴. Трактовка этого термина, которая будет предложена ниже, имеет свою специфику.

Целостный интеллектуально-мыслительный процесс, актуализируемый личностью и в текстовой деятельности, не следует, по-видимому, отождествлять ни с так называемой внутренней, ни тем более с внешней речью. Эта точка зрения вытекает, в частности, из работ Л. С. Выготского, который подчеркивал как экспериментально установленный факт, что «мышление и речь имеют генетически совершенно различные корни»⁵, и ограничивал роль внутренней речи (равно как и ее единиц — смыслов слов) функцией средства для особого вида интеллектуально-мыслительной деятельности — речевого мышления, опосредующего «динамическое отношение между мыслью и словом»⁶. Л. С. Выготский отнюдь не склонен был отождествлять мышление с внешней речью. Напротив, он утверждал, что «течение и движение мысли не совпадают прямо и непосредственно с развертыванием речи. Единицы мысли и речи не совпадают. Один и другой процессы обнаруживают единство, но не тождество»⁷.

Постоянно контактируя с другими людьми, а также с окружающим предметным (в том числе материально-техническим и идейно-фактографическим, или знаковым) миром, субъект осмысливает и репродуцирует (не только для себя, но и для других) как свое (так или иначе интерпретируемое) место в этом мире, так и свое знание (представление) об отношениях предметов и явлений этого мира друг к другу. Добываемые в соприкосновении с внешним миром данные перерабатываются на разных уровнях личностного сознания, превращаясь в глубинные и поверхностные мыслительные структуры. Стимулируемые практикой общественного бытия, ситуациями, возникающими в конкретной жизнедеятельности, личности как носители сознания, а значит, и мыслительных структур (впечатлений, знаний и связывающих их отношений — идей) стремятся эксплицировать их, сделать достоянием других, видя в этом основу для самовыражения и самоутверждения; для достижения определенных практических целей; для совместной с другими людьми практической деятельности; для решения ближайших и дальнейших задач обыденного, научного, наконец, общественного характера.

---

⁴ Ср.: Гальперин П. Я. Языковое сознание и некоторые вопросы взаимоотношения языка и мышления. - *Вопр. Философии*, 1977, №6, с. 95-101.

⁵ Выготский Л. С. Мышление и речь. - В кн.: *Хрестоматия по общей психологии: Психология мышления*. М., 1981, с. 157.

⁶ Там же, с. 171.

⁷ Там же, с. 173.

Следствием такого стремления становится актуализация названных мыслительных структур в знаковом общении, в рамках которого они приобретают иную ценность, становясь достоянием других. При этом мыслительные структуры несводимы к элементам языка (речи), они не совпадают с речью, но предполагают речь⁸. «Как каждому должно быть известно по собственному опыту, — пишет С. Л. Рубинштейн, — бывает, что мы еще как бы ищем речевую формулировку для своей мысли; мысль как будто уже имеется, а речевое ее выражение еще не найдено. В ходе этих поисков мы принимаем не каждую подвернувшуюся нам речевую формулировку; мы иногда отвергаем ту, которая нам сперва подвернулась, как не отвечающую нашей мысли, более или менее длительно преодолевая значительные трудности, работаем над подысканием адекватной речевой формулировки для нашей мысли. Если бы мысль, не получившая речевой формулировки, вообще отсутствовала, то она не могла бы контролировать подбираемую для нее речевую формулировку»⁹.

Рассматривая вопрос о способах формирования и формулирования мысли грамотным человеком, И. А. Зимняя в своей книге выделяет две основные формы речи: внутреннюю («внутренний способ формирования и формулирования мысли посредством как языка, так и внутреннего предметно-схемного — по Н. И. Жинкину — кода») и внешнюю (устный или письменный способ формирования и формулирования мысли посредством языка)¹⁰.

Иллюстрируя сказанное в виде наглядной схемы, И. А. Зимняя подчеркивает, что «внутренняя речь должна рассматриваться как самостоятельный способ формирования и формулирования мысли. И. А. Зимняя тем самым вслед за С. Л. Рубинштейном практически подчеркивает несводимость мышления ни к внешней, ни к внутренней речи, которые являются лишь разными способами формирования и формулирования мысли.

Итак, мысль несводима к языку или речи, она не совпадает с речью, но предполагает речь. И еще один важный момент, также вытекающий из высказываний С. Л. Рубинштейна. Познание бытия есть функция мысли (цель и назначение интеллектуально-мыслительной деятельности). Но есть еще «познавательная работа над мыслями»¹¹, а это уже следующий этап, характеризующий, по-видимому, более высокую мыслительную ступень, а именно ступень речемыслительную (по И. А. Зимней).

---

⁸ См.: Там же, *Рубинштейн С. Л.* К вопросу о языке, речи и мышлении. — *Вопр. языкознания*, 1957, № 2, с. 47; *Баланс Л. Я., Деглин В. Л.* Слух и речь доминантного и недоминантного полушарий. Л., 1976, с. 178—195; *Горелов И. Н.* Проблема функционального базиса речи в онтогенезе. Челябинск, 1974; *Он же.* Невербальные компоненты коммуникаций. М., 1980; и др.

⁹ *Рубинштейн С. Л.* Принципы и пути развития психологии. М., 1959, с. 111 —112.

¹⁰ *Зимняя И. А.* Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М., 1978, с. 30.

¹¹ *Рубинштейн С. Л.* К вопросу о языке, речи и мышлении, с. 47.

И. А. Сеченов, указывая, что научная психология — это прежде всего ряд учений «о происхождении психических деятельностей»¹², не делал исключения для мыслительной и речемыслительной деятельности, отмечая, что «история возникновения отдельных психических актов должна обнимать и начало их и внешнее проявление, т. е. двигательную реакцию, куда относится, между прочим, и речь»¹³.

Подчеркивая активное творческое начало интеллектуально-мыслительной деятельности, известный советский философ Э. В. Ильенков писал, интерпретируя Спинозу: «Почему не предположить, что мыслящая вещь устроена по-особому: не имея внутри себя ни одной готовой схемы действия, она именно поэтому действует в согласии с любой схемой, которую в данный момент диктуют ей формы и сочетания других, вне мыслящей вещи находящихся тел»¹⁴. В этом и заключается, по мнению Э. В. Ильенкова, «реальная роль или функция мыслящей вещи», поскольку мышление, по Ильенкову, «есть способность активно строить и перестраивать схемы внешнего действия сообразно любому новому стечению обстоятельств»¹⁵. Как представляется, указанная регулятивная способность и составляет специфическую сущность мышления (а не речи! — *Т. Д.*) как высшей формы психической деятельности.

В коммуникативно-познавательной деятельности содержание, внутренние связи и отношения сложной системы личностного сознания воспроизводятся для других в виде представлений о них, выраженных в текстовых связях и отношениях, в содержании текстов. Средством воспроизведения, его инструментом являются знаки (включая знаки естественного языка). Содержательные элементы сознания «бытийствуют» в форме знаковых (языковых) элементов и конструкций. «Форма проявления получает самостоятельное „сущностное“ значение, обособляется, и содержание заменяется в явлении иным отношением, которое сливается со свойствами материального носителя (субстрата) самой формы... и становится на место действительного отношения. Эта видимая форма действительных отношений, отличная от их внутренней связи, играет вместе с тем — именно своей обособленностью и бытийностью — роль самостоятельного механизма в управлении реальными процессами на поверхности системы»¹⁶.

В практике общения тексты становятся частью окружающего человека предметного мира, органическим элементом его практического опыта, а содержащиеся в них (воплощенные

---

¹² Сеченов И. М. Избр. произведения. М., 1952, т. 1, с. 209.

¹³ Там же.

¹⁴ Ильенков Э. В. Диалектическая логика: Очерки по истории и теории. М., 1974, с. 37.

¹⁵ Там же, с. 36.

¹⁶ Филос. энцикл., 1970 т. 5, с. 387.

в них) познавательные структуры, реорганизованные для целей общения,— основой преобразовательной практической деятельности социальных субъектов.

На основе сказанного выше в чисто исследовательских целях представляется целесообразным и обоснованным развести онтологически представленные друг в друге, но поддающиеся и самостоятельному анализу две высшие формы психической деятельности: мыслительную — основанную на отражательной способности сознания и осуществляющую познавательную «функцию», и речемыслительную — как разновидность первой, но с «функцией» как бы «вторичного» познания мира в общении. Очевидно, что образное, или «предметное», мышление, соответствующее чувственной ступени познания, в генезисе предшествует абстрактному, понятийно-смысловому мышлению, а в синхронии сосуществует с ним.

Исходя из этой посылки, мы обсудим теперь один из возможных способов моделирования личностного сознания как функционального базиса текстовой деятельности¹⁷, у истоков которой, как представляется, лежит тот же феномен интеллектуально-мыслительной активности общественного индивида, что и у истоков любой иной социальной деятельности. В структуре предлагаемой модели мы предусмотрим поля (сферы), соответствующие актуальным сенсорно-интуитивным, идеаторным и мотивационно-ценностным процессам. Это позволит нам рассмотреть личностное сознание на трех уровнях абстракции в рамках «сознательного». Мы умышленно отвлекаемся от так называемой «сферы подсознательного», постулируя ее подчиненность интересующим нас (по крайней мере в рамках данной работы) более высоким уровнем индивидуального сознания. Представляется, что было бы опрометчиво относить к подсознательному все, что «не логично» или «не понятно», так же как, скажем, рассматривать инстинктивное и интуитивно-образное в одном ряду и на одном уровне психического. Первое из них, исходя из предшествующих рассуждений, назовем **«сенсорным полем»**, а другое — **идеаторным полем** и третье — **мотивационным полем** сознания. Рассмотрев функции и содержание каждого из названных полей (сфер) сознания личности, мы сможем наиболее детально проанализировать функции и содержание идеаторного поля, поскольку основная цель моделирования личностного сознания в этой работе состоит, с одной стороны, в том, чтобы акцентировать внимание на стимулируемом знаковом общении взаимодействии всех сфер сознания личности, а с другой в том, чтобы, как уже отмечалось, обосновать один из возможных подходов к семиосоциопсихологическому описанию той, его

---

¹⁷ Ср.: Горелов И. Н. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе. Ср. также с уровнями функциональной психологической схемы смыслового восприятия И. А. Зимней (Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976, с. 26-33. Там же см. историю вопроса).

сферы, в которой интеллектуально-мыслительные познавательные-образные структуры (идеи) в процессе общения и для общения обретают свое языковое оформление.

Функция сенсорного поля сознания состоит в «считывании сенсорного кода», в его превращении в «образ» путем извлечения «инвариантов» (обобщенных существенных признаков) из потока энергии, идущей извне или изнутри организма через органы чувств (рецепторы)¹⁸. Иными словами, сенсорное поле сознания не только перерабатывает поступающую через органы чувств информацию, но и продуцирует образные представления на основе эмоциональных процессов, связанных с переживанием или внутренней интерпретацией сенсорной картины¹⁹.

Содержание сенсорного поля — чувственные образы и связанные с ним представления, возникающие как итог интуитивно-образной мыслительной деятельности (первичной перцептивной деятельности сознания), связанной с переработкой впечатлений (ощущений) от непосредственного внешнего или внутреннего (возбуждение, посредуемое ассоциативными зонами головного мозга) чувственного опыта. В сенсорном поле сознания еще нет свободных представлений. Интуитивная мыслительная деятельность, осуществляемая на этом функциональном базисе, является *доречевой*, а знаково-символические формы здесь не представлены как постоянные.

Содержание сенсорного поля несвободно. Оно находится в прямой зависимости от информации, поступающей по экстра- и интерорецепторам. Возникающие здесь перцептивные структуры прочны и негибки, их контуры почти неуловимы для саморефлексии. Их трудно перестроить или перегруппировать в ходе умственных операций²⁰.

Функция идеаторного поля - репродуцирование образных представлений в протопонятиях («обобщениях без номинаций», по И. Н. Горелову) и идеаторных структурах с последующим вторичным репродуцированием последних в структурах речемыслительной коммуникативной деятельности: языковых знаках и символах, выступающих в качестве средств субституции идеаторных структур, позволяющих совершать интеллектуальные операции не на самих наглядных образах вещей и ситуаций, а на их смысловых заменах. Средства субституции, или знаки языка, наделяются значениями в процессе общения, тем более что меняющийся «смысл вещей и ситуаций» приводит «к сдвигу отношения между означаемым и означающим»²¹, выливаясь, в свою очередь, в изменения значений языковых знаков.

Интеллектуальные операции, осуществляемые на основе идеаторного поля сознания, неизменно совершаются с обращением к системам образных представлений (к

---

¹⁸ Ср.: Сомьен Дж. Кодирование сенсорной информации. М., 1975, с. 12-13.

¹⁹ Ср.: Психологические механизмы целеобразования. М., 1977, с. 95-96.

²⁰ Ср.: Мегрелидзе К. Р. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1973, с. 106.

²¹ *Соссюр Ф.* Труды по языкознанию. М., 1977, с. 108.

«голографическим компонентам», по Прибраму)²², пронизывающим весь процесс вне-речевой идеации. В этом смысле бытующее представление о «независимости» абстрактно-логического мышления от образного в высшей степени условно, являясь скорее исходной установкой формально-лингвистического и формально-логического методов анализа речезыковых (знаково-символических) структур (инструментов общения), нежели отражением психологической реальности.

Содержание идеаторного поля следует рассматривать на двух уровнях абстракции, соответствующим двум уровням интеллектуально-мыслительной деятельности. Как итог вне-речевой интеллектуально-мыслительной деятельности представления и образы сенсорного поля включаются здесь в состав протопонятий и идеаторных структур на смысловом уровне идеаторного поля сознания²³. Как итог речевой интеллектуально-мыслительной деятельности они включаются в состав конкретных категорий, понятий и речеидеаторных структур на языковом уровне идеаторного поля сознания. В идеаторное поле сознания представления и образы включены как наряду с протопонятиями и идеаторными структурами (*смысловой уровень*), так и в их составе. Соответственно они входят и в формулируемые на базе последних и их замещающие семиотические (знаково-символические) структуры (*языковой уровень*). Здесь следует оговорить весьма существенный момент. Описывая содержание этого уровня сознания, по-видимому, следовало бы иметь в виду представленность здесь знаковых структур разного рода (скажем, знаков изобразительного или музыкального ряда и пр.), которые, что не исключено, могли бы выступать в качестве опосредующих общение как наряду, так и вместо знаков естественного языка, сложись иначе условия общения людей в ходе совместной практической деятельности. Эмоциональная окрашенность чувственных образов, неизменно представленная в основных единицах интеллектуально-мыслительной деятельности — «протопонятиях» и идеаторных структурах, а через них и в продуктах речевой моторики (в так или иначе организуемом речевой деятельностью знаково-символическом универсуме), и является, по-видимому, основой того, что принято называть интуицией — свойства весьма индивидуального и несомненно входящего в компонентную структуру всякой интеллектуально-мыслительной деятельности, целью которой является решение тех или иных познавательных задач.

Не исключено, что именно это обстоятельство так и останется основным препятствием на пути создания «думающих машин».

«Человеческое сознание, располагая свободно воспроизводимыми образами и представлениями, не ограничено только сенсорным полем настоящего момента. Оно может в

---

²² Прибрам К. Языки мозга. М., 1975, с. 161 — 190.

²³ См.: Горелов И. Н. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе.

своем воображении свободно двигаться вдоль вектора времени вперед и назад от пункта настоящего»²⁴. Это и есть способность идеации, составляющая, как указывает цитируемый автор, психологическое преимущество человека перед животным. Идеаторное содержание сознания, как отмечает далее исследователь, обуславливает способность человека к свободному воспроизведению представлений, благодаря которому становятся возможными самопроизвольное представление индивидом цели действия (целеполагание) и самостоятельное стремление к ней, т. е. соответствующие волевые акты, порой противостоящие ситуации, вместо всегда сообразуемых с ней действий животных²⁵.

Что же касается языка, то он «начинается там, где субъект выявляет не состояние собственного организма, а объективное идеаторное содержание сознания. Лишь после этого в результате долгого развития субъект постепенно начинает и собственное состояние выражать иначе, чем непосредственными гримасами, именно через объективные речевые средства...»²⁶. «Речь делает возможным произвольное и свободное вызывание представлений в поле ясного сознания и закрепляет возможность репродукции. Благодаря языку воспроизводство представлений и работа воображения чрезвычайно облегчаются. Процесс репродукции мысленного содержания делается беглым, сознание освобождается от тирании сенсорного поля, приобретает свободу воображения. Воображение делается в высшей степени подвижным, гибким и область его охвата может непрерывно расширяться»²⁷.

Итак, элементы языка способствуют укреплению способности свободного воспроизводства представлений в идеаторном поле сознания, позволяют не только вызывать их, но, репродуцируя представления, придавать им в общении явные очертания. Формирование образов и лингвистических значений отнюдь не одно и то же. Формирование последних, как и навык оперирования ими, в значительно большей степени плод обучения. Иными словами, языковое сознание как функциональный базис речемыслительной и коммуникативно-познавательной деятельности в большей мере поддается формированию и контролю в процессе обучения.

Остановимся теперь на функции мотивационного поля сознания.

Функция мотивационного поля сознания состоит в стимулировании, организации и упорядочении системы взаимодействия сенсорного и идеаторного полей сознания в ходе интеллектуально-мыслительной и коммуникативно-познавательной деятельности. Мотивационное поле управляет образно-идеаторной и речекоммуникативной деятельностью через механизм установки. Последняя представляет собой сложившееся в предшествующем

---

²⁴ Мегрелидзе К.Р. Указ. Соч., с. 107.

²⁵ См.: Там же, с. 111.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, с. 106.

опыте определенное функциональное состояние организма, которое и направляет последующую его активность, создавая определенную «преднастроенность», предрасположенность (готовность) индивида действовать определенным образом. «Установка субъекта как целого...— (это) его основная, его изначальная реакция на воздействие ситуации, в которой ему приходится ставить и разрешать задачи», — пишет Д. Н. Узнадзе²⁸. Иными словами, как пишет другой автор, А. С. Прангишвили, интерпретируя концепцию установки, развиваемую грузинской психологической школой, установка возникает на основе актуализации той или иной конкретной потребности в конкретной ситуации²⁹ как некий «модус субъекта», опосредующий «общий конечный путь» и «ориентацию выявляющейся активности»³⁰. Соответственно «установка включает в себя как момент мотивации, так и момент направленности»³¹. При этом «установка не принимает форм, характерных для содержания сознания как системная особенность ... ее нельзя непосредственно обнаружить как факт сознания...»³². Это предвосхищающее деятельность «целостное состояние индивида», выполняющее по отношению к деятельности «побуждающую», «регуляторную», «селективную» и т. п. функции³³, которые в предлагаемой в нашей работе трактовке практически совпадают с функциями мотивационной сферы сознания, актуализирующей конкретные потребности индивида в конкретных ситуациях.

Применительно к вопросу о функции мотивационной сферы (поля) сознания представляются очень важными выводы Л. С. Выготского, сделанные им в ходе анализа внутренних планов речевого мышления. «Мысль еще не последняя инстанция во всем этом процессе, — пишет цитируемый автор. — Сама мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы нашего сознания, которая охватывает наше влечение и потребности, наши интересы и побуждения, наши аффекты и эмоции. За мыслью стоит эффективная и волевая тенденция. Только она может дать ответ на последнее „почему“ в анализе мышления. И далее мотивацию мысли мы должны были бы... уподобить ветру, приводящему в движение облака. Действительное и полное понимание чужой мысли становится возможным только тогда, когда мы вскрываем ее действительную, аффективно-волевою подоплеку. ...При понимании чужой речи всегда оказывается недостаточным понимание только одних слов, но не мысли собеседника. Но и понимание мысли собеседника без понимания его мотива, того, ради чего высказывается мысль, есть неполное понимание. Точно так же в психологическом

---

²⁸ Узнадзе Д.Н. Психологические исследования М., 1966, с. 150.

²⁹ См.: Прангишвили А. С. Психологические очерки. Тбилиси, 1975, с. 46.

³⁰ Там же, с. 43.

³¹ Там же, с. 44.

³² Там же, с. 50.

³³ Там же, с. 51.

анализе любого высказывания мы доходим до конца только тогда, когда раскрываем этот последний и самый утаенный внутренний план речевого мышления: его мотивацию»³⁴.

В приведенной цитате Л. С. Выготского содержится не только идея о важнейшей функциональной и содержательной роли мотивационной сферы сознания для регуляции деятельности и поведения индивида, но и идея текстовой деятельности как мотивированного и целенаправленного способа организации высказываний для общения, где речь выступает лишь в роли хоть и необходимого, но все-таки всего только средства оформления смыслового (мыслительного, «идеаторного») содержания коммуникативно-познавательной деятельности. Не случайно в той же работе Л. С. Выготский писал: «Общение, основанное на разумном понимании и на намеренной передаче мысли и переживаний, непременно требует известной системы средств, прототипом которой была, есть и всегда останется человеческая речь, возникшая из потребности в общении в процессе труда»³⁵.

Продолжим, однако, наше рассуждение относительно роли мотивационной сферы (мотивационного поля) сознания в регуляции коммуникативно-познавательной деятельности.

А. Р. Лурия, разрабатывавший новый раздел нейропсихологии — нейролингвистику, метод которой, как пояснил он сам, состоит «в анализе того, как именно нарушается процесс кодирования речевого сообщения при различных по локализации поражениях мозга, какой характер носят эти нарушения и какие стороны высказывания они нарушают...»³⁶, отмечал, что «при массивных поражениях лобных долей мозга кодированию речевого сообщения мешает патологическая инертность раз возникших речевых стереотипов, в результате которой больной не может переключиться с одного звена (или структурного элемента) высказывания на другое, все время персевераторно воспроизводя первое структурное звено...»³⁷.

Ниже, заключая главу, посвященную нейропсихологическому анализу формирования речевого сообщения, А. Р. Лурия писал, что «речевое сообщение всегда включено в поток связной речи, в которой человек, имеющий определенные мотивы, воплощает свою мысль»³⁸. Между тем «массивные поражения префронтальных отделов мозга, сопровождающиеся общей инактивностью субъекта, нарушают систему мотивов и делают всякое активное высказывание невозможным, хотя весь речевой аппарат высказывания... остается

---

³⁴ *Выготский Л. С.* Мышление и речь, с. 174—175.

³⁵ Там же, с. 156.

³⁶ *Лурия А. Р.* Основные проблемы нейролингвистики, с. 142.

³⁷ Там же, с. 128.

³⁸ Там же, с. 141.

потенциально сохранным»³⁹. При таких поражениях, таким образом, нарушается «путь от мысли к связной речи»⁴⁰.

Иными словами, целенаправленная речемыслительная деятельность предполагает мотивационную деятельность, организующую ее, как и всю жизнедеятельность человеческого организма.

По словам С. Л. Рубинштейна, учение о мотивации «представляет собой конкретизацию учения о детерминации, о соотношении «внутренних условий с внешними (потребностями с ее объектом)»⁴¹. «Мотивация, — пишет С. Л. Рубинштейн, — заключена не только в чувствах, но и в каждом звене процесса отражения, поскольку оно всегда включает в себе понудительный компонент. ...Мотивация — это опосредованная процессом ее отражения субъективная детерминация поведения человека миром. Через свою мотивацию человек вплетен в контекст действительности. Мотивация — это через психику реализующаяся детерминация»⁴².

Мотивацией, ее характером и интенсивностью определяется содержательная избирательность и динамическая сторона протекания тех или иных психических процессов. В. Г. Асеев, отмечая вслед за С. Л. Рубинштейном, Б. В. Зейгарник и др., что «мотивационный компонент является совершенно необходимым для всякого процесса (мыслительного, мнестического, процесса восприятия и т. п.)»⁴³, указывает, что в советской психологии принято включать в понятие мотивации «все виды побуждений, мотивы, потребности, интересы, стремления, цели, влечения, мотивационные установки или диспозиции, идеалы и т. д.»⁴⁴. Указанные побуждения наряду с эмоциями и возникающими на их основе оценками можно, хотя и весьма условно, рассматривать в качестве содержания мотивационного поля сознания.

Выступая как некое «энергетическое начало деятельности»⁴⁵, мотивационная сфера вместе с тем формируется содержательно в практической деятельности людей, что обеспечивает осознанность мотивам, принадлежащим к высшим уровням мотивационной сферы. Характер и структура мотивационной сферы обусловлены теми же ситуативными факторами, что и структура любой другой сферы психической деятельности человека, т. е., с одной стороны, характером проблемности той или иной объективной ситуации, а с другой — субъективным образом этой ситуации, своего места в ней и пр. Преобладающий в каждом конкретном случае осознанный мотив деятельности коррелирует с целью деятельности и

---

³⁹ Там же, с. 143.

⁴⁰ Там же, с. 142.

⁴¹ Рубинштейн С. Л. Человек и мир. — В кн.: Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969, с. 369.

⁴² Там же, с. 369—370.

⁴³ Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирование личности. М., 1976, с. 13.

⁴⁴ Там же, с. 7—8.

⁴⁵ Проблемы формирования социогенных потребностей. Тбилиси, 1974, с. 33—35.

реализует себя, как отмечалось выше, через установку как направляющее, регулирующее, селективное начало деятельности.

В мотивированной интеллектуально-мыслительной деятельности идеаторное поле сознания продуцирует идеи. В мотивированной речемыслительной деятельности идеаторное поле сознания продуцирует тексты для общения. «Мышление, как и восприятие, состоит не в том, что к содержанию сознания прибавляются новые элементы в виде дополнительных образов, идей и представлений, как это обычно полагали, а в том, что материал сознания и содержание сознания перестраиваются известным образом и складываются в новый контекст. В самом содержании сознания выделяется определенный «центр» (фокус), исходя из которого и вокруг которого строится все поле сознания, как взаимно отнесенное, замкнутое целое. Идея или понятие представляет собой именно это перестроенное поле... Идея не есть какое-то особое в себе сущее готовое образование, которое прибавляется к содержанию сознания, а лишь известное строение поля сознания»⁴⁶. Именно в этом смысле текстовая деятельность несет в себе целостный образ включенной в нее интеллектуально-мыслительной деятельности.

Предложенные членения на поля, или сферы, всего лишь аналитические абстракции, предполагающие функциональную представленность единиц одного уровня абстракции в другом: единиц сенсорного поля сознания в идеаторном — как на «смысловом», так и на «языковом» его уровнях, а соответственно и этих последних уровней друг в друге и в области сенсорного поля; единиц мотивационного поля — в обоих полях сознания. Иными словами, за предложенным членением не следует упускать из виду целостности и многомерности функционального базиса мотивированной интеллектуально-мыслительной деятельности, обусловленных постоянным взаимодействием всех его уровней; отсутствия локализации структур названной деятельности⁴⁷.

Сама необходимость исследования «взаимопереходов одних уровней в другие, возникающих в ходе развития»⁴⁸, требует, как кажется, при всей их несводимости друг к другу учета их взаимной представленности друг в друге, их наложенности друг на друга, т. е. на некотором этапе их сосуществования в одном внутрисистемном времени, в рамках той или иной системы деятельности.

Итак, названные поля сознания подвижны и динамичны, проявляя при этом постоянную тенденцию к переструктурированию в ходе целенаправленной предметной деятельности личности. Предметами деятельности, стимулирующими такое переструктурирование в ходе познавательно-коммуникативной деятельности, оказываются те или иные познавательные и коммуникативные потребности, мотивирующие указанную деятельность.

---

⁴⁶ Мегрелидзе К. Р. Указ, соч., с. 115.

⁴⁷ См.: Лурия А. Р. Основные проблемы нейролингвистики, с. 142.

⁴⁸ Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1977, с. 232.

«Верхний срез» идеаторного поля сознания, т. е. тот уровень функционального базиса интеллектуально-мыслительной деятельности, на котором протопонятия и идеаторные структуры обретают языковое оформление и в силу этого наиболее доступны для наблюдения и формирования, мы будем в дальнейшем называть *«языковым сознанием»*. Из предложенной модели следует, что структуры языкового уровня идеаторного поля сознания формируются на базе структур смыслового уровня в деятельности знакового общения.

Коммуникативным намерением, которое выступает в акте общения как предмет коммуникативно-познавательной потребности, мотивируется концентрация внимания на тех или иных аспектах представленных здесь чувственных образов, протопонятий и идеаторных структур. Очевидно, что через наблюдение за этой сферой сознания можно проникнуть до известной степени на смысловой уровень идеаторного поля, а также и в сенсорное поле сознания, выявить уровень мотивации. Вместе с тем наблюдая, формируя и моделируя для этих целей языковое сознание индивида, важно помнить об ограниченных возможностях такой модели.

Из сказанного выше вытекает, что цель общения как деятельности — изменение не только в смысловом (шире — идеаторном) поле, но и в сенсорном поле сознания, что нередко неоправданно упускается из виду в его определениях. На основе той или иной меры причастности глубинных уровней сознания к сфере осознанных мотивов можно, по-видимому, отличить механизмы стереотипного речевого поведения от мотивированной и целенаправленной коммуникативно-познавательной деятельности.

Из самого социального характера среды обитания человека вытекает тот уже отмечавшийся факт, что продукты знаковой деятельности человека в процессе общения в виде элементарных знаков (символов) и текстов различного характера становятся полноправной частью указанной среды. Соприкосновение с ними происходит на уровне рецепторов, точно также как и с любыми иными предметами и явлениями внешнего мира. Впечатления от такого соприкосновения преобразуются организмом на всех уровнях психической деятельности человека точно так же, как и всякие иные впечатления. Меняется, по-видимому, лишь степень проясненности таких впечатлений на разных уровнях интеллектуально-мыслительной деятельности, а также меры их интернализации и характер представленности тех или иных знаковых структур на соответствующих уровнях личностного сознания.

**§ 2. Влияние содержательных
и экспрессивных характеристик языкового сознания
на смысловую интерпретацию.
Уровень семиосоциопсихологической подготовки
как фактор
функционирования смысловой информации**

В настоящем параграфе мы обратимся непосредственно к семиосоциопсихологическому моделированию личностного языкового сознания, т. е. верхнего среза идеаторного поля сознания, на котором протопонятия и идеаторные структуры оформляются, комбинируются и эксплицируются в деятельности знакового общения. Активизация этого уровня личностного сознания в целенаправленной коммуникативно-познавательной деятельности предполагает разную степень активизации его глубинных уровней. Надо полагать, мера такой глубинности, мера «задействованности» того или иного уровня личностного сознания в деятельности общения скажется на характере оперирования знаковыми структурами, в частности на обоснованности (мотивированности) как их выбора, так и введения их в те или иные конкретные взаимосвязи. Она повлияет на само соотношение коммуникативной интенции с характером номинации тех реальных и мыслимых объектов, которые составят тематическую канву текста.

Речевое поведение, основанное на автоматическом воспроизведении языковых стереотипов, по-видимому, тем и отличается от текстовой деятельности, что последняя мотивирована осознанием проблемной ситуации, стремлением найти ей первоначальное разрешение в рамках знакового общения. Иными словами, в последней «задействованы» глубинные структуры личностного сознания.

Моделируя здесь текстовую деятельность, реализуемую активной, т. е. мыслящей и действующей, личностью, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что из отождествления сознания с языком с неизбежностью следует фетишизация языка как фактора, формирующего мировоззрение (тезис Б. Уорфа), как причины возникновения тех или иных явлений культуры; приписывание языковым формам роли автономной силы, детерминирующей мышление и социальное поведение, превращение языка из средства коммуникативно-познавательной деятельности в ее предмет и самоцель. В этой связи вообще встает вопрос о том, всегда ли верно оценивается в обществоведческой литературе активная роль личностного сознания в описанном выше смысле. С этой точки зрения полезно рассмотреть известную концепцию В. М. Волошинова, наложившую весьма серьезный отпечаток на целый ряд последующих работ, в той или иной мере касавшихся проблем взаимосвязи сознания, мышления и языка.

«Объективное определение сознания может быть только социологическим»,— писал В. М. Волошинов⁴⁹. «Нельзя выводить сознание непосредственно из природы...— писал он далее,— и нельзя идеологию выводить из сознания...» «Сознание слагается и осуществляется в знаковом материале, созданном в процессе социального общения организованного коллектива. Индивидуальное сознание питается знаками, вырастает из них, отражает их логику и их закономерность... Индивидуальное сознание не архитектор идеологической надстройки, а только жилец, приютившийся в социальном здании идеологических знаков»,— замечал он⁵⁰.

Из сказанного можно вывести представление о весьма пассивной роли личностного сознания в формировании сознания группы, коллектива, общества. Более того, в указанном толковании сознание личности практически «завязано» на язык, «на реальную данность языковых явлений»⁵¹. Действительность внутренней психики — действительность знака. «Вне знакового материала нет психики. Есть физиологические процессы, процессы в нервной системе, но нет субъективной психики как особого качества бытия... По роду своего бытия субъективная психика локализована как бы между организмом и внешним миром, как бы на границе этих двух сфер действительности. Здесь происходит встреча организма с внешним миром, но встреча не физическая: организм и мир встречаются здесь в знаке. Психическое переживание является знаковым выражением соприкосновения организма с внешней средой. Поэтому-то внутреннюю психику нельзя анализировать как вещь, а можно лишь понимать и истолковывать как знак», — писал цитируемый автор⁵².

Таким образом, психическое переживание от соприкосновения с внешним миром отождествляется со знаковым выражением такого соприкосновения. «Дознаковые» сферы психики исключены из рассмотрения как «социально несущественные». Сама же «встреча» с внешним миром осуществляется в знаке, редуцируемом автором до речевого знака. «Знаковым материалом психики по преимуществу является слово — внутренняя речь». ...Именно она является «костяком внутренней жизни», указывал он⁵³. Иное рассмотрение психики, вне знаковых процессов, протекающих на стыке организма и социальной среды, характерно, по мнению автора, лишь физиологам, которых «не касается содержание психики». Но именно это содержание психики, взятое в отношении к индивидуальному организму, является объектом психологии. «Никакого иного объекта у науки, достойной этого наименования, нет и не может быть», — полагал Волошинов⁵⁴.

---

⁴⁹ Волошинов В. М. Марксизм и философия языка. М., 1929, с. 20.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же, с. 111.

⁵² Там же, с. 34.

⁵³ Там же, с. 37.

⁵⁴ Там же, с. 38.

Такой подход позволил автору рассматривать духовное (называемое им «идеологическим») как нечто сформированное между индивидами в общении и закрепленное в языковых формах, поскольку его, как писал он сам, интересуют не «случайные и зыбкие субъективно-психологические процессы в „душе“ воспринимающего», а «устойчивые социальные тенденции *активного* восприятия чужой речи, отлагающиеся в формах языка». «Механизм этого, процесса не в индивидуальной душе, а в обществе, отбирающем и грамматизирующем (т. е. приобщающем к грамматической структуре языка) лишь те моменты в *активном* оценивающем восприятии чужого высказывания, которые социально существенны и константны и, следовательно, обоснованы в самом экономическом бытии данного говорящего коллектива»⁵⁵.

Мы не случайно дважды подчеркнули слово «активный», которое здесь оказывается связанным с представлением о восприятии, втиснутом в рамки константного, шаблонного, т. е. того, что принято в культур-антропологии понимать как культурные стандарты. При этом речевые структуры принимаются за точку отсчета возможных вариантов неречевого, практического поведения носителя языка, не говоря уже о речевом.

«Условия передачи и ее цели способствуют лишь актуализации того, что уже заложено в тенденциях внутреннеречевого активного восприятия, а эти последние, в свою очередь, могут развиваться лишь в пределах имеющихся в языке форм передачи речи», — писал Волошинов⁵⁶.

Прижившееся в той или иной культурно-языковой среде личностное сознание не взаимодействует с ней и не формируется в активном и двустороннем процессе такого взаимодействия, а «начинается» культурно-языковыми стандартами, при том что не известно, откуда взяться самой «начинке». Между тем механизмы возникновения таких стандартов достаточно сложны. Констатация их межиндивидуальной природы и их «константности», а значит, якобы «обоснованности», еще недостаточна для серьезного обсуждения вопроса об активности личностного сознания.

Личностное сознание в качестве аспекта психической деятельности, наделенного в этом высшем своем проявлении не только функцией отражения, но и регулятивной функцией, одновременно является функциональной основой и формой отражения действительности и в то же время силой, активно воспроизводящей и творящей сознание общественное. Постоянно контактируя с другими людьми, а также с окружающим предметным (в том числе материально-техническим и идейно-фактографическим, или знаковым) миром, люди осмысливают и репродуцируют в текстовой деятельности не только для себя, но и для других как свое (так

---

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, с. 39.

или иначе интерпретируемое) место в этом мире, так и свое знание (представление) об отношениях предметов этого мира друг к другу. В процессе коммуникативно-познавательной деятельности они проявляют свою активность не тем, что присваивают «константные формы», но скорее тем, что преодолевают их, выражая свои коммуникативные намерения путем введения элементарных знаков в те или иные содержательно-смысловые связи.

Порождение текста, отвечающего целям коммуникативно-познавательной деятельности, как и адекватная интерпретация заложенной в тексте коммуникативно-познавательной программы, в немалой степени обусловлены типом организации языкового сознания участников коммуникации, их перцептивной готовностью, т. е. подготовленностью к адекватному восприятию и интерпретации сообщений, где знаки языка и нормативные лингвистические структуры выступают не изолированно друг от друга, а подчиняясь совершаемым над ними мотивированным и целенаправленным операциям. Указанные операции совершаются над знаками для достижения целей более общих, чем непосредственная цель каждой операции. Такие более общие цели являются целями деятельности общения, а шире — целями материально-практической деятельности, в рамках которой оказались существенными те или иные коммуникативно-познавательные действия.

Таким образом можно предположить, что гибкость языкового сознания — не элементы языка, которыми оно «начинено», а его «оператные возможности», т. е. умение личности совершать над простыми и сложными знаками мотивированные и целенаправленные операции для общения, — вот тот существенный признак, который, по-видимому, позволит нам отличать в эксперименте людей с одним типом организации языкового сознания от другого, позволит отличить осознанно немотивированное языковое поведение от мотивированной и целесообразной текстовой деятельности, поскольку «искусство оперировать понятиями — не есть нечто врожденное и не дается вместе с обыденным, повседневным сознанием, а требует действительного мышления, которое тоже имеет долгую эмпирическую историю, такую же длительную, как и история эмпирического исследования природы»⁵⁷.

Смысловые интерпретации изолированных знаков в значительной мере обусловлены контекстом жизненного (в том числе коммуникативного) опыта людей, формирующего тот или иной тип сознания человека. Этот опыт складывается в рамках образа жизни, через который «природа той или иной общественно-экономической формации реализуется в конкретной жизнедеятельности целого народа, классов, отдельных индивидов»⁵⁸. Для суждения о конкретно-исторических способах реализации людьми возможностей, объективно заложенных в природе той или иной общественно-исторической формации, необходимо принимать во внимание

---

⁵⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 14.

⁵⁸ Методологические вопросы науки: Межвуз. науч. сб. Саратов, 1978, вып. 6, с. 141.

как объективные общественные факторы, так и социально значимые личностные характеристики людей. «Человек есть субъект деятельности и отношений, — пишет Л. П. Бueva. — Объективный аспект его отношений с миром раскрывается в системе связей человека с условиями его бытия и развития, с предметной средой его жизнедеятельности. Эта система объективных связей определяется конкретным местом человека в обществе, его принадлежностью к различным социальным общностям, из которых главную роль в его социальном становлении играют классовая, национально-этническая и профессиональная принадлежность, различные демографические характеристики (пол, возраст и т. п.) со всеми вытекающими отсюда объективными связями и зависимостями. Немалую роль играют и другие виды общностей, начиная с семьи, воспитательных, трудовых коллективов и объединений и кончая различными группами, складывающимися между людьми в разных сферах жизнедеятельности и общения»⁵⁹.

Объективность этих факторов обусловлена их «заданностью», «фактом рождения и воспитания в определенной стране, в определенную эпоху и т. д.»⁶⁰. И хотя человек может изменить свое положение переходом в другой социальный класс или слой, переездом на новое место жительства и т. п., объективные обстоятельства его жизни, предшествовавшие этой перемене, находят отражение в его социальных качествах. Эти качества приобретаются индивидом вместе с опытом взаимоотношений с его социальным окружением в процессе усвоения социальных ролей. В «снятом» виде в ролевой структуре личности находит свое отражение и классовое положение, представляющее собой один из важнейших факторов образа жизни и образа мыслей индивида, поскольку определяет положение индивидов в системе производства и распределения, оказывает влияние на выбор типа профессиональной деятельности и формы участия в труде, а следовательно, и на характер развития способностей и потребностей, на содержание и формы социальной активности, на способы взаимодействия с природным и социальным окружением и т.д. Это более всего относится к классовой структуре в антагонистических формациях.

Среди социальных качеств индивида немаловажное место занимает овладение значениями слов, в которых закреплён социальный опыт поколений. В ходе социализации вместе с усвоением новых социальных ролей человек постоянно пополняет свой личностный лексикон, усваивает новые и переосмысливает уже известные ему прежде значения словесных знаков. Научаясь речи, в процессе выполнения обычных повседневных обязанностей, «мы находимся в языковом общении с окружающим нас миром, и наши слова служат для познания его...»⁶¹. Отмечая там же, что предметом семантики в ее общем аспекте является «изучение слов при знании общей культуры» и что названная дисциплина преимущественно ориентируется на социально-культурную общезначимость языка, автор приведенных высказываний отмечает и

---

⁵⁹ Бueva Л. П. Человек: деятельность и общение. М., 1978, с. 51.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Фёрс Дж. Техника семантики. — В кн.: Новое в лингвистике. М., 1962, вып. 2, с. 91.

«некоторую лингвистическую специализацию», являющуюся следствием многочисленности социальных ролей, в которых выступают носители языка. «Языку меньше всего свойственно единство, — пишет он. — Единство в языке самое непрочное из всех единств — будь оно историческим, географическим, национальным или индивидуальным»⁶².

Итак, язык общезначим и в то же время достаточно дифференцирован. Названная дифференциация существует как объективно, так и субъективно, т. е. в личностном сознании носителей языка. Именно последние, создавая и интерпретируя тексты, преобразуют используемые в них элементарные знаки, привнося в их семантику бесчисленное множество новых прагматических связей. Имея в виду под прагматикой отношение знака к его получателю, мы, естественно, не считаем отношение языка к его отправителю чисто семантическим отношением.

Можно с основанием утверждать, что существуют два прагматических отношения: прагматика коммуникатора и прагматика реципиента. Коммуникатор, создающий текст, одновременно является интерпретатором как своего собственного текста, так и множества разнообразных текстов, толкуемых им в духе времени, ситуации, определенного контекста; в рамках определенной принятой для той или иной языковой подсистемы системы значений, а также своего коммуникативного опыта, своих ценностных ориентации, своей жизненной ситуации и т. п. Вместе с тем, программируя содержание своего сообщения (или анализируя его программу), сам отправитель сообщения или его аналитик (скажем, специалист по анализу содержания текстовых массивов) заведомо постулирует общезначимость создаваемого (или уже созданного) текста. Коммуникатор, отдающий себе отчет о возможной двусмысленности толкования своего сообщения, либо сам запрограммирует эту двусмысленность, либо постарается ее снять. Такая прагматика представляется нам «статичной», поскольку характеристики текста здесь будут функцией только одной интерпретации, а именно интерпретации автора текста или специалиста, производящего анализ его содержания (что одно и то же или, точнее, должно быть одним и тем же). Но есть и иная прагматика, динамичная, где характеристики текста суть функции бесконечного множества его интерпретаций. *Упорядочить это множество — значит выделить некоторые типы таких интерпретаций, найти общий принцип сведения реципиентов в условные семиосоциопсихологические группы по названным типам.*

Активность человека, связанная с переработкой смысловой информации, поступающей к нему (или продуцируемой им) в виде текстов, обладает своей спецификой. Доминанта такой активности перемещается в сферу языкового сознания личности. Решающим фактором эффективности знакового общения оказывается особый тип тренированности, состоящий как

---

⁶² Там же с .92.

в знании общего социально-культурного значения простых знаков (т. е. средств, инструментов коммуникативно-знаковой деятельности), так и в способности и подготовленности к адекватному целям коммуникативно-познавательной деятельности порождению и интерпретации сложных семантико - смысловых целостностей (сложных знаков) — текстов, поскольку именно они, а не нормативные языковые стереотипы динамичны и процессуальны.

Ниже этот вид тренированности в сочетании с той или иной мерой перцептивной готовности мы будем называть уровнем семиосоциопсихологической подготовки индивида и постараемся показать, что он определяется не столько наборами тем или иным образом изолированно трактуемых значений (хотя и ими тоже), сколько уровнем умений и навыков оперирования указанными значениями при порождении и интерпретации текстов как единиц знакового общения.

Вместе с тем, как отмечалось выше, нельзя недооценивать ту роль, которую играет в ходе общения трактовка индивидом тех или иных общепринятых культурно-исторических значений. Такая трактовка детерминирована объективными (внешними) и опосредуется субъективными (внутренними) факторами, о которых также уже говорилось и о которых мы еще будем говорить, поскольку «воспринимает чужое высказывание не некое бессловесное существо, а человек, полный внутренних слов. Все его переживания — так называемый апперцептивный фон — даны на языке его внутренней речи и лишь постольку соприкасаются с воспринимаемой внешней речью. Слово соприкасается со словом. В контексте этой внутренней речи и совершаются восприятие чужого высказывания, его понимание и оценка, т. е. активная ориентация говорящего»⁶³. Цитируемый автор осуществил одну из первых в нашей стране попыток проследить продуктивную роль и социальную природу высказывания на материале конкретных языковых конструкций (форм), возникающих в авторском контексте при воплощении чужой (несобственной прямой) речи.

Отмечая, что «лингвистическое мышление безнадежно утратило ощущение речевого целого»⁶⁴, сам автор указанного социологического исследования речи избрал в качестве опоры для социологического анализа речевого общения общепринятые, и в этом смысле социально существенные языковые нормы (шаблоны), диктующие, с его точки зрения, способы восприятия речи в ту или иную историческую эпоху. Названные нормативные формы могут быть, как полагает В. М. Волошинов, прослежены на материале литературных источников того или иного времени и по ним можно судить о характерных для эпохи способах восприятия речи.

---

⁶³ *Волошинов В. М.* Марксизм и философия языка, с. 140.

⁶⁴ Там же, с. 132.

Несомненно, бытующие в языке константные формы» (термин В. М. Волошинова) отражают время, но не останавливают его и отнюдь не воспроизводят Глубинные социально-психологические процессы, тем более не позволяя делать далеко идущие выводы о способах восприятия.

Сам факт существования константных форм отнюдь не тормозит эти процессы, сопутствующие любой материально-практической, а значит, и коммуникативно-познавательной деятельности. Процессы эти, собственно, и состоят в преодолении разного рода констант (шаблонов), и это в равной мере относится к деятельности знакового общения. Опираясь на элементы языка, личностное сознание проявляет свою активность не столько фактом восприятия в рамках языковой нормы, сколько фактом выхода за эти рамки, их преодоления на основе оперантных возможностей человеческого интеллекта.

Известный отечественный лингвист и философ А. А. Потебня, развивший теорию ближайшего и дальнейшего значения слова⁶⁵, отмечал, что знания людей о мире отнюдь не тождественны, и это сказывается на том содержании, которое они вкладывают в слова. Люди понимают друг друга в процессе общения потому, что в содержании слов есть нечто общее, народное. Это равное, одинаковое в содержании слова Потебня называл его ближайшим значением. Именно этот вид значения делает, по мнению Потебни, язык средством общения, тем не менее у слова есть еще и другое, меняющееся от индивида к индивиду дальнейшее значение, которое «у каждого различное по качеству и количеству элементов»⁶⁶. Та же идея имплицитно присутствует в рассуждениях психологов и психолингвистов (А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, А. А. Леонтьев), настаивающих на разведении категорий «значение» и «смысл». Вряд ли мы погрешим против истины, если, повторяя мысль Потебни (содержащуюся, кстати говоря, и в работах Выготского, Волошинова, Рубакина, Ферса), скажем, что содержание смысловой информации пропускается реципиентом через его личностное языковое сознание, вследствие чего изменяется исходное содержание названной информации. Возникает иерархия разночтений, в определенных ситуациях нарушающая общение даже на уровне ближайшего значения слова. Это явление, свидетельствующее о нарушении основного принципа коммуникации — общепонятности — заслуживает, например, особого внимания при изучении взаимоотношений средств массовой информации с их аудиторией, а также при исследовании множества других коммуникативных ситуаций, неизменно связанных с действиями порождения и интерпретации текстов.

---

⁶⁵ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1968, т. 1/2, с. 20.

⁶⁶ Там же. См. также об этом: Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.

Содержание личностного языкового сознания может быть описано через его тезаурус и представлено в виде фильтра, через который пропускается поступающая к нему смысловая информация, выраженная в знаковой форме.

Термин «тезаурус» введен в отечественную лингвистику в 1940 г. Л. В. Щербой⁶⁷ и пояснен им как особый принцип составления и организации словарей. Позднее возникла кибернетическая трактовка тезауруса как приемника смысловой информации, содержащего необходимую для ее восприятия априорную информацию⁶⁸. Понятие тезауруса особенно широко распространено в настоящее время в информатике, где его трактуют, с одной стороны, как инструмент информационного поиска, с другой — как способ описания терминологии⁶⁹, а в более общем виде — как «множество смыслоразличительных элементов (слов, словосочетаний и т. д.) некоторого языка с заданными смысловыми отношениями»⁷⁰. Сейчас наметился еще более широкий подход к трактовке этого понятия — «запас знаний», «набор управляющих кодов», «совокупный социальный опыт», «модель мира», «модель среды»⁷¹. Такая крайне расширительная трактовка затруднила бы операционализацию понятия для целей конкретного эксперимента, и поэтому мы будем придерживаться его первоначальной трактовки, восходящей к его интерпретации Л. В. Щербой.

Тезаурус — это открытая и подвижная система значений, хранящаяся в памяти индивида и организованная по принципу: от общего к частному внутри определенной сферы употребления. В процессе общения индивид непрерывно совершает над тезаурусом мотивированные и целенаправленные интеллектуально-мыслительные и коммуникативно-познавательные операции, в ходе которых постоянно корректируются исходные связи между значениями.

Тезаурус носителя языка формируется его коммуникативным окружением, вбирающим в себя особенности того социально-культурного контекста, в котором протекает знаковое общение человека с другими людьми. В тезаурусе, как и в естественном языке, в известной мере отражающем социальную дифференциацию общества, есть нечто общезначимое для всех носителей данного языка (определенный набор значений языковых элементов и норм конструирования языковых высказываний) и нечто в высшей степени дифференцированное. Дифференциация (очевидная) начинается на уровне языковых подсистем или, как их еще

---

⁶⁷ См.: Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М., 1974, с. 265—304.

⁶⁸ См., в частности, Проблемы кибернетики. М., 1965, вып. 13, с. 233—240.

⁶⁹ См.: Никитина С. Е. Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике. М., 1978, с. 3.

⁷⁰ См.: Исследования по математической лингвистике, математической логике и информационным языкам. М., 1972, с. 148.

⁷¹ Назаретян А. П. Об одном способе информационно-кибернетического анализа психологических проблем общения: тезаурусно-целевой подход. — Вопр. психологии, 1978, № 4, с. 98.

называют «терминосистем», «функциональных языков»⁷² и т. д. Такими подсистемами (языками) становятся язык науки, искусства, идеологии и пр.

Процесс языковой дифференциации аналогичен процессу социальной дифференциации, но не совпадает с ним. Это означает, что, скажем, тезаурус носителя языка определенной профессии или специалиста в определенной области знания значительно выходит за пределы рамок этой профессии (области знания) в сферу других профессий (областей знания), которыми как таковыми данный носитель языка не владеет. Таким образом, носителей одного и того же языка можно разбивать (в аспекте восприятия информации) не только на социально-профессиональные, образовательные и т. п. группы, но и исходя из присущего им типа коммуникативно-познавательной деятельности на условные семиотические⁷³ группы по их тезаурусу и их умению оперировать его элементами в соответствии с мотивами и целями общения. Представляется очевидным, что от умения реализовать в знаковом общении коммуникативно-познавательные мотивы и цели существенным образом зависит успешность любых совместных действий людей.

Семиотическими группами мы будем называть условные группы людей, располагающих относительно общим тезаурусом (в пределах языковой подсистемы заданной сферы социальной коммуникации) и определенным комплексом семиосоциопсихологических умений и навыков (т. е. умением так или иначе им оперировать), совпадающих с определенным уровнем перцептивной готовности (т. е. готовности к адекватной интерпретации коммуникативных намерений, замыслов партнеров по общению). Чем шире база для реализации любой коммуникативной интенции, тем адекватнее смысловое восприятие, а значит, и интерпретация текстов. Тот или иной уровень семиосоциопсихологических умений и навыков, по существу, отражается на адекватности восприятия и интерпретации.

Принадлежность индивида к той или иной семиотической группе определяется рядом признаков (измеримых показателей), характеризующих следующие виды семиосоциопсихологических умений и навыков: 1) владение элементами естественного языка (семиотической системы в целом) или некоторой системы значений этого языка (этой семиотической системы), весьма характерной для той подсистемы (подъязыка), которая избрана исследователем в качестве точки отсчета; 2) владение элементами принимаемого (толкуемого) или создаваемого текста; 3) знание способов оперирования названными выше элементами, понимаемое как а) навыки «внутреннего» оперирования элементами получаемого

---

⁷² Гавранек Б. О функциональном расслоении литературного языка. — В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967, с. 435.

⁷³ Эти группы в равной мере могут быть названы как семиотическими, так и семиосоциопсихологическими. В первом случае акцентируется их социокультурный статус, во втором — социально-психологический (т. е. их деятельностно-поведенческие особенности).

(интерпретируемого) текста (этап ориентировки) и б) умение пользоваться способами «внешнего» оперирования названными элементами при воспроизведении текста (этап исполнения).

Каждый из перечисленных видов семиосоциопсихологических умений характеризуется еще и определенным их уровнем, который может быть оценен в баллах.

Степень адекватности интерпретации текста, свидетельствующая о той или иной мере усвоения адресатом основного коммуникативного намерения его автора, опосредуется типом его семиосоциопсихологической подготовки, а соответственно его принадлежностью к той или иной условной семиотической группе.

Сама семиосоциопсихологическая модель может быть распространена на всех носителей данного языка, так как принадлежность личности к тому или иному семиосоциопсихологическому типу предполагает разное прочтение и интерпретацию любого текста, на нем порождаемого, т. е. в этой модели мы, с одной стороны, фиксируем факт различия языковых материалов в пределах одной языковой общности как нормальное явление, а с другой— выявляем одну из причин существования этого факта.

Вместе с тем конкретные семиотические (семиосоциопсихологические) группы, выделенные с помощью текстовых материалов и словаря избранной для анализа коммуникативной подсистемы, могут рассматриваться как абсолютные только по отношению к текстам той подсистемы, которая была взята в качестве точки отсчета.

Очередная и главная задача — найти конкретный путь к выявлению семиотических групп, а также к смысловому анализу поступающих к ним информационных материалов. Значит, прежде всего требуется ответить на вопрос, каков возможный набор индикаторов, свидетельствующих а) о присутствии (отсутствии) того или иного вида семиосоциопсихологических умений, б) о присутствии (отсутствии) того или иного уровня семиосоциопсихологических умений, а соответственно и перцептивной готовности. Исходя из ответа на этот вопрос, можно подобрать (т. е. разработать новые или трансформировать уже имеющиеся) адекватные тестовые процедуры для выявления и оценки названных умений и навыков.

Исходя из перечня подлежащих выявлению и измерению показателей наличия (отсутствия) того или иного вида и уровня семиосоциопсихологических умений, для оценки первого вида таких умений следует прежде всего выявить меру приобщенности реципиента к системе значений общенародного языка, которые одновременно являются весьма характерными для подъязыка той сферы социальной коммуникации, которая взята в качестве точки отсчета. Чем большим числом смысловых альтернатив располагает реципиент, толкующий словарь, изолированный от контекста, тем шире его выбор в процессе внутреннего

(при восприятии) и внешней (при воспроизведении) оперирования этим словом, тем глубже ощущение внутренней связи слова с обозначаемым, тем осознаннее мотивация, лежащая в основе использования того или иного слова.

Выявление того, сколь широк в самом деле этот выбор для испытуемого, в какой мере знаком он со всем полем устойчивых лексико-семантических вариантов слова (а он может быть знаком лишь с употреблением слова (по сходству признаков) в одной из языковых подсистем) и насколько свободно он ими оперирует в отрыве от контекста, позволяет сделать первые выводы о степени владения личностью элементами изучаемого тезауруса, о некоторых ее семиосоциопсихологических умениях. Такое рассуждение приводит к выводу о необходимости предусмотреть в соответствующем эксперименте методику (тестовую процедуру с надежной шкалой оценок), выявляющую меру общего знакомства реципиента с отобранным по частотному принципу словарем исследуемого подъязыка. Условно этот показатель мы обозначим через X .

Вместе с тем этого далеко не достаточно для более широких выводов об уровне семиосоциопсихологических умений и навыков и тем более об уровне перцептивной готовности носителя того или иного языка. Приобщенность к некоторой сфере значений еще не означает умения *оперировать* с ними в тексте, где, подчиняясь целям коммуникативно-познавательной деятельности, изолированные элементы языка вступают в бесконечное число разнообразных и неожиданных связей, обретая при этом новое качество. Это аналогично ситуации при переводе, когда переводчик, зная все слова иностранного текста, не может понять их взаимосвязей, обусловленных авторским замыслом. Иными словами, понимая каждый элемент текста в отдельности, информант может неверно интерпретировать текст в целом, в единстве коммуникативного намерения и смыслового содержания.

Соответственно необходимым этапом эксперимента должна стать интерпретация некоторого эталонного текста, отобранного на материале любого из подъязыков исследуемой сферы социальной коммуникации, оптимального с точки зрения расстановки в нем смысловых акцентов, способствующих адекватной интерпретации замысла сообщения, основного коммуникативного намерения его автора. Этот показатель (умение интерпретировать текст адекватно замыслу коммуникатора, совпадающее с уровнем перцептивной готовности) мы условно обозначим через Z .

Одновременно с этим следует выявить знание информантом лексикона интерпретируемого текста или, точнее, лексикона той языковой подсистемы, на базе которой порожден данный текст. Можно представить себе существование достаточно тесной связи между знанием общего словаря избранной для исследования сферы социальной

коммуникации в целом и знанием языка некоторой из его функциональных подсистем, тем не менее ограничиваться таким предположением далеко не Достаточно. Соответственно необходимо предусмотреть перечень ключевых слов интерпретируемого испытуемым текста, которым он должен дать пояснения. Этот показатель (владение ключевыми элементами интерпретируемого текста) обозначим через *У*. Полученные оценки рассматриваются затем как показатели степени наличия-отсутствия того или иного признака, позволяя отнести индивида к той или иной семиотической (семиосоциопсихологической) группе. В принятых выше условных обозначениях тот или иной уровень семиосоциопсихологической подготовки характеризуется сочетанием и мерой наличия признаков *X*, *У* и *Z*-, где умение адекватно интерпретировать текст (высший балл за интерпретацию) рассматривается как наиболее существенное семиосоциопсихологическое умение, соответствующее наиболее высокому уровню перцептивной готовности.

Семиосоциопсихологический подход к описанию процесса знакового общения требует учета не только содержательных, но и экспрессивных характеристик языкового сознания, поскольку естественные нарушения общезначимости знаков обусловлены, как отмечалось выше, множеством причин и имеют свою иерархию. Вместе с тем описать такие различия в трактовках значений можно не только в содержательном плане, но и через те компоненты прагматического значения, которые могут считаться ему присущими в качестве существенных различительных признаков. Одним из таких признаков, несомненно, является наличие в его структуре оценочной или эмоционально-экспрессивной компоненты, которая может быть, в частности, замерена методом семантического дифференциала⁷⁴.

Метод семантического дифференциала (сокращенно СД), предложенный Ч. Осгудом в 1952 г., был задуман как способ количественного и качественного измерения значений слов с помощью двухполюсных шкал, задаваемых парой антонимичных прилагательных (веселый — грустный, хороший — плохой, полный — пустой, светлый — темный и пр.). При этом на каждой шкале предусмотрены семь делений, отражающих степень интенсивности данного качества. Карточка, содержащая слово, значение которого подлежит измерению, а также набор шкал, предъявляются испытуемому. Последний должен «обозначить свои ощущения» относительно значения этого слова, перечеркивая на шкале соответствующие деления. В связи с этим стоит отметить, что пометки испытуемого оказываются весьма относительно связанными со значением слова в том смысле, в каком его принято толковать в семантике. Слово как бы погружается испытуемым в некий глубинный контекст; на глазах экспериментатора происходят осмысление и оценка стоящего за ним представления в воображении информанта.

---

⁷⁴ Osgood Ch. Suci J.-J. Tannenbaum P. H. *The measuarment of meaning*. Urbana, 1957.

Сначала считалось, что каждое слово может быть пропущено через неограниченное количество шкал, но в результате экспериментов выяснилось, что между различными шкалами имеется значительная степень соответствия, позволяющая объединить многие из них в один фактор, или семантическое измерение. Было выделено некоторое число независимых групп эквивалентных шкал, соответственно объединенных по факторам: «оценка», «сила», «активность», «рецептивность» (физическое восприятие), «упругость», «новизна», «стабильность».

Ч. Осгуд и его сотрудники первоначально выделили до 76 шкал, многие из которых по существу дублировали друг друга. В дальнейшем как число шкал, так и соответственно число факторов, к которым они естественным образом сводились, были минимизированы.

На материале русского языка подобную работу впервые проделала А. П. Клименко⁷⁵ с учетом, в частности, данных о частотности русских антонимичных прилагательных и данных предварительных экспериментов с несколько большим числом шкал.

В результате А. П. Клименко были отобраны 12 шкал, сгруппированных по трем факторам («оценка», «сила», «активность»), которые образовали так называемое семантическое пространство (СП), позволяющее зримо наблюдать размещение значений по отношению друг к другу, а также вычислять расстояние между ними. Размещение значений в СП можно также выразить посредством трех числовых показателей — среднеарифметических весов, полученных каждым словом на совокупности шкал (в данном случае четырех) внутри одного из трех перечисленных выше факторов. Названные пофакторные среднеарифметические как раз и могут представить интерес для лингвосоциопсихологического исследования различий в процессе общения, так как в некотором роде «фотографируют» интересующий нас диапазон различий эмоционально-установочного характера (т. е. связанный с различной эмоциональной окрашенностью названных значений в личностном языковом сознании). Иными словами, указанные различия связаны с глубинным коннотативным контекстом (контекстом признаков, сопутствующих значению смысловых единиц), сложившимся в коммуникативном опыте испытуемого, порой вне зависимости от меры адекватности содержательной интерпретации того или иного слова. Эмоциональное впечатление от слова оказывается, таким образом, весьма существенным фактором смыслового восприятия и тогда, когда реципиент не очень сведущ относительно содержания выражаемого им значения. В этой связи особый интерес приобретают итоги экспериментов по восприятию звуковых комплексов, описанные Узнадзе⁷⁶.

---

⁷⁵ См.: Клименко А. П. Вопросы психолингвистического исследования семантики. Минск, 1970.

⁷⁶ См.: Узнадзе Д. Н. Психологические исследования, с. 5-26.

Отличие осознанно немотивированного речевого поведения от мотивированной и целесообразной текстовой деятельности особенно ярко проявляется в степени стереотипизации языкового сознания, а соответственно и речевого мышления. Стереотипная реакция на речевые стимулы — это прежде всего реакция неосознанная, превратившаяся в навык, в стандарт восприятия и поведения. Порой имеющие место спонтанные групповые реакции на речевые стимулы, по-видимому, как раз и иллюстрируют поведенческие ситуации с неосознанными мотивами. В этих случаях можно предполагать ситуативно обусловленное торможение в мотивационном поле сознания.

Если мы на время абстрагируемся от плана (формы) выражения и представим себе, что программа поведения задается интерпретатору на семантическом уровне (при наличии соответствующих средств именно на этом уровне следует вычислять то абсолютное количество информации, которое содержится в тексте) и главным образом в связях одних элементарных семантических единиц с другими, то это будет означать, что на семантическом уровне задаются не только сами элементарные семантические единицы, но и их ассоциативные связи, которые, находя свое выражение в языке, нередко остаются жить в нем в виде устойчивых словосочетаний.

Закрепленность лексических единиц в этих словосочетаниях, сдвиг значения их элементов в направлении к их ядру превращают их в один знак, эквивалентный по своему значению слову. Это относится не только к идиомам и фразеологизмам, но, по всей видимости, и к тем клишированным языковым формулам, которые принято называть штампами.

Готовые языковые формулы способствуют общепонятности текстов. Общезначимость информации требует некоторой стандартизации ее формы. Вместе с тем в ряде случаев мы становимся свидетелями дисфункционального (нулевой информативности для реципиента) языкового однообразия, в частности языковых клише, а соответствующих им текстов.

Лингвистов уже давно занимает этот вопрос, но основной причиной и критерием дисфункциональности языкового клише (или штампов), как правило, считают чрезмерную частотность их употребления. Об этом весьма образно пишет Г. О. Винокур⁷⁷. В. Г. Костомаров указывает, что «чрезмерно частое повторение одного и того же слова или выражения выхолащивает его смысл, превращая его в пустой звук»⁷⁸. Д. Э. Розенталь отмечает, что по мере распространения и увеличения частотности употребления некоторые обороты как бы ветшают, лишаются четкого номинативного значения и экспрессивности. «Подобные выражения,

---

⁷⁷ См.: Винокур Г. О. Культура языка. М., 1929, с. 25.

⁷⁸ Костомаров В. Г. Культура речи и стиль. М., 1970, с. 54.

— пишет он, — не вызывают в сознании нужных ассоциаций, теряют вкладываемый в них оценочный оттенок значения, превращаются в стертые пятаки»⁷⁹.

Со всем этим, естественно, нельзя не согласиться, Тем не менее по-прежнему остается открытым ряд вопросов, который ждет своего разрешения.

1. Что именно имеется в виду под термином «штамп»: любая готовая речевая формула, характеризующаяся определенной частотой повторения, или такая готовая речевая формула, которая при (или в результате) высокой частоте (ы) встречаемости несет нулевую информацию реципиенту?

2. Если склониться к последнему, то, каким образом обнаружить именно те языковые клише, которые несут реципиенту нулевую информацию, или, иными словами, на каком основании исследователь может утверждать, что то или иное языковое клише — штамп?

3. Наконец, какова же природа речевых штампов?

Вследствие предположения, что по самой своей природе речевой штамп — это клише, основанное на распавшейся в сознании индивида семантической ассоциации и потому по существу лишенное соотнесенности с обозначаемым; предлагается ввести следующее различие в понятиях «языковое клише» и «речевой штамп».

Языковое клише — это всякая готовая речевая формула, критерием для выделения которой служит регулярность ее появления в определенных повторяющихся речевых ситуациях. Наличие таких языковых формул нормально, необходимо и позволяет поставлять относительно общезначимую и общепонятную информацию.

Речевым штампом становится языковое клише, которое по той или иной причине потеряло для интерпретатора свою первичную или текстовую информационную нагрузку, стало бессмысленным, незначимым для получателя информации, иными словами, стало дисфункциональным. Такое клише мы называем «штампом сознания». Клише может нести и вторичную информацию, а именно: быть знаком той или иной ситуации, скажем: «изменений нет, все по-прежнему» и т. д. Нас в данном случае это интересовать не будет.

Учитывая факт опосредования получаемого текста типом языкового сознания его получателя, можно предположить, что некоторое языковое клише — штамп сознания и дисфункционально для одних информантов и вместе с тем не штамп и функционально — для других. Значение социально-психологической интерпретации подобного предположения очевидно, так как сам факт дисфункциональности тех или иных языковых клише оказывается функцией типа организации языкового сознания реципиентов, уровня их семиотической (семиосоциопсихологической) подготовки. При этом, выделив штампы сознания с привлечением информантов, мы одновременно можем объединить последних в со-

---

⁷⁹ Роэнталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1965, с. 55.

ответствующие условные группы по степени осознания некоторого набора языковых клише, отобранных из данной языковой подсистемы на основе частоты их встречаемости, проанализировав затем распределение этих условных групп как внутри социально-демографических, так и внутри условных семиотических групп. В зависимости от способа восприятия тех или иных языковых клише (устойчивых словосочетаний с высокой частотой употребления в исследуемом подязыке) испытуемые могут быть объединены по меньшей мере в три группы, а именно:

1) в группу информантов, для которых большая часть предложенных словосочетаний *не штампы*;

2) в группу информантов, для которых большая часть предложенных словосочетаний — осознанные, а значит, *преодоленные штампы*;

3) в группу информантов, для которых большая часть предложенных словосочетаний — вполне *выраженные штампы сознания* (клише с нулевым значением). Объединив людей в такие условные группы, мы в конечном итоге сможем вычислить удельный вес таких штампов, приходящийся на общее число весьма употребительных для того или иного источника словосочетаний.

Информативность текста оказывается в прямой зависимости от отношения личности к готовым языковым формулам, т. е. от того, к какой группе осознания таких формул она относится. Таким образом: а) прием клишированной языковой информации опосредуется не только семиотической группой и «разноокрашенностью» значений в сознании личности, но и мерой осознания ею стереотипов, фиксируемых посредством готовых языковых формул; б) наличие в тексте часто встречающихся языковых клише (готовых языковых формул) не снижает его информативности. Последнее происходит лишь в случае, если названные клише внедрены в языковое сознание личности. Соответственно критерием для выделения речевого штампа должна служить не частота появления того или иного клише в текстах, а «заштампованность» (нулевая мотивация значения) языковой формулы, отложившейся в языковом сознании личности.

Исходя из сказанного выше, при подготовке соответствующего эксперимента необходимо как минимум решить две задачи: 1) избрать основание для отбора клишированных словосочетаний, которые будут предъявлены информантам; 2) избрать методику, которая позволит наиболее адекватным способом проверить клише на штампованность в их языковом сознании.

Для проверки предварительно отобранных словосочетаний на штампованность в сознании испытуемых может быть, в частности, использован метод направленных ассоциаций.

Ассоциативный эксперимент пользуется весьма широкой известностью в психолингвистике, а также в общей и социальной психологии. Он заключается в том, что испытуемому дается слово-стимул и предлагается «ответить» (реagirовать) на это слово другими словами (словосочетаниями). Иногда испытуемого просят сделать это, не раздумывая, иногда дают время, предлагая записать рядом со словом-стимулом или назвать устно все слова-реакции, какие «пришли ему в голову» в течение отпущенного времени. Результаты применения этой методики позволяют составить представление о наиболее тесных, глубинных семантических (парадигматических) связях слов, существующих в сознании носителей того или иного языка, той или иной культуры; о месте того или иного слова в «семантическом поле». Одновременно они позволяют сделать выводы о характерном и запоминающемся окружении этих слов в языке и речи, т. е. в ходе употребления (выявить синтагматические связи).

К настоящему времени на материале русского языка проведено уже немало ассоциативных экспериментов, нашедших, в частности, отражение в «Словаре ассоциативных норм русского языка»⁸⁰. Названный словарь снабжен обширным вступительным разделом, содержит сведения библиографического характера, а также данные ассоциативных экспериментов, проведенных в СССР. Там же, заинтересованный читатель сможет ознакомиться с историей метода. В данной работе мы ограничимся лишь некоторыми пояснениями.

Существует ряд разновидностей ассоциативного эксперимента. В частности, он может быть свободным и контролируемым. Внутри этих видов имеются разновидности. Так, внутри свободного ассоциативного эксперимента возможна регистрация или только первичного ответа или цепи ответов (т. е. всех слов, которые успеет назвать или записать испытуемый в определенное время). В рамках контролируемого эксперимента свобода ассоциации ограничивается в нужном экспериментатору направлении. Этим обеспечивается определенная направленность ассоциаций. Так, в ходе контролируемого ассоциативного эксперимента возможны разные дополнительные задания испытуемому, например: назвать слова, противоположные по значению (контрастное ассоциирование); назвать сходные по значению слова (синонимы); дать определения, связанные со словом-стимулом и пр.

Кроме того, различают так называемые синтагматические (типа волк — серый) и парадигматические (типа лес - поляна) ассоциации. Выяснилось, что определенные грамматические классы слов-стимулов вызывают с достаточно высокой вероятностью реакцию одного из этих двух типов. Например, существительные вызывают по преимуществу парадигматическую реакцию, а переходные глаголы — синтагматическую. Выявилась также зависимость ассоциаций не только от лингвистических, но и от экстралингвистических

---

⁸⁰ См.: Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А. А. Леонтьева. М., 1977.

факторов, таких, как пол, возраст, образование, профессия, индивидуальный опыт, особенности личности испытуемого и пр. Оказалось, например, что с возрастом соотношение ассоциаций изменяется в пользу парадигматических. Вместе с тем в рамках отдельных групп, а также целых языковых общностей возникают и сравнительно типичные ассоциации.

Подводя итоги большому числу проведенных экспериментов, А. А. Леонтьев отмечает, что ассоциации чаще всего даются испытуемыми, исходя из трех различных оснований: семантического родства слов (вернее, того, как это родство ощущается испытуемыми), а также из закономерности совместной встречаемости слов в языке и речи. При этом разработано уже около десяти методик определения семантической близости слов-стимулов и слов-реакций⁸¹.

Ассоциативные эксперименты служат богатым источником не только лингвистической и психологической, но и социально-психологической и социологической информации. На основе данных о семантических полях ассоциирования, полученных с их помощью, можно составить представление об ассоциативных профилях, характерных для той или иной культуры⁸², а также о характерных стереотипах мышления, сложившихся в коммуникативном опыте той или иной группы, общности и пр. В лингвопсихосоциологических исследованиях описываемая методика открывает возможность, с одной стороны, для выявления условных групп, различающихся по степени осознания готовых языковых формул, а с другой — для оценки информативности весьма часто встречающихся в текстах устойчивых словосочетаний.

Обратиться к ассоциативной методике побуждает также следующее предположение, касающееся природы речевых штампов. Предположим, что семантическая структура высказывания детерминирована определенными ассоциативными связями между событием-стимулом и событием-реакцией, существовавшими в представлении (и выраженными в языке) говорящего в момент порождения высказывания! Тогда возникновение того или иного словосочетания обусловлено тем, что существование связи между его элементами подкреплено для коммуникатора их соответствием связям денотативным (т. е. объективно существующим) или десигнативным (т. е. мыслимым). В связи с этим чрезвычайно интересно высказывание В. С. Дудченко, который среди прочих признаков речевых штампов выделил «их отрыв от предметной области», связанный с тем, что «в большинстве слов, рождающих штампы, реализуется их переносное значение»⁸³.

---

⁸¹ См.: Там же, с. 8—10.

⁸² См.: Там же, с. 46—52.

⁸³ Дудченко В. С. Речевой штамп и дисфункция газетного языка в акте коммуникации. — В кн.: Научная конференция молодых экономистов и социологов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1968, вып. 8, с. 196.

В идеале эта связь точно так же подкреплена (денотативно или десигнативно) и для интерпретатора, т. е. для получателя высказывания, однако информативна она лишь в случае ее новизны.

Частые повторы неподкрепляемой связи ведут к ее ослаблению и угасанию. Ч. Осгуд назвал это явление затуханием (extinction) и сформулировал следующий принцип подкрепления ассоциации: «Интенсивность нарастания (укрепления) ассоциации между событием-стимулом и событием-реакцией меняется обратно пропорционально временному интервалу между моментом ассоциаций! и стадией подкрепления и прямо пропорционально силе (величине) подкрепления»⁸⁴.

За угасанием может последовать (а может и не последовать) торможение (inhibition) или полное подавление ассоциации, когда, в итоге ее отрицательного подкрепления исчезнет всякая вероятность ее спонтанного восстановления (spontaneous recovery) даже в относительно благоприятных условиях. Таким образом, происходит «испарение» неподкрепленной ассоциативной связи, но уже есть, живет и употребляется ее языковое выражение ставшее чисто языковой ассоциативной связью. Оно привычно, известны случаи и способы его употребления. Это и есть штамп сознания.

Итак, штампом сознания (речевым штампом) становится языковое клише, в основе которого лежит семантическая ассоциация, распавшаяся в сознании личности из-за ее неподкрепленности в личностном опыте. Языковое клише, ставшее штампом сознания, представляет собой чисто формальную ассоциацию, которая для той или иной конкретной личности как бы лишена семантики, т. е. лишена какой-либо соотнесенности с денотатом или десигнатом.

Но как с помощью метода направленных ассоциаций отличить осознанные или преодоленные стереотипы, выраженные готовыми языковыми формулами, от стереотипов, ставших штампами сознания? Можно ожидать, что, реагируя на опорный стимул готовой языковой формулы, испытуемый без раздумья даст второй ее элемент, затрудняясь с другими вариантами. Наиболее частым вариантом ответа такой испытуемый будет оперировать как единственно возможным, так как в его сознании нет альтернативы. Валентность словосочетания должна быть сведена для него к минимуму, т. е. быть ближе всего к отобранному нами шаблону. Иными словами, в случае штампованности языкового клише в сознании испытуемого последний даст ожидаемую (указанную в шаблоне) ассоциацию, затрудняясь с иным ответом. Если же языковое клише для испытуемого не является штампом, он даст ассоциации, отличные от ожидаемых. В случае осознания и преодоления стереотипа,

---

⁸⁴ Osgood Ch. *behavior theory and the social sciences*. – In.: *Readings in the psychology of language*. Engliwood Cliffs 1967, p. 57.

выраженного готовой языковой формулой, испытуемый даст как ожидаемую ассоциацию, так и без каких-либо затруднений иные варианты.

Оценка полученных ответов позволяет таким образом отнести испытуемых к той или иной группе осознания стереотипа, выраженного готовой языковой формулой. Принадлежность реципиента к той или иной условной группе, выделенной в зависимости от осознания испытуемыми смысловых стереотипов, заключенных в готовые языковые формулы, может быть, в свою очередь, соотнесена с их распределением в группах (включая и условные), выделенных по иным основаниям. Это само по себе уже представляет немалый практический интерес.

Кроме того, статистический анализ частоты появления той или иной ассоциации в качестве первой, второй и т. д. позволяет не только обнаружить языковые клише, превратившиеся в штампы сознания, но и сделать выводы о степени закрепленности лексических единиц в отобранных словосочетаниях на фоне полей валентности, полученных от самих испытуемых. Эти данные — богатый источник для содержательного изучения феноменов общественной психологии.

ПЛАНИРОВАНИЕ И ПРОВЕДЕНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТОВ ПО АПРОБАЦИИ СЕМИСОЦИОПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ОБЩЕНИЯ

---

§ I. Динамическая знаковая модель общения как основание семиосоциопсихологических исследований

Общение как деятельность осуществляется в ходе порождения не слов или языка как системы, а текстов (сообщений), где слова (элементы языка) функционально (т. е. для той или иной цели общения) организованы, сконцентрированы вокруг коммуникативной интенции, образующей названный выше смысловой фокус сообщения, и обладают в этом плане той или иной мерой информативности для интерпретатора. Соответственно синтагматике открытого речевого потока противостоит парадигматика текста как замкнутой семантико-смысловой структуры. Несовпадение смысловых фокусов сообщений, порождаемых и интерпретируемых в ходе коммуникации и рассчитанных на нее, создает вакуум там, где должен был бы возникнуть контакт; разобщение и эффект смысловых ножниц там, где должно было быть общение. Текст несет информативную функцию, но, информируя, он обучает, ориентирует, формирует представления, установки, ценности, программирует стратегию деятельности и поведения. Реализация этих функций текста, т. е. обеспечение его подлинной (первичной) информативности, нуждается в определенных условиях.

Эти условия, связанные, в частности, с особенностями организации смысловой информации, заключенной в текстах, с одной стороны, и с особенностями содержания и «оперантными» возможностями личностного языкового сознания, т. е. с уровнем семиосоциопсихологической подготовки человека, — с другой, по существу до сих пор не подверглись комплексному изучению ни в нашей стране, ни за рубежом. Между тем теоретический и эмпирический багаж, уже накопленный в целом ряде областей научного знания, позволяет вплотную подойти к экспериментальному изучению указанных коммуникативных условий на основе анализа открытой коммуникативной системы, образуемой отношением «текст—интерпретатор», опирающемся на представление о практически непрерывно меняющихся ролях авторов текстов и их интерпретаторах.

Изучая составляющие названного коммуникативного отношения, в конечном итоге можно найти некоторые подходы к построению динамической семиосоциопсихологической

модели знакового общения, которая отразила бы не столько внешнюю, сколько внутреннюю мотивационно-деятельную структуру этого процесса, его смыслопреобразующий механизм. Построение такой модели, по всей видимости, требует поэтапного изучения:

- 1) элементов названной выше исходной коммуникативной системы;
- 2) статике отношения этих элементов друг к другу и их функционирования в исходной коммуникативной системе;
- 3) динамики исходной коммуникативной системы, связанной с изменением в структуре названных элементов и как следствие в указанной выше системе в целом.

В основе такой динамики видится механизм коммуникативно-познавательной деятельности участников коммуникации, актуализируемый в порождении, потреблении (интерпретации) и воспроизведении для других текстуально организованной смысловой информации, скрывающей в себе виртуальные структуры интеллектуально-мыслительной деятельности их авторов и адресатов.

Изучение динамики, в частности, таких коммуникативных систем составляет предмет специального семиосоциопсихологического анализа коммуникативно-познавательной человеческой деятельности, поскольку анализ механизмов преобразования исходных коммуникативных систем рассматриваемого типа невозможен без тщательного изучения процессов порождения и интерпретации любых текстов независимо от того, устные они или письменные, бытовые или специальные, публицистические или художественные и т. д. и т. п. Такой анализ позволит со временем не только исследовать содержательные аспекты искомой динамики, но и установить некоторые ее закономерности, поскольку именно в процессе истолкования тексты (сообщения) выполняют свою знаковую, а значит, преобразовательно-деятельностную функцию.

Возникает возможность смоделировать в одних и тех же единицах структуру личностного языкового сознания, с одной стороны, и текста как «продукта (порождения) этого сознания» — с другой, исходя из отмеченного выше представления о том, что каждый коммуникатор является актуальным и потенциальным интерпретатором как своего собственного, так и множества других сообщений.

В основе эвристического исследования, составляющего этап поиска нового решения задачи, лежит принцип построения такой системы моделей, которая отражала бы структуру связей содержательного (семантического) характера между объектами, образующими поле задачи¹. Строя такую систему моделей, исследователь, как отмечает Д. А. Поспелов, осуществляет следующие действия: а) выделяет «в потоке входной информации дискретные объекты (осуществляет селективный отбор объектов)»; б) выявляет «связи между ними

---

¹ См.: *Поспелов Д.* Эвристика. — В кн.: *Филос. энцикл.*, 1970, т. 5, с. 533.

(путем прямого наблюдения или проведения рассуждения об этих связях)»; в) актуализирует те выделенные множества объектов и связей, «которые представляют интерес с точки зрения поставленной цели»; г) абстрагируется «от неактуальных объектов и связей»; д) формирует обобщенные элементы «из однотипных (по актуальным связям) структур»; е) находит связи «между обобщенными элементами»² и т. д.

К построению такой эвристической модели исходной коммуникативной системы мы и прибегли в настоящем исследовании, поскольку она дает некоторое общее основание для построения двух обозначенных выше разнопредметных и в то же время теснейшим образом взаимосвязанных типологий: текстов как единиц знакового общения, с одной стороны, и личностей как субъектов знакового общения — с другой. Такая модель позволяет проследить динамику коммуникативных систем анализируемого типа, оставаясь в концептуальных рамках семиосоциопсихологической парадигмы и достаточно четко лимитируя при этом круг избираемых для изучения параметров.

Первая часть предложенного утверждения содержит в себе идею типологической классификации текстовых материалов по интерпретационному, т. е. семиосоциопсихологическому критерию. Разработке этого критерия, позволяющего оценивать как потенциальную, так и экспериментально устанавливаемую меру информативности текстовых материалов с ориентацией на эффективное общение людей (установление смысловых контактов) в ходе социального взаимодействия, и были посвящены три первые, главы настоящей работы.

Вторая часть предложенного утверждения содержит в себе идею возможной дифференциации субъектов смысловой коммуникации на основе уровня их семиосоциопсихологической подготовки. Рассмотрение уровня семносоциопсихологической подготовки индивида как условного группообразующего признака, характеризующего значимый для коммуникативно-познавательной деятельности и поведения тип организации и тренированности личностного языкового сознания, наличие того или иного уровня коммуникативно-познавательной готовности личности, достигнутого в процессе ее формирования, была посвящена четвертая глава книги.

Предложенные утверждения практически совпадают с двумя основными гипотезами исследования, предполагаемые пути экспериментальной проверки которых и были намечены в резюмируемых четырех главах настоящей работы.

---

² Там же.

§ 2. Эксперимент в обосновании семиосоциопсихологической теории общения

«Лучшие из теорий если и не „подтверждены“, то по крайней мере „подкреплены“», — пишет Д. Кэмпбелл³, указывая на то, что единственный процесс, посредством которого может утверждаться научная теория, — это процесс «ограничения правдоподобных конкурентных гипотез»⁴.

Правдоподобные конкурентные гипотезы, как отмечает цитируемый автор, могут возникнуть в связи с наличием других теорий того же объекта и с аппаратом конкретного эксперимента, поскольку гипотезы, проверяемые в его ходе, соответствуют правдоподобным эмпирическим закономерностям, наличие которых собственно и проверяется в ходе исследования. Вместе с тем экспериментальный метод, как известно, не самоцель, а всего лишь средство, инструмент познания. В общей системе методов познания он занимает вполне определенное, подобающее ему место.

«Наука, как и другие процессы познания, связана с выдвижением теорий, гипотез, моделей и т. д. и с принятием или отклонением их на основе некоторых внешних критериев. Экспериментирование принадлежит к этой второй фазе — к фазе прореживания, отклонения, редактирования. ...Задача сбора данных для испытания теории — это преимущественно задача отбрасывания несостоятельных гипотез», — пишет далее цитируемый автор⁵. Теорию можно «опробовать», а не доказать. Адекватной является гипотеза, которая выдержала апробацию. При этом степень ее «подтверждения» тем больше, чем меньше остается правдоподобных конкурентных гипотез⁶.

Учитывая тот факт, что социальная наука, «по определению, имеет дело с реальными человеческими проблемами, с теми процессами, в которые включены реальные люди в реальных обстоятельствах»⁷, здесь с особой остротой стоит проблема качества знания и понимания того ограниченного места, которое занимает в социальных науках количественная ориентация.

В ходе эксперимента исследователь манипулирует переменными и наблюдает за характером их взаимодействий. При этом практически отсутствует возможность проконтролировать все те факторы, которые могут оказать косвенное влияние на исход эксперимента, тем более что в качестве таких факторов могут выступать характеристики, порой даже и не имеющие никакого

---

³ Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. М., 1980, с. 193. ⁴ Там же, с. 197.

⁴ Там же, с. 109. ⁵ Там же, с. 197.

⁵ Там же, с. 109. ⁶ Там же, с. 109.

⁶ Там же, с. 109. ⁷ Там же, с. 111.

⁷ Андреева Г. М. Методологические проблемы экспериментального метода в социальных науках: (Вступит, ст.). — В кн.: Кэмпбелл Д. Указ, соч., с. 11.

отношения к тем теоретическим переменным, которыми мы манипулируем в ходе экспериментов.

Чистота проведенных экспериментов, как и важность последующих научных выводов, требует отделить переменные, связанные с основной теорией, по меньшей мере от некоторых конкурирующих социально значимых переменных. Она требует также учесть те социально значимые переменные, которые войдут в состав апробируемых в эксперименте зависимых переменных в «снятом виде».

В нашем случае конкретного семиосоциопсихологического исследования общения речь идет о целом комплексе социальных и психологических факторов коммуникации. Важнейшими среди них оказываются реальные контексты общения, конкретные ситуации, в которых реализуют текстовую деятельность социальные субъекты. Образ этих контекстов (ситуаций) открыто или скрыто проникает в каждый отдельный текст. Вместе с тем, чтобы проявить скрытое, нередко требуется обратиться к целому «корпусу» текстов, целостность которого обусловлена либо общностью агента (т. е. это тексты, принадлежащие одному автору, или тексты, которые выбрал для чтения один потребитель), либо общностью текстового потока (т. е. источника-носителя этих текстов или сферы социального бытия, с которой они связаны). Иными словами, очевидно, что мотив и цель порождения, как и интерпретации текста, т. е. коммуникативное намерение, нередко сложно (а порой и невозможно) извлечь из текста, изолированного от «корпуса». Учет «корпуса» текстов как метод проникновения в контекст (ситуацию) порождения того или иного текста необходим также и для того, чтобы определить меру органичности присутствия (появления) того или иного текста в данном контексте.

Немаловажно и то обстоятельство, что массовые социально-психологические эксперименты, проводимые с применением опросных процедур (анкетирование, тестирование и др.), даже будучи максимально приближены к естественным условиям, в известной мере всегда остаются лабораторными. Они протекают в искусственных, «идеализированных» ситуациях, что не может не влиять на итоги эксперимента.

Вместе с тем на уровне наблюдения и эмпирических зависимостей экспериментатор оперирует признаками вполне реальных объектов, так называемыми эмпирическими переменными. Последние, хоть и являются абстракциями, однако, далеко не столь отвлеченными, как «идеализации», используемые в языке теоретических моделей. В эмпирических переменных фиксируются признаки предметов, наблюдаемые в опыте.

В нашем случае это означает, что в эмпирическом исследовании текстовой деятельности реальные ситуации потребления сообщений проявляются в итоге «погружения»

созданных в ходе мысленного эксперимента⁸ эвристических конструкций «в живую ткань изучаемой действительности»⁹. Проконтролировать результаты такого «погружения» позволяет и последующий сопоставительный анализ выводов, получаемых на разных экспериментальных комплексах, а также операция по сведению этих результатов. Достоверность результатов несомненно повышается в случае их подтверждения другими исследователями, проводившими аналогичные и иные эксперименты с той же целью, но в другое время и на других выборках.

§ 3. Планирование и проведение апробационных экспериментов на материалах массовой коммуникации

В ходе планирования и подготовки апробационных семиосоцио-психологических экспериментов нам пришлось предпринять следующие шаги: 1) избрать сферу социальной коммуникации, рамками которой можно ограничить поле поисковых экспериментов; 2) разработать программу семиосоциопсихологических исследований на материале названного эмпирического поля, в которой надо определить: 2.1) конкретные задачи поисковых исследований применительно как к апробации теории, так и к специфике исследуемой сферы социальной коммуникации; 2.2) подлежащие проверке частные гипотезы, значимые применительно к специфике исследуемой сферы, ее месту в общей системе социальной коммуникации и социального взаимодействия, а также к характеру собираемой эмпирической информации; 2.3) апробировать возможный набор измеримых показателей, позволяющих оценивать как уровень наличия, так и факты отсутствия тех или иных видов семиосоциопсихологических умений. На этой стадии требовалось также разработать методики сбора полевой информации и 2.4) соответствующие инструкции к ним, касающиеся как способов сбора, так и обработки данных в целях обеспечения достоверности искомых результатов, а также 2.5) методику осуществления репрезентативной для целей исследования выборки респондентов среди населения, с одной стороны, и достаточно типичных для обследуемой сферы социальной коммуникации текстовых материалов — с другой. Выборка респондентов среди населения должна была определить число участников эксперимента и их контингент, т. е. способ их подбора, который позволил бы обеспечить представительность информации по отношению к целям исследования, а выборка экспериментальных текстовых материалов требовала учета частоты встречаемости подобных материалов в обследуемой сфере социальной коммуникации. Наконец, 3) следовало обосновать надежность методов

---

⁸ См.: *Сивоконь П. Е.* Методологические проблемы естественнонаучного эксперимента. М., 1968; *Чернов А. П.* Мысленный эксперимент. М., 1979.

⁹ Массовая информация в советском промышленном городе. М., 1980, с. 7.

сбора информации, для чего, в частности, провести пробное исследование (пилотаж), позволяющее усовершенствовать названные методы, и после этого 4) реализовать на базе представительной для целей такого исследования выборки респондентов три намеченные серии комплексных экспериментов по апробации основных теоретических положений и гипотез, выдвинутых в рамках семиосоциопсихологии (лингвосоциопсихо-логии).

Ниже мы коротко рассмотрим перечисленные этапы планирования и проведения поисковых апробационных экспериментов, дав обоснование предпринятых исследовательских шагов.

Выбор сферы социальной коммуникации для проведения поисковых экспериментов. Говоря о выборе сферы социальной коммуникации в рамках данного исследования, обоснуем теперь более четко принятое нами ограничение экспериментального полигона для апробационных экспериментов сферой массовой коммуникации. Такой ограничение представляется автору возможным по ряду причин.

1. Открытая коммуникативная система «текст—интерпретатор», являющаяся по определению объектом семиосоциопсихологических исследований, может, по-видимому, рассматриваться как и достаточной мере общая (универсальная) для всех сфер социальной коммуникации. Это значит, что данные, полученные на основе изучения содержательных процессов, связанных с актуализацией названного отношения в одной сфере социальной коммуникации, скорее всего будут релевантны и для других ее сфер, хотя, естественно, каждая сфера знакового общения, являясь детищем соответствующей сферы социальной практики, вносит свою специфику в характер такой актуализации.

2. Один из известных эвристических приемов апробации любой теории состоит «в возможности переноса отношений, связывающих части одной ситуации, на ситуацию, более легко управляемую»¹⁰. Названная процедура (метод аналогии), как известно, дает, в частности, тот выигрыш, что характерными для упрощенной аналогии соотношениями значительно легче оперировать, т. е. удастся избежать ограничений, затрудняющих оценку ситуации более абстрактной. К тому же у исследователя возникает возможность пересмотра весьма сложных ситуаций в свете операций, производимых на ее аналоге. В этой связи особенно существенно то обстоятельство, что в сфере массовой коммуникации благодаря значительному числу проведенных исследований (см., в частности, работы А. Н. Алексеева, А. А. Брудного, П. Вихалемма, А. А. Волкова, Б. А. Грушина, Я.Н. Засурского, М. И. Лаурнстии, А. А. Ле-онтьева, Е. А. Ножина, И. Г. Петрова, Е. П. Прохорова, Д. Э. Розенталя, С. К. Рощина, Л. Р. Свитиш, Ю. А. Сорокина, А. А. Степанова, Е. Ф. Тарасова, Б. М. Фирсова, И. Д. Фомичевой, Ю. А. Шерковина и ряда других исследователей) сейчас уже весьма наглядно прослеживаются все этапы прохождения

---

¹⁰ Боно Э. Рождение новой идеи: О нешаблонном мышлении. М., 1976, с. 75.

информации от источника к потребителю и те социальные и социально-психологические условия, в которых этот процесс реализуется. В этой сфере исследователями теперь уже весьма четко очерчены многие причинно-следственные отношения. Иными словами, сфера массовой коммуникации может быть в этом смысле рассмотрена в качестве предельной. Манипулируя с соотношениями, присущими возникающим в ее рамках ситуациям, можно просмотреть под их углом зрения ситуации, возникающие в иных сферах социальной коммуникации.

3. Массовая коммуникация, являясь важнейшей подсистемой социалистической системы социального управления, реализует целый ряд важнейших функций социального управления, связанных не только с информированием, но и с воздействием на сознание людей, приданием «этому сознанию желательных свойств и качеств», приближением его «к идеалу, соответствующему политическим, культурным и идеологическим нормам и ценностям социалистического общества»¹¹. Входя в политическую структуру советского общества, массовая коммуникация является одним из социальных институтов, не просто участвующих в принятии управленческих решений, но и активно влияющих на этот процесс. Соответственно в массовую коммуникацию, как и в другие сферы социальной коммуникации, вовлечены конкретные личности, которые, с одной стороны, выступают как представители социальных институтов, т. е. должностные лица, а с другой — реализуют в этом виде коммуникативно-познавательной деятельности свой внутренний мир, свои мотивы и цели, волю, знания и эмоции, способности и умения. Иными словами, представляется, что ярко выраженная институциональная и одновременно личностная природа и ориентация текстовой деятельности в условиях массовой коммуникации составляют первооснову ее социально-психологической сути. Эти свойства в той или иной мере присущи всем видам социальной коммуникации. Однако в системе социального управления в целом и в массовой коммуникации в частности они выражены предельно четко.

4. Именно для сферы социального управления в целом и для массовой коммуникации в частности наиболее актуален вопрос о разнообразных способах совершенствования механизма социального взаимодействия. Следовательно, вопрос об адекватной целям взаимодействия коммуникативно-познавательной деятельности мог бы стоять здесь острее, нежели в любой другой сфере социальной коммуникации. Более того, именно здесь представляется целесообразным поиск точек отсчета для разработки критериев эффективности социальной коммуникации исходя не только из осознания общих ее целей в системе целей социального управления, но и весьма четкого представления об эффективности конкретных актов обмена текстуально организованной смысловой информацией, об информационном

---

¹¹ Массовая информация в советском промышленном городе, с. 86.

воздействию через общение, понимаемом как смысловой контакт. В конечном итоге это вопрос о разработке систем показателей для оценки эффективности «партнерства» в системах, предполагающих дву- и многосторонние коммуникативные связи.

5. Наконец, еще одно немаловажное для семиосоциопсихологического (лингвососоциопсихологического) исследования обстоятельство. Общелитературный язык в целом, как почти каждая из его специализированных подсистем, постоянно реализуется в языке массовой коммуникации. Последний соответственно оперирует структурами, в основе которых лежит естественный язык. Поэтому текст и лексикон, отобранные на материале языка исследуемой подсферы массовой коммуникации (скажем, языка газеты), по частотному принципу могут быть приняты за условную точку отсчета при моделировании типа семиосоциопсихологической подготовки относительно коммуникации как таковой. Это означает, что конкретные условные семиотические группы, выделенные экспериментально с помощью словаря и текстовых материалов избранного для анализа средства массовой коммуникации, могут рассматриваться как абсолютные лишь по отношению к языку именно этого средства социального общения. Вместе с тем сама семиосоциопсихологическая модель общения может быть распространена на всех носителей любого языка, действующих и взаимодействующих с другими носителями того же языка в любой сфере социальной практики, поскольку принадлежность индивида к тому или иному семиосоциопсихологическому типу предполагает соответствующий этому типу способ смысловой организации и интерпретации сообщений, порождаемых с использованием средств того или иного конкретного языка.

Программа семиосоциопсихологического исследования массовой коммуникации.

Выступая «полноправным, даже ключевым компонентом политической организации общества»¹², массовая коммуникация осуществляется с помощью таких средств, как печать, радио, телевидение, разнообразные формы устной и письменной пропаганды. Центральное место в числе этих средств принадлежит печати, тиражи которой неизменно растут, соотносясь с потребностями практики социального управления. Расширяющиеся возможности прессы в качестве инструмента идейно-политической борьбы и социального управления, формирования общественного мнения и коммунистического воспитания предъявляют все более высокие профессиональные требования журналисту. Образовательный уровень, а соответственно и компетентность аудитории растут. Растут и ее требования к средствам массовой коммуникации как важнейшему социально-политическому институту. Журналист уже не может писать очерки статьи, комментировать факты и события безотносительно к

---

¹² *Самойлов Л. Н.* Средства массовой информации и пропаганды (СМИП) в социалистическом и капиталистическом государстве. — В кн.: *Партия и государство в период строительства коммунизма.* М., 1973, с. 328.

запросам адресата. Осознавая свою роль в сложном механизме социального управления, он должен научиться видеть, чувствовать и понимать многоликую аудиторию, не отставать от нее и не слишком опережать, учитывать ее уровень и не терять с ней контакта. Он должен уметь в случае утери последнего дать анализ причинам этого явления, чтобы по возможности их устранить. Иными словами, современному журналисту нужны научные знания о коммуникативно-познавательном поведении человека, берущего в руки печатное издание. Ему необходимо пользоваться научными приемами и методами для решения актуальных задач журналистской практики.

Актуальность задач совершенствования массовой информационной деятельности в современных условиях обусловила включение целой серии соответствующих экспериментов, призванных выявить особенности коммуникативно-познавательного поведения аудитории прессы, в проект «Общественное мнение», который был реализован преимущественно на базе Института социологических исследований АН СССР в 1967—1974 гг. под руководством доктора философских наук, профессора Б. А. Грушина¹³. Это позволило, с одной стороны, весьма детально изучить как механизм процесса информирования массовой аудитории, так и целый ряд малоизученных до этого условий, связанных с реализацией информационной функции средствами массовой коммуникации. С другой стороны, это обеспечило качество исследований (проект был тщательно организован) и практическую осуществимость весьма глубоких экспериментов, рамки которых таким образом на первых порах были ограничены отношением «пресса—читатель», складывающимся в ходе лишь одного из видов опосредованного текстами общения средств массовой коммуникации с аудиторией.

Программой апробационных экспериментов, проведенных на материалах массовой коммуникации, было предусмотрено решение ряда общих задач, а именно: 1) изучение способов оперирования смысловой информацией при смысловом восприятии и интерпретации газетных текстов и их роли в процессе информирования; 2) объяснение некоторых социально-психологических механизмов проникновения смысловой информации в личностное, а через него и в массовое сознание; 3) проверка гипотезы о перцептивно-познавательной готовности и уровне семиосоцио-психологических умений и навыков как значимых факторах коммуникативно-познавательного поведения; 4) выявление и описание естественных, эмпирически обоснованных типологий субъектов общения на основании: а) характера их читательских интересов, б) уровня их семиосоциопсихологической подготовки, включающего в себя тот или иной уровень перцептивно-познавательной готовности, в) способности к преодолению речевых стереотипов, 5) анализ особенностей коммуникативно-

---

¹³ См. обобщенные результаты, полученные в рамках названного проекта. См.: Массовая информация в советском промышленном городе.

познавательного поведения представителей разных семиотических групп в ситуации чтения газетных материалов; б) выявление связей между исследуемыми характеристиками коммуникативно-познавательного поведения, выражающими уровень семиосоциопсихологической подготовки, и фактами принадлежности индивидов к социально-профессиональным, социально-демографическим или образовательным группам; 7) выявление некоторых социально-психологических закономерностей, связанных с реализацией текстовой деятельности в системе массовой коммуникации, обусловленных особенностями «информационно-потребительской деятельности» {по терминологии Б. А. Грушина) реципиентов.

В исследованиях использовались три экспериментальных комплекса процедур сообразно задачам, решение которых намечалось осуществить с их помощью.

Первый экспериментальный комплекс составили две вводные процедуры, имевшие целью выявить конкретные аспекты социальной реальности, одни из которых, поддаваясь учету в качестве независимых переменных, подвергались специальному анализу в связи с исследуемым явлением, а другие были учтены в качестве входящих в «снятом», виде в состав зависимых теоретических переменных как «проявляющиеся» через них в коммуникативно-познавательном поведении людей. На основе этих процедур были собраны объективные данные о совокупности социально-демографических характеристик респондентов; об отношении респондентов к прессе и о способах чтения ими газет; о круге их информационно-потребительских интересов и т. д.

В этот комплекс входили **анкетный опрос** и процедура с условным наименованием **«Номиналии»**.

Анкета¹⁴ (опрос аудитории прессы) состояла из двух частей. Первую часть составляла расширенная «объективна», позволявшая собрать сведения как о совокупности социально-демографических признаков испытуемых, так и о целом ряде дополнительных данных, связанных с характером и степенью их «образованности». Вторая часть анкеты имела целью выявить: а) отношение к самому процессу чтения газеты, а также наиболее распространенные способы чтения газетных материалов, которые следует учитывать при их составлении; б) степень удовлетворенности формой изложения материалов в газетах; в) отбор материалов для чтения (имелись в виду как наименования изданий, так и темы, проблемы, разделы).

Процедура **«Номиналии»** явилась как бы продолжением анкеты и была предназначена для сбора дополнительных сведений об информационно-потребительских интересах и степени приобщенности обследуемой читательской аудитории к различным

---

¹⁴ См.: Дридзе Т. М. Организация и методы лингвопсихосоциологического исследования массовой коммуникации. М., 1979, с. 32—46.

сферам культуры. В бланке этого теста (см. ниже) приводились имена писателей, художников, композиторов, ученых, политических деятелей и спортсменов, перечисленных в алфавитном (т. е. для данной задачи — случайном) порядке. Приведем фрагмент этого бланка:

Фрагмент бланка теста «Номиналии». Отметьте, пожалуйста, среди перечисленных здесь фамилий знакомые Вам имена писателей, композиторов, художников, ученых, политических деятелей и спортсменов.

Делайте это так: в клеточке слева против каждой знакомой Вам фамилии помечайте:

буквой П — писателей и поэтов;

буквой К — композиторов;

буквой Х — художников;

буквой У — ученых;

буквами ПД — политических деятелей и

буквой С — спортсменов.

Если фамилия Вам не знакома, ставьте прочерк (—).

1. Айвазовский И. К.	11. Верди Дж.
2. Иоланда Балаш	12. Вернадский В. И.
3. Белый А.	13. Винер Н.
4. Бетховен Л.	14. Индира Ганди
5. Бёльль Г.	15. Глинка М. И.
6. Ральф Бостон	16. Гойя Ф.
7. Ботвинник М. М.	17. Де Голль Ш.
8. Брукнер А.	18. Горький А. М.
9. Брумель В.	19. Грибоедов А. С.
10. Вавилов С. И.	20. Григ Э.

Всего карточки этого теста содержали 96 имен. В список вошли имена деятелей, отечественных и зарубежных, представлявших разные области знания в науке, течения — в литературе и искусстве, виды занятий в спорте, направления (партии) — в политике. При составлении списка учитывалась разная степень популярности отбираемых имен. Все они (за исключением имен политических деятелей и спортсменов) были разбиты на три группы: 1) входящие в программу школьного образования; 2) широко встречающиеся в материалах средств массовой коммуникации и 3) встречающиеся в относительно специализированных материалах. (Имена политических деятелей и спортсменов вошли в состав только последних двух групп.) Третья группа рассматривалась как группа специализированного, или целенаправленного интереса. По тому, как знает ее информант, мы судили об области его интереса, о том, к какой из перечислений сфер деятельности он приобщен в большей мере. По признаку присутствия (отсутствия) целенаправленного интереса мы имели возможность

распределить читателей по меньшей мере на три группы, а именно: 1) проявляющих интерес к какой-либо сфере культурной деятельности с соответствующими уточнениями (наличие признака «интерес»); 2) приобщенных ко всем этим сферам (или большей их части) через средства массовой коммуникации и только в этих пределах (промежуточная позиция); 3) обнаруживших преимущественное отсутствие интереса к какой-либо из перечисленных сфер деятельности (отсутствие признака «интерес»).

Состав названных групп мог быть сопоставлен с составом семиотических групп, что позволяет охарактеризовать последние с точки зрения преобладающих в них информационно-потребительских интересов.

Вторым экспериментальным комплексом был комплекс тестов на выявление уровня семиосоциопсихологической подготовки реципиентов.

Этот комплекс процедур позволил впоследствии сделать выводы о принадлежности респондентов к той или иной семиотической группе. К нему относились: а) тесты на интерпретацию: общего словаря прессы (**Общий словарь газеты**); сложного текста {«Текст-1 - эталон»}¹⁵ и словаря этого текста, а также б) тест-шкалирование на основе метода семантического дифференциала.

Задачи процедуры «Общий словарь газеты» сводились к тому, чтобы:

а) оценить степень приобщенности испытуемых к общему словарю газеты (точнее, к полю лексико-семантических вариантов, вошедших в словарь), а соответственно определить и меру адекватности интерпретации данного словаря реципиентами;

б) оценить речевые умения разной степени сложности и произвольности, проследив различные уровни оперирования с одним и тем же словом у разных испытуемых;

в) получить основание для предварительного разбиения массива опрошенных на группы в зависимости от уровня интерпретаций данного словаря, т. е., условно говоря, по признаку X (см. четвертую главу).

Лексика словаря была отобрана на материале 50 международных обзоров, опубликованных в газете «Правда» в течение трех лет, предшествовавших эксперименту. Состав отбираемой лексики контролировался аналогичной процедурой на материале 25 международных обзоров других авторов, опубликованных в газетах «Правда» и «Известия» за тот же период¹⁶. Обращение к указанному жанру объяснялось тем, что язык международных обзоров не только достаточно характерен для прессы, но и наиболее синкретичен (имеет много пластов) и включает в свой состав самую разнообразную общелитературную лексику, а также лексику целого ряда специфических функционально-

¹⁵ См. текст «Стратегия хозяйственного успеха»: Дридзе Т. М. Язык и социальная психология. М., 1980, с. 64—65.

¹⁶ Контроль осуществлялся Г. Ошаниной, студенткой факультета журналистики МГУ.

стилевых подсистем (политической, идеологической, научной, производственно-технической и т. д.).

При отборе лексики был использован метод статистического подсчета частотности употребления слов при следующем ограничении: учитывались не все слова текстов, а лишь те из них, которые казались наиболее трудными. К таковым, на наш взгляд, следует в первую очередь относить слова, выражающие абстрактные понятия и определяемые через широкой набор дифференциальных признаков.

Вся лексика словаря (50 наиболее частотных слов) была расположена на пяти карточках по нарастающей степени сложности: на первой и второй даны весьма употребительные политические термины; на третьей, четвертой и пятой — общелитературная, научная, техническая и другая более многозначная лексика. На основе словаря предусматривалась оценка трех уровней речекommunikативных умений: определение значения слова, нахождение других, близких к нему по смыслу слов (синонимов) и употребление его в словосочетании. Все эти операции испытуемый, естественно, проделывал со словами, которые воспринимал в качестве знакомых (см. приводимый образец карточки словаря).

В эксперименте словарь заполнялся экспериментатором в соответствии с устными ответами испытуемых. Последнее избавляло испытуемых от поиска адекватного способа письменного оформления высказывания, экономило время и позволяло решить еще одну побочную задачу исследования, связанную с наблюдением за рядом внешних речевых характеристик испытуемых. Экспериментатор должен был с максимальной точностью вести запись получаемых ответов с тем, чтобы последние могли быть проанализированы не только на понятийно-смысловом уровне, но и с точки зрения типа даваемых определений, свидетельствующих о том или ином способе организации языкового мышления. В качестве таких типов условно были выделены:

а) *иллюстративные (описательные)* определения, когда испытуемый описывал ситуацию, в которой появляется слово;

б) *объяснительные* определения, когда испытуемый пояснял слово через его употребление в рамках языка прессы;

в) *аналитические* определения, когда испытуемый давал широкое словарное определение слова с анализом некоторого набора его значений.

Об уровне внешних речевых умений должны были свидетельствовать и такие факторы, как умение организовать грамматическую структуру высказывания, (порядок слов и их согласование) и лексическую сторону высказывания (словоупотребление).

Фрагмент бланка процедуры "Общий словарь газеты"

№ п/п	Слово	Встречали ли Вы это слово, знакомо ли оно Вам? Отметьте крестиком		Что означает это слово? Попробуйте дать определение (необязательно-точное)	Напишите другое слово, похожее на это по значению	Напишите это слово вместе с другим словом (словами), с которыми Вы чаще всего его
		да	нет			
1	Агентура					
2	Агрессия					
3	Ассамбле					
4	Бундесве					
5	Вермахт					
6	Демократ					
7	Дискрим					
6	Диктатур					
9	Империа					
10	Колониал					

Примечание. Кроме приведенной, в данный текст входили еще 4 аналогично построенные карточки. В карточке 2 содержались слова: 11. Конгресс, 12. Курс акции, 13. Левые силы, 14. Лидер, 15. Милитаризация, 16. Пакт, 17. Парламент, 18. Реванш, 19. Суверенитет, 20. Эскалация; в карточке 3: 21. Авторитетный, 22. Аргумент, 23. Биржа, 24. Валюта, 25. Гуманизм, 26. Дебаты, 27. Игнорировать, 28. Комментировать, 29. Компетентный, 30. Констатировать; в карточке 4: 31. Концерн, 32. Координация, 33. Либерал, 34. Марионетка, 35. Монополия, 36. Нормализация, 37. Оппозиция, 38. Потенциал, 39. Провокация, 40. Прогрессивный; в карточке 5: 41. Происки, 42. Реакционер, 43. Санкция, 44. Сенсация, 45. Солидарность, 46. Стабильность, 47. Тенденция, 48. Товарооборот, 49. Традиционный, 50. Вояж.

Вместе с тем этот вид умений в данном эксперименте (по отношению к его задачам) считался второстепенным.

При этом цель эксперимента не сводилась к тому, чтобы “подловить” испытуемого на незнании слов. Напротив, всеми средствами нужно было выяснить истинное положение дел. Испытуемый мог растеряться и не суметь сформулировать свою мысль, ему могло помешать отсутствие контекста. Вот почему экспериментатор применял некоторые виды контроля. В частности, испытуемому, который затруднялся объяснить значение слова, предлагалось это же слово в контексте. Если же он затруднялся с ответом, то и в этом случае экспериментатор должен был спросить его: хорошо или плохо то, что означает это слово. Ответ заносился в словарь вместо определения. Тем испытуемым, которые отнеслись к эксперименту с искренним интересом, предлагалось еще одно небольшое задание. Их просили также “окрасить” значение всех знакомых слов списка (как нечто “плохое”, “хорошее” или “нейтральное”), проставляя соответствующие значки слева на поле карточки. Позднее это позволило оценивать меру контекстуальной окрашенности значений.

Эталонный текст и его словарь. Как было сказано выше, принадлежность испытуемых к той или иной семиотической (семиосоциопсихологической) группе обусловлена не только знанием элементов некоторой языковой системы, но прежде всего умением оперировать этими элементами исходя из целей коммуникативно-познавательной деятельности.

В эксперименте свидетельством наличия данного признака считалась способность информанта к адекватной интерпретации текста, предъявлявшегося респондентам для интерпретации в рамках второго экспериментального комплекса. В задачу этого вида тестирования входила оценка перцептивной готовности и умения респондента адекватно оперировать смысловыми элементами текста в ходе смыслового восприятия.

Необходимо было отобрать эталонный текст, отвечающий задачам данного эксперимента, и найти адекватный тест, проверяющий понимание его основной идеи. Эталонный текст должен был отличаться относительно высокой степенью трудности (так как только при этом условии можно было надеяться, что читатель справится с любым другим текстом, порожденным в рамках данной языковой подсистемы) при минимуме словесной избыточности и трафаретности и четкой логической структуре.

При этом в процессе отбора текста и составления соответствующего тестового задания следовало заранее предусмотреть все необходимые условия для формализованной количественной и качественной оценки успешности его выполнения информантами. Для этого нужно было не только отобрать текст, но и найти способы обеспечения целого ряда его «эталонных качеств».

Указанный ранее текст— «Стратегия хозяйственного успеха», представляющий экономическое обозрение, был взят со страниц газеты «Московская правда» и совместно с его автором доведен до желаемой нормы, т. е. сокращен и переструктурирован с помощью двух уже описанных в настоящей работе методик препарирования внутреннего (содержательно-смыслового) и внешнего (организационно-речевого) планов текста.

Разработка процедуры тестирования. В эксперименте следовало воспроизвести ситуацию чтения газетного текста. Как показал анкетный опрос среди читательской аудитории, наиболее распространенным способом чтения газеты является беглое однократное чтение ее отдельных материалов. Вместе с тем способность испытуемого к адекватной интерпретации текста интересовала нас также и вне прямой связи с газетным текстом. Учитывая, что именно интерпретация текста, а не словаря играла решающую роль при определении уровня перцептивной готовности испытуемого, мы умышленно остановились несколько подробнее именно на этой тестовой процедуре.

Из известных нам методов тестирования понимания текста был избран метод письменного пересказа. От таких общеизвестных методов, как выбор резюме или метод ответов на вопросы по содержанию текста, мы отказались по той причине, что первый из них содержит ключ к пониманию текста, внося элемент случайного в ответы испытуемых, а второй предъявляет особые, часто невыполнимые требования к самой постановке вопросов. При этом и тот и другой метод тестирует понимание общего содержания текста, что никак не соответствовало нашей задаче. Устные пересказы не могли быть дословно записаны из-за отсутствия технических средств. К тому же свободный письменный пересказ несет в себе определенные преимущества. Напоминая школьное изложение, он привычен каждому, кто окончил 6—7 классов средней школы. При этом он требует от человека мобилизации всех его речемыслительных способностей, заставляя тщательнее задумываться над смыслом излагаемого.

И все же в целях обеспечения большей достоверности результатов, отдавая себе отчет в том, что разные коммуникативные умения и навыки, а также разная степень перцептивной готовности могут сказаться на письменном изложении текста, мы ввели дополнительный устный контроль понимания цели сообщения.

Воспроизведение естественных условий чтения газеты требовало однократного предъявления текста. Вместе с тем опасность влияния слабой оперативной памяти испытуемого на качество интерпретации требовало двукратного предъявления текста. Именно поэтому было решено вторично предъявлять испытуемому текст для устного контроля.

Кроме того, полагая, что у читателя, берущего в руки газету, присутствует уже заведомо определенная перцептивная готовность в виде некоторой установки на улавливание

основной концепции (идеи) текста, мы решили облегчить задачу «на входе», подкрепив названную выше установку, не навязывая, однако, при этом готовых языковых формул (что неизбежно делается при использовании метода резюме) или некоторого содержания (что происходит при постановке вопросов по содержанию текста). В итоге возникла следующая процедура.

Экспериментатор прежде всего объяснял испытуемому, что в задачу исследования входит выявление лучших по содержанию и форме газетных текстов, поэтому в ходе эксперимента читателям и предъявляются два таких текста для сравнения. Затем испытуемому предъявлялся первый текст и давалось задание: прочесть его внимательно от начала до конца (как если бы он читал заинтересовавшую его статью в газете) и постараться понять, что именно хотел в первую очередь сказать автор текста, в чем была его цель, в чем — основная идея, для чего был, скорее всего, написан этот текст? Иными словами, давалась соответствующая установка на выявление авторского замысла. О том, что придется писать изложение, испытуемому не сообщалось, так как это могло рассеять его внимание и с установки на понимание основной идеи текста переключить ни запоминание непосредственного его содержания в виде готовых языковых формул. Время чтения не лимитировалось по той же причине. Ограничение во времени могло беспокоить испытуемого, нарушая естественность ситуации. Фактор же скорости чтения значения в данном случае не имел. После того как текст был прочитан и, по мнению испытуемого, им понят, последнему предлагался лист чистой бумаги с просьбой изложить письменно основную идею текста и все то, что удалось уловить из его содержания, если это важно для понимания основной идеи. Забрав изложение, экспериментатор просил испытуемого подчеркнуть в эталонном тексте незнакомые или знакомые, но малопонятные слова.

Чтобы сделать это, испытуемый повторно пробежал текст глазами, подчеркивал соответствующие слова, после чего экспериментатор контролировал знание словаря текста, пользуясь соответствующим списком, имеющимся в инструкции. Словарь состоял из 18 слов, в число которых в основном входили экономические понятия и термины. По преимуществу это существительные, входящие в логико-фактологическую цепочку текста, или их определители, которые, отвлекая внимание читателя, могут заслонять значение определяемого слова, если именно на них (т. е. на определители) падает основная смысловоразличительная функция (скажем, «основные или оборотные фонды» и др., где знание значения определителя может быть важнее знания определяемого слова).

Затем экспериментатор вторично опрашивал испытуемого, что именно (главным образом) хотел сказать автор текста, в чем его основная идея. Теперь уже испытуемый отвечал устно, при этом он мог смотреть в текст. Экспериментатор записывал его ответ в

специально отведенной колонке своего дневника. Туда же он записывал мнение испытуемого о форме построения текста. В итоге мы получили 300 письменных пересказов одного и того же текста, сделанных с одного прочтения, плюс столько же устной высказываний (тех же испытуемых) об основной идее текста и его форме, сделанных после второго прочтения, а также сведения о знании ими словаря интерпретированного текста.

Метод семантического дифференциала (СД) был условно отнесен к рассматриваемой группе тестов и применялся в данном исследовании с целью зафиксировать диапазон различий связанный не только со знанием, но и с той или иной оценкой (эмоциональной окрашенностью) значений слов, а соответственно и стоящих за ним явлений в сознании реципиентов.

Для тестирования этим методом было отобрано 16 слов, первое из которых — «человек» — было «обучающим». При отборе слов для этой процедуры мы руководствовались 1) принципом частотности (слова были взяты из частотного словаря тех же международных обзоров, на материале которых отбиралась лексика «Общего словаря»); 2) принципом наибольшей общности, или абстрактности отбираемых понятий (значений таких понятий представляются в большей мере субъективно окрашенными, чем значения понятий конкретных); 3) принципов частичного совпадения (50% отобранных для этой процедуры слов) с лексикой «Общего словаря» (это позволило сравнивать некоторые из полученных итогов).

Респонденту предлагались 16 карточек (по одной карточки на каждое слово), на которых он должен был зафиксировать, свои ощущения относительно значения каждого предложенного, слова¹⁷. Каждая карточка состояла из 12 двуполосных шкал, задаваемых парой антонимичных прилагательных. При этом на каждой шкале были предусмотрены семь делений, отражающих степень интенсивности данного качества. В нашем эксперименте мы воспользовались вариантом шкалы семантического дифференциала, трансформированным для носителей русского языка А. П. Клименко, с той только разницей, что сохранили на ней семь осгудовских делений (Клименко по ряду соображений снимала нулевое деление). Карточку этого типа см. на стр. 155.

Поскольку в эксперименте мы имели дело с аудиторией чрезвычайно разнообразной по уровню образования, мы, естественно, ожидали трудностей. Прежде всего информант мог не знать значения предъявляемого ему слова, не говоря уже о том, что требовалось как можно доходчивее разъяснить ему технику заполнения карточки. Предъявляя испытуемому комплект карточек, на каждой из которых было написано по одному слову, экспериментатор должен был прежде всего выяснить, какие из этих слов испытуемый считает незнакомыми.

---

¹⁷ См.: Дридзе Т. М. Организация и методы лингвopsихосоциологического исследования, с. 171 — 173.

Бланк одной из карточек теста СД *

I. Авантюра

сильно средне слабо	слабо средне сильно
1. Веселый	Грустный
2. Хороший	Плохой
3. Полный	Пустой
4. Светлый	Темный
5. Длинный	Короткий
6. Большой	Малый
7. Сильный	Слабый
8. Сложный	Простой
9. Новый	Старый
10. Теплый	Холодный
11. Быстрый	Медленный
12. Активный	Пассивный

* Шкалы 1—4 относятся к первому фактору—оценки; 5—7- ко второму — силы, 8—12 — к третьему — активности.

С такими словами эксперимент не производился. Лишь после этого испытуемому, разъяснялась его задача, которая состояла в том, чтобы согласно своему ощущению, т. е. тому, как «окрашивается» в его сознании значение того или иного слова, поместить последнее в ту или иную точку каждой из предложенных шкал. Сначала экспериментатор предлагал испытуемому заполнить контрольную («обучающую») карточку со словом «человек» (обозначенную индексом 0) и по ходу ее заполнения еще раз пояснял, как следует работать с карточками. Только после того, как у экспериментатора появлялась уверенность в том, что испытуемый понял свою задачу, он позволял ему приступить к заполнению других карточек, наблюдая за его действиями. Если в процессе наблюдения экспериментатор замечал, что на какой-либо из шкал (или на ряде из них) значение слова для испытуемого не окрашивается и тот испытывает от этого затруднение, он разрешал ему данную шкалу пропустить.

Третьим экспериментальным комплексом являлся комплекс тестов на выявление информативности текстовых материалов для представителей разных социальных и социально-психологических групп (в нашем случае — семиотических групп, а также групп с разными информационно-потребительскими интересами). В дальнейшем этот набор процедур именуется «Информативность».

В этот комплекс входили: а) тест на определение информативности газетных заголовков («Газетные заголовки»); б) тест на понимание и интерпретацию текста, насыщенного готовыми языковыми формулами, или «языковыми клише», («Текст-2») и в) тест на выявление штампованности языковых клише в сознании респондентов («Ассоциации»).

Задача процедуры «Газетные заголовки» сводилась к тому, чтобы установить: а) какие материалы, идущие с теми или иными заголовками, отказываются читать наши

респонденты, и какой удельный вес таких отказов в опрашиваемой совокупности; б) в чем причина таких отказов от чтения (по собственным представлениям респондентов о том или ином материале, сопровождаемом заголовком, вызвавшим отрицательную реакцию); в) какова мера соответствия заголовков, послуживших поводом для отказа от чтения, содержательно-смысловой структур идущего с ним материала. Иными словами, сколь информативна эти заголовки, в какой мере обеспечивают они читателю относительно адекватное представление об основной идее (цели) идущего с данным заголовком сообщения; г) как отражается то или иное соотношение таких характеристик газетного заголовка, как информативность и привлекательность, на коммуникативно-познавательном поведении реципиентов, потребляющих тексты массовой информации; как оно, в частности, сказывается на формировании их перцептивной готовности.

В соответствии со сказанным выше был отобран тестовый материал и построена процедура тестирования¹⁸.

Заголовки из шести номеров местной газеты (отобранный; на основе случайной выборки) были полностью перенесены на 6 карточек (под каждый номер газеты отводилась отдельная карточка). Всего на карточки было перенесено 217 заголовков, каждый из которых был снабжен порядковым номером. Информантам предлагалось в свободной клеточке слева от каждого заголовка отметить соответствующим значком — стали бы они читать материал с данным заголовком, только посмотрели бы его или не стали бы читать. В случае затруднения с ответом в клеточке ставился знак вопроса.

Дополнительные сведения о причинах отказов от чтения материалов, идущих с теми или иными заголовками, были получены из документа с названием «Дневник экспериментатора». О нем мы упомянем ниже.

«Текст-2» предъявлялся респондентам для интерпретации, Цель этой процедуры состояла в оценке информативных качеств самого текста.

Именно по этой причине последний был взят в «натуральном» виде (без каких-либо изменений) со страниц местной газеты¹⁹. При общности темы и цели, а также при равной величине он отличался от эталонного текста по всем параметрам, в рамках которых имелась возможность сопоставить эти два текста. Целью такого сопоставления было выявление релевантных для информативности признаков как семантико-смысловой структуры, так и языковых особенностей текста, включая стереотипность использованных в нем языковых формул. Значение результатов такого сопоставления для выводов, связанных с информативностью газетного текста, представляется очевидным.

---

¹⁸ См.: Там же, с. 66—77.

¹⁹ Дридзе Т. М. Язык и социальная психология, с. 150—168.

При обработке итогов исследования по комплексу «Информативность» предполагалось также учесть итоги процедур комплекса «Семиосоциопсихологический уровень». Так, «Общий словарь газеты», отобранный по принципу частотности, мог считаться набором лексических единиц в достаточной мере типичных для прессы. Очевидно, что на информативности текстов, столь часто оперирующих подобной лексикой, самым непосредственным образом сказывается информативность названного «Словаря», особенно если учесть, что представленная в нем лексика нередко используется в текстах прессы в качестве ключевой, а также входит в состав газетных заголовков.

Вместе с тем возникает еще один важный вопрос, непосредственно связанный с проблемой функции газеты. Информативность газетного текста представляет собой фактор весьма существенный, когда речь идет о функции информирования аудитории как партнера по общению и взаимодействию. В этом случае возникновение неадекватных интерпретаций — свидетельство нарушения газетой названной функции.

Но есть и иные функции (скажем, функция внедрения определенных представлений, поведенческих образцов для подражания и т. д.), для реализации которых наличие или отсутствие адекватной интерпретации (т. е. информативности в описанном смысле) не имеет решающего значения. Большая часть знаков, входящих в «Словарь», обозначает категории и взаимосвязи в высшей степени абстрактные, как бы оторванные от своей первоначальной «житейской» основы. Смысл этих знаков уточняется и видоизменяется в ходе многочисленных повторных их употреблений в текстах, в сочетаниях с более простыми знаками, имеющими конкретную поведенческую (деятельностную) соотнесенность. В итоге их значения как бы смещаются в сторону прилагательных, с которыми они употребляются. Ч. Осгуд²⁰, в частности, высказывал предположение, что многие знаки естественного языка, с которыми мы имеем дело в массовой коммуникации, в основном приобретают «приписанное» (к этому можно добавить... и «окрашенное») значение. Весьма вероятно, что для выполнения, скажем, функции ориентирования вполне достаточно лишь «окрасить» некоторый фон.

Исходя из такого, пока чисто гипотетического предположения, мы и стремились выявить те случаи, когда испытуемый, не зная слова, тем не менее «окрашивал» их. Соответственно в инструкции экспериментатору был предусмотрен дополнительный в котором не слишком утомленного и достаточно заинтересованного экспериментом испытуемого просили на полях словаря (против каждого слова) проставить значки "+", «-» («что-то хорошее»), «-» («что-то плохое») и «+ -» («не хорошее и не плохое»). Это делалось в виде дополнительного задания, после работы со шкалой семантического дифференциала, опыт которой не забывался, сильно облегчая задачу.

---

²⁰ Osgood СЛ. Behavior theory and the social sciences. – In: Readings in the psychology of language. Englewood Cliffs, 1967.

Не меньший интерес в этом комплексе процедур представлял текст «Стратегия хозяйственного успеха» («Текст-1»), т сам принцип его отбора и доведения до кондиции ставил исследователем столь существенную проблему, как влияние оптимальной логики развертывания содержания текста, (при минимальной языковой избыточности) на его информативность и ряд других проблем, связанных с сопоставительным содержательно-смысловым и формально-лингвистическим анализом двух текстов, использованных в эксперименте. Выделенный из эталонного текста «экономический словарь», в некоторой части общий для обоих текстов, позволял использовать корреляционный анализ для установления зависимости между уровнем знания элементов языковой подсистемы и интерпретационными характеристиками (информативностью) разнохарактерных текстов порожденных на языке названной подсистемы.

Процедура «Ассоциации» занимала, как отмечалось выше промежуточное положение между двумя комплексами процедур: «Семиосоциопсихологический уровень» и "Информативность", поскольку ее появление было связано как с первой (касающейся реципиентов), так и со второй (касающейся качественных характеристик текстовой деятельности) группами гипотез.

Цель этой процедуры состояла в том, чтобы, во-первых, выделить следующие группы реципиентов: а) *осознающие. и преодолевающие стереотипы*, заключенные в готовых языковых формулах; б) *неосознающие стереотипы*, в) *не воспринимающие готовые языковые формулы с высокой частотой употреблен!* в газетном языке как *несущие стереотипы*, и, во-вторых, выявить среди весьма часто употребляемых в прессе слов и выражений (главным образом языковых клише) те, что могут быть отнесены к штампам сознания для большей части опрошенных, с тем чтобы выявить их удельный вес среди весьма употребительных прессы словосочетаний.

Карточка, на основе которой производился опрос, имеет следующий вид:

вахта (какая?) _____
вносить (что?) _____
путевка (куда?) _____
аплодисменты (какие?) _____ и т.д.

Таким образом в эксперименте применялся метод направления ассоциаций с регистрацией цепи таких ассоциаций. К каждому опорному слову ставился вопрос таким образом, чтобы испытуемый был вынужден в качестве слов-ассоциаций называть все приходящие ему в голову определения или дополнения к этому слову При этом мы полагали,

что в случае штампованности клише в сознании испытуемого последний даст ожидаемую (указанную в шаблоне) ассоциацию, затрудняясь с иным ответом. Если же клише штампом для испытуемого не является, то он даст ассоциации отличные от ожидаемых. В случае осознания и преодоления штампа (стереотипа) испытуемый даст как ожидаемую ассоциацию, так и бег больших затруднений — иные варианты.

Документ процедуры представлял собой список опорных слов пятидесяти клишированных сочетаний, сопровождавшихся контрольными вопросами. Названные словосочетания отбирались на материалах «Словаря наиболее употребительных несвободных словосочетаний русского языка, (на материале газет)», сборников «Вопросы культуры речи» и ряда других источников, содержащих соответствующие материалы.

Кроме названных документов, экспериментатор работал со специальным **дневником**, который являлся средством контроля за коммуникативным поведением испытуемых. Сюда экспериментатор заносил свои замечания, а также некоторые дополнительные сведения (не предусмотренные в карточках тестов) по ходу выполнения процедур. Дневник состоял из трех отдельных листов, каждый из которых прилагался к той группе процедур, к которой относились предусмотренные в нем графы. Записи на листах дневника производились непосредственно по ходу или сразу же после завершения работы с той или иной группой процедур.

Ответы испытуемых на ряд вопросов, предусмотренных в дневнике, а именно касающихся процедур «Текст-1 — эталон», «Текст-2» и «Газетные заголовки», были использованы при обработке и анализе полученных результатов по соответствующим экспериментальным комплексам.

Надежность, т. е. способность описанных методик обеспечивать получение объективных, т. е. не зависящих от личности исследователя (экспериментатора), и валидных, т. е. в нашем случае устойчивых и воспроизводимых результатов, была проверена в ходе пилотажного апробирования полевых документов на Московском карбюраторном заводе, где в предварительных экспериментах приняло участие 30 человек (рабочие, инженерно-технические работники и служащие аппарата управления). Окончательный вариант документов был составлен с учетом результатов пилотажа.

Принцип формирования выборки. Рассмотрим вопрос о структуре выборочной совокупности, т.е. об эмпирическом объекте апробационного экспериментального семиосоциопсихологического исследования.

«Как известно, при выборочных исследованиях изучают определенную часть единиц генеральной совокупности, называемую выборкой», — пишет С. Михайлов. «Вопрос заключается в том, указывает он далее, — каковы научные основания для исследования только части объектов и для суждения по ним о всех объектах данного класса»²¹. Очевидно, что только в том случае, когда определение числа единиц в выборке, как и способ их подбора производится на основе теории выборочных исследований, можно надеяться, что обобщенные характеристики выборки и распространение их на всю генеральную совокупность правомерны.

Теорией выборочных исследований предусматривается сколько принципов комплектования выборочных совокупностей. Одним из видов выборочных исследований и, как представляется наиболее адекватным для целей апробации той или иной теории социального объекта являются *типологические исследования*. При типологических исследованиях изучаемые единицы разбиваются по группам на основе определенных признаков. Из каждой группы подбираются «типичные представители», причем предполагается, что «если представители данной группы обладают определенными качествами в размере среднем для группы, то они будут обладать и остальными качествами также в среднем для группы»²². Обобщение сведений, полученных на массиве испытуемых, отобранных по такому принципу, должно дать информацию, представительную для всей генеральной совокупности, даже если неизвестно точное число всех входящих в нее единиц.

Чистота проводимых экспериментов, как и достоверность последующих научных выводов, требует к тому же отделить переменные, связанные с основной теорией, по меньшей мере от некоторых конкурирующих социально значимых переменных²³. Добиться этого в известной мере удастся за счет учета названных конкурирующих переменных как при подборе контингента экспериментальных групп, которые войдут в выборочную совокупность, так и за счет методов съема информации и ее последующей обработки. Очевидно, что отобранные для эксперимента контингенты должны варьировать по определенному набору независимых переменных, каждая из которых может оказаться в той или иной объяснительной связи с зависимыми теоретическими переменными²⁴. В ходе анализа полученных данных указанные связи подлежат «проявлению».

Исходя из целей экспериментов (выявление и сравнительный типологический анализ признаков сознания представителей социальных групп, входящих в выборку) был применен принцип дифференцированной непропорциональной, или типологической, выборки. Этот

---

²¹ Михайлов С. Эмпирическое социологическое исследование: Пер. с болг. М., 1975, с. 196.

²² Там же, с. 199-200. См. также: Desabie J. Theorie et pratique de sondages. — DUNOD: Paris, 1966, p. 44.

²³ См.: Кэмпбелл Д. Указ, соч., с. 108-114.

²⁴ Там же.

принцип обеспечивал равное представительство в выборке разных слоев населения, различающихся по четырем независимым переменным, а именно: пола, возраста (3 группы: 18 - 29 лет, 30—49 лет, 50 лет и старше), профессии (5 групп: рабочие, инженерно-технические работники, интеллигенция, занятая не на производстве, служащие аппарата учреждений и предприятий, служащие сферы обслуживания) и образования (4 группы: до 7 классов, 7—9 классов, среднее и высшее). В целом структура обследованного ансамбля имела следующий вид (табл.1).

Как следует из приведенной таблицы, в выборке соблюдался статистический принцип минимальной базовой группы, что означало наличие в выборке не менее 25—30 возможных единиц наблюдения (испытуемых) по каждой из независимых переменных.

Были опрошены 300 человек. Они и составили общее количество испытуемых, принявших участие в 900 комплексных (т. е. в 2400 единичных) экспериментах, по материалам которых собрано 2700 документов.

По каждому из учитываемых в выборке признаков для большинства категорий населения учитывались дополнительные данные, характеризующие как тип полученного образования (гумани тарное, техническое, естественное), так и объем сферы применений этих знаний по роду трудовой деятельности (скажем, для интеллигенции, занятой не на производстве,— теоретический или практический уклон выполняемой работы; для служащих аппарата учреждений и предприятий — положение в аппарате в качестве руководящего или рядового работника и т. д.).

Таблица I. Структура обследованного «ансамбля» (число людей)

Социальное * положение, пол	Возраст, лет			Образование				Итого		% к общему числу	
	18- 29	30- 49	50 и старше	до 7 классов	7-9 классов	сред- нее	высшее				
Р муж.	13	13	12	13	13	12	0	38	75	25	
	жен.	12	12	13	12	12	13				0
ИТР муж.	5	13	7	0	0	13	12	25	50	17	
	жен.	6	12	8	0	0	12				13
Инт. муж.	13	7	5	0	0	12	13	25	50	17	
	жен.	12	8	5	0	0	13				12
PCO муж.	12	12	13	12	12	13	0	37	75	25	
	жен.	13	13	12	13	13	12				0
Сл. муж.	7	5	13	0	0	13	12	25	50	17	
	жен.	8	5	12	0	0	12				13
В целом	муж.	50	50	50	25	25	63	37	150	300	
	жен.	50	50	50	25	25	62	38			
Итого	100	100	100	50	50	125	75				
% к общему числу	33	33	33	17	17	42	25			100	

* Приведенные в таблице сокращения: Р — рабочие; ИТР — интеллигенция, занятая на производстве; Инт. — интеллигенция, занятая не на производстве; PCO—работники сферы обслуживания; Сл. — служащие аппарата предприятий и учреждений.

Вместе с тем проведенная в этом направлении работа может пока рассматриваться лишь как диагностическая, т. е. как попытка вычленив дедуктивно и апробировать экспериментально определенный набор значимых интегральных факторов коммуникативно-познавательного поведения, способный в перспективе выступать в качестве набора независимых переменных при комплектовании контингента выборок в массовых социально-психологических исследованиях самых различных форм коммуникативно-познавательной деятельности.

При разработке стратегии описываемых исследований нужно было исходить прежде всего из того, что комплекс экспериментов подобного типа проводился в нашей стране впервые и не имел аналогов в практике зарубежных эмпирических исследований. Это требовало не только тщательного теоретического обоснования каждого экспериментального шага, но и сравнительно большого количества хорошо обученных экспериментаторов, каждому из которых можно было поручить не более одного-двух экспериментальных опросов (т. е. соответственно посещение не более одного-двух испытуемых) в день. К тому же на первых порах было трудно представить себе реакцию испытуемых, каждому из которых предстояло выдержать не менее трех двухчасовых бесед (т. е. по одной в рамках каждого экспериментального комплекса).

Несмотря на полевой характер проводимых исследований, при проведении экспериментов должны были по возможности соблюдаться лабораторные условия, т. е. беседа с испытуемым должна была вестись один на один с соблюдением инструкции²⁵. В целом каждому испытуемому следовало, как отмечалось выше, ответить на 42 вопроса анкеты и выполнить 7 тестовых заданий. Поэтому опрос в рамках каждого комплекса процедур производился отдельно, в разное время. Иными словами, каждый испытуемый подвергался опросу трижды на протяжении месяца. Вот почему при том, что в рамках описанной выше типологической выборки отбор испытуемых производился случайным образом (т. е. получивший задание экспериментатор должен был отыскать для опроса людей, отвечающих требованиям по каждому из параметров названной выборки), в ходе исследований соблюдался принцип добровольности участия испытуемых в экспериментах²⁶. Это объяснялось еще и тем обстоятельством, что если испытуемые-добровольцы в любом эксперименте будут показывать результаты, которые, как они полагают, хочет получить экспериментатор²⁷, то в нашем случае это не только не было помехой («артефактом», или посторонней деталью, «смушающей» чистоту эксперимента), но, напротив, служило весьма желательным фактором надежности получаемой информации относительно уровня

²⁵ См.: Дридзе Т. М. Организация и методы лингвopsихосоциологического исследования..., с. 89—106.

²⁶ Михайлов С. Эмпирическое социологическое исследование, с. 137-199.

²⁷ Кэмпбелл Д. Указ, соч., с. 209.

семиосоциопсихологической подготовки респондентов, попавших в выборочную совокупность. Что касается экспериментальных текстовых материалов, то последние отбирались по материалам газет «Правда», «Известия», «Московская правда», «Таганрогская правда», частотных словарей и справочников, а также множества дополнительных пособий. При этом применялись частотный отбор лексики, предварительное экспертное тестирование (как контрольная процедура при отборе текстов), различные виды сопоставительного анализа материалов и т. д.²⁸

В качестве экспериментаторов к работе были привлечены преимущественно студенты-филологи, учителя средних школ и инженеры, предварительно прошедшие анкетный опрос и полный комплекс процедур тестирования и тщательно обученные.

В своих отчетах экспериментаторы почти единодушно отметили большой интерес, вызванный исследованием у читательской аудитории, при всей его сложности и известной громоздкости, высказали немало полезных рекомендаций, касающихся порядка проведения экспериментов, характера и способов работы с разнородной аудиторией.

---

²⁸ См.: Дридзе Т. М. Организация и методы лингвосоциологического исследования..., с. 25—27.

ТЕОРИЯ И ЭКСПЕРИМЕНТЫ

Программой обработки и анализа собранной информации, которая строилась в соответствии с двумя группами основных задач исследования, предусматривалось:

А. Структурирование массива респондентов по признаку «семиосоциопсихологический уровень» (как и по ряду других социально-психологических признаков: информационно-потребительские интересы; осознание смысловых стереотипов и т. д.).

Б. Оценка информативности экспериментальных текстовых материалов для групп с разными социально-психологическими и социально-демографическими характеристиками.

Соответственно уже на стадии первичной обработки следовало по отдельности учитывать данные, полученные в ходе каждого из реализованных экспериментальных комплексов, исходя из чего дифференцировать критерии оценки и сами получаемые статистические данные, а также производить необходимые сопоставления.

Распределению испытуемых по условным семиотическим группам предшествовала первичная и вторичная обработка собранной информации, составившая, как отмечалось выше, 2700 документов.

В ходе первичной обработки информации были разработаны код и инструкция кодировщику для подготовки анкеты к обработке на ЭВМ. В код были введены группообразующие семиосоциопсихологические признаки, не предусмотренные ранее в анкете, но полученные по итогам предварительной ручной обработки результатов тестирования (семиотическая группа испытуемого; знание «Номиналий» по профилирующим группам; группа «осознания смысловых стереотипов» и др.).

До завершения работы над кодом к анкете были предварительно оценены итоги каждого теста по каждому испытуемому в соответствии с установленными критериями оценки, для чего разрабатывались соответствующие инструкции, эталоны, карточки (бланки), позволившие систематизировать названные оценки¹. Оценки за знание словарей и интерпретацию текстов были ранжированы для машинного расчета коэффициентов корреляции. В ходе первичной обработки информации были подготовлены сводные таблицы пофакторных «весов» значений слой, полученных методом семантического дифференциала.

В ходе вторичной обработки, исходя из задач группы А, на основе полученных сочетаний признаков (X , V , Z), рассмотренных ранее в теоретической части работы, массив

---

¹ См.: Дридзе Т.М. Организация и методы лингвопсихосоциологического исследования массовой коммуникации. М., 1979, с. 107-108.

опрошенных был разбит на условные группы по информационно-потребительским интересам и на условные семиотические группы. На основе оценок по другим тестам было также осуществлено разбиение массива опрошенных на условные группы по отношению к смысловым стереотипам. Соответственно составлялись частные и сводные таблицы взаимных распределений демографических и социальных (пол, возраст, профессия, образование) признаков и выявленных условных социально-психологических признаков (семиосоциопсихологический уровень, информационно-потребительские интересы, осознание смысловых стереотипов и т. д.). На ЭВМ произведен расчет коэффициентов ранговой корреляции между уровнями интерпретации словаря и текстов, а также расчет ручным способом дисперсии и коэффициентов вариации пофакторных «весов» значений слов, полученных методом семантического дифференциала как в семиотических, так и в социально-демографических группах.

Что касается задач группы Б, то исходя из них ранжировались по частоте встречаемости слова-ассоциации ко всем опорным словам ассоциативного теста и по степени известности (популярности) — все имена по тесту «Номиналии». Были составлены таблицы (альбомы) читаемости газетных материалов, а также выявлены некоторые причины отказов от чтения газетных материалов по итогам теста «Газетные заголовки».

Все это позволило решить основные задачи исследования применительно к проверке гипотез о существовании специфических социально-психологических групп с разным коммуникативно-познавательным поведением в ходе знакового общения, а соответственно и о различной информативности поступающих к реципиентам текстовых материалов.

Операции по первичной и вторичной обработке собранной информации позволили, во-первых, исходя из задач группы А: а) разбить весь массив респондентов на группы по уровню их коммуникативно-познавательных умений и перцептивной готовности, т. е. на семиотические группы; б) проанализировать их коммуникативно-деятельностную специфику; в) рассмотреть зависимость между знанием слов и умением адекватно интерпретировать словую информацию, заключенную в тексте; г) проанализировать состав семиотических групп, выявить некоторые социальные, социально-культурные и социально-психологические факторы их формирования.

В рамках этой последней аналитической процедуры было изучено распределение в семиотических группах как социально-демографических признаков (пол, возраст, образование и профессиональная группа респондентов, а также образование и профессия их родителей), так и социально-психологических признаков (информационно-потребительские интересы, осознание смысловых стереотипов, характер установки на значения знаков, весьма употребительных в текстах прессы и т. д.).

Во-вторых, исходя из задач группы Б указанные аналитические операции позволили охарактеризовать и соотнести как с семиосоциопсихологическими, так и с социально-демографическими характеристиками наиболее распространенные способы ознакомления с материалами прессы и выбора материалов для чтения; обнаружить некоторые факторы, отталкивающие реципиентов от чтения. Они позволили также определить меру информативности экспериментальных текстов, их словарей, общего словаря газеты и газетных заголовков для разных семиотических групп и групп, характеризующихся разной мерой осознания смысловых стереотипов. Эти последние данные, полученные согласно задачам группы Б, относящимся к блоку обработки с условным названием «информативность», здесь приведены лишь частично. Ниже ограничимся описанием хода анализа по группе задач А, т. е. опишем семиосоциопсихологическую структуру опрошенной аудитории, дадим сведения о составе семиотических групп и методах их выявления², а также изложим наиболее существенные выводы, вытекающие из апробационных семиосоциопсихологических экспериментов в целом.

§ 1. Семиосоциопсихологическая структура аудитории

Согласно исходным положениям концепции, касающимся способа оценки уровня семиосоциопсихологической подготовки, следовало на основе анализа полученных данных предварительно выявить факт наличия и уровень трех видов коммуникативно-познавательных умений и навыков, а именно: 1) владения смысловыми элементами той подсистемы общенародного языка, которая была избрана в качестве точки отсчета (у нас подъязык массовой коммуникации),— признак **X**; 2) владения смысловыми элементами принимаемого (толкуемого) или создаваемого текста — признак **У**; 3) умения оперировать названными выше смысловыми элементами, понимаемого как а) адекватная смысловая интерпретация («внутреннее» оперирование) и б) адекватное воспроизведение иерархии смыслов в речи («внешнее» оперирование),— признак **Z**.

Степень наличия третьего из перечисленных признаков (признака **Z**) рассматривалась также как совпадающая с той или иной мерой перцептивной готовности реципиента.

Владение смысловыми элементами подъязыка массовой коммуникации (первичное разбиение массива испытуемых на группы по признаку X). Знание словаря оценивалось в два приема. Прежде всего оценивалось знание каждого слова по отдельности, а затем выставлялась общая оценка за знание «Словаря» в целом.

---

² Подробнее см.: Там же.

Оценка смысловой интерпретации словаря. В соответствии со структурой карточек этого теста оценка за знание словаря складывалась из ряда частных оценок. Сначала оценивалось знание испытуемым каждого слова в отдельности, а затем поочередно знание 20 первых слов списка (политические термины) и знание 30 остальных более многозначных слов. Только после этого оценивалось знание «Словаря» в целом.

К инструкции прилагался «Словарь-эталон», на основе сличения с которым кодировщик производил оценку определений слов испытуемыми, выставляя каждую оценку на поле карточек «Словаря» слева от номера слова.

Оценку 3 получал испытуемый, давший широкую (многозначную) трактовку значения слова, иллюстрировавший его кругом примеров, взятых не только из языка средств массовой информации, но и из языка общелитературного. Аналогичная трактовка слова, но недостаточно полная и недостаточно грамотная, оценивалась в 2,5 балла. Этот балл рассматривался как переходный к оценке 2. **Оценку 2** получал испытуемый, давший однозначное определение слова в рамках употребления, принятого в языке средств массовой информации, и оперировавший примерами только из этой принятой сферы употребления. Для дифференциации состава испытуемых с оценкой 2 вводилась **промежуточная оценка — 1,5**, которая давалась за определения через примеры (например, «дискриминация — это когда бьют негров»), за определения чрезмерно однобокие и неполные даже для принятой сферы употребления (типа приведенного или такого, например, как «либерал — хороший человек», плюс пример и т. д.), т. е. зауженные, либо, напротив, слишком общие, расплывчатые, с приблизительным объяснением смысла, в котором слово употребляется в газетах. **Оценку 1** получал испытуемый, обнаруживающий полное отсутствие представления о значении слова или давший ошибочное его определение.

Проставив оценки за каждое слово, кодировщик подсчитывал число слов, верно определенных испытуемым, т. е. общее число оценок от 1,5 до 3 баллов, приходящееся по отдельности на карточки 1 и 2 и на карточки 3—5, заносил эти цифры в соответствующие рубрики колонок специального бланка для первичной обработки этого теста. Рядом в других рубриках этих же двух колонок он записывал эти же показатели в пересчете на проценты.

Только после этого кодировщик переходил к выведению двух предварительных оценок за обе части «Словаря». Они получались: а) от деления суммы, полученной в итоге сложения первых 20 баллов, на 20; б) от деления суммы, полученной в итоге сложения следующих 30 баллов, на 30.

Общая итоговая оценка за знание «Словаря» в целом выводилась как среднеарифметическая от двух предварительных оценок. Тем самым знание второй группы из 30 слов приравнивалось к знанию первой группы из 20 слов.

После того как были выставлены все названные среднеарифметические оценки, последние ранжировались по убыванию, после чего выявлялись наиболее высокие среднеарифметические оценки и устанавливалась мера их отрыва от остальных. Мера такого «отрыва» становилась критерием для разбиения всего массива опрошенных на группы по знанию «Словаря».

Оценка за некоторые виды внешних речевых умений. Оценка за тип даваемых определений. Из оценок, выставляемых за внешние речевые умения, эта оценка считалась наиболее важной, так как тип даваемого определения характеризует навыки внутренней речемыслительной деятельности, сопутствующей оперированию со знаками в процессе восприятия (и осмысления) смысловой информации.

Оценка за тип даваемого определения выставлялась следующим образом: **оценку 3** получали аналитические определения, когда испытуемый давал широкое словарное определение слова с анализом некоторого набора его значений. **Оценку 2** получали объяснительные определения, когда испытуемый объяснял употребление слова в ограниченных рамках (скажем, в рамках языка газеты).

Оценку 1 получали иллюстративные (описательные) определения, когда испытуемый описывал ситуации, в которых появляется слово, или только приводил примеры.

Оценка за лексико-грамматическое оформление высказывания. Эта оценка носила здесь вспомогательный характер.

Она выставлялась: а) за умение организовать грамматическую структуру высказывания (порядок слов и их согласование); б) за умение организовать лексическую сторону высказывания (словоупотребление). Если и то и другое (или одно из двух) неверно, испытуемый получал знак «—» рядом с оценкой за тип даваемого определения. Если и то и другое правильно, никакого знака нигде не ставилось. Оценки за тип даваемого определения вместе со знаком «—» или без него выставлялись за каждое определение. Эти оценки служили кодировщику средством контроля при осуществлении следующего шага первичной обработки этой процедуры. Таким шагом являлось предварительное, пока только ориентировочное отнесение испытуемого к высокому, среднему, низкому или одному из переходных семиосоциопсихологических уровней. Кодировщик это делал на основании оценки за знание словаря в целом, с учетом оценок за некоторые виды внешних речевых умений.

При этом считалось, что аналитические определения, как правило, свидетельствуют о высокой культуре речемыслительной деятельности, а соответственно и о высоком уровне речевых умений. Объяснительные определения могут свидетельствовать о том же тогда, когда другие определения, по существу, исключены, как, например, для слов: «происки», «агрессия» и т. д. Хотя эти два слова различны по характеру и диапазону употребления, их употреблением в языке средств массовой информации практически исчерпывается весь смысл этих понятий. Это значит, что в ряде случаев объяснительное определение могло быть в равной мере дано человеком, заслуживающим как оценки 3, так и оценки 2 и даже 1,5 балла.

Из сказанного следует, что к признаку «тип даваемого определения» нельзя было относиться формально.

Относя испытуемого к той или иной семиотической группе, следовало лишь разобраться в том, отличает ли данного испытуемого от прочих испытуемых умение оперировать аналитическими определениями. Наличие знака «—» также должно было сыграть вспомогательную (но не решающую) роль при ориентировочном выводе, который кодировщик заносил в соответствующую колонку карточки для первичной обработки этого теста.

Кроме всех указанных действий, кодировщик выполнял ещё два вида обработки «Словаря». В чистом комплекте карточек «Словаря», который прилагался к инструкции по его обработке, кодировщик помечал номером испытуемого слова, верных значений которых последний не знал (оценка 1). Это позволило по окончании первичной обработки «Словаря» выяснить, какие именно слова вызвали наибольшее затруднение у различных групп читателей. В другой чистый комплект карточек «Словаря» кодировщик переносил знаки «—», «+» и «+—», если таковые имелись, по мере их появления в карточках тестов. Если таких знаков не было, но определение, данное испытуемым, содержало слова «Это что-то хорошее» или «Это что-то плохое», кодировщик сам ставил соответствующий значок «+» или «—», который затем переносил в пустой, контрольный, набор карточек. Это позволило по окончании первичной обработки этого теста выяснить, какие из предъявленных слов эмоционально «окрашены» в сознании испытуемых и каков характер этой «окраски» — позитивный или негативный.

Приведем в качестве иллюстрации способ оценки ряда определений к слову «марионетка», сохраняя стиль оригинала.

Балл 3 получило, например, следующее определение: «Первоначальное значение слова „марионетка" — кукла в кукольном театре, с особой системой управления, приводимой в движение с помощью нитей (в отличие от куклы „Петрушка"). Возможно, это название произошло от собственного имени кукол первых образцов: Мари + Анетта. В политике имеется в виду политический деятель (обычно руководитель партии или государства), лишенный самостоятельности в своих действиях, целиком зависящий от воли более влиятельных партий или государств». Определение того же слова на оценку 2 имело вид: «Марионетка — это государство, которое не ведет самостоятельной политики, ориентируется на более сильные капиталистические государства». Определение того же слова на оценку 1 могло быть, в частности, следующим: «Марионетка — это форма государства в какой-нибудь стране, где имеется народное управление». Оценку 1,5 получало определение такого типа: «„Марионетка" — это руководитель государства, незаконно протасченный на этот пост» (сохранен стиль оригинала).

Другая иллюстрация — ряд определений к слову «эскалация». Между оценками 2,5—3 колеблется такое определение: «Само слово „эскалация" означает подъем. В языке современной прессы это „усиление" и обычно относится к военным действиям». Оценку 2 получили определения типа: «„Эскалация" — это наращивание военных действий» или «„Эскалация" — это непрерывное, плановое пополнение войск агрессивной стороной в той зоне, где ведется агрессивная война». Оценку 1 получает такое, например, определение: «„Эскалация" — это ведение необъявленной войны более мощным государством против более слабого»; «„Эскалация" — это упорная оборонительная война» и т. д.

За описанным этапом первичной обработки словаря следовал второй этап, на котором полученные оценки ранжировались по убыванию. В итоге такого их построения сразу же выделилась группа из 5 человек с очень высокими среднеарифметическими оценками: 2,4—2,6, оторвавшаяся от остальной массы испытуемых на показатель 0,3. Этот критерий (0,3), соответствующий знанию (или незнанию) в среднем 6 слов, был использован для выделения в остальном массиве еще четырех групп.

Таблица 2. Оценка знания «Общего словаря газеты»

Группа	Количественный состав, % (n=300)	Среднеарифметическая оценка за знание «Общего словаря газеты»
1-я	1,7	2,4—2,6
2-я	25,3	1,9—2,1
3-я	40	1,6—1,8
4-я	24,3	1,3—1,5
5-я	8,7	1,0—1,2
Итого	100	

Таким образом, весь массив оценок за «Общий словарь» естественным путем разбился на пять групп, а именно (табл.2):

Владение смысловыми элементами воспринимаемого текста (выяснение наличия признака Y). Вслед за оценкой владения общим словарем прессы оценивалось знание словаря «Текста-1». При оценке знания этого словаря в качестве средства контроля использовался перечень трудных слов этого текста, состоявший по преимуществу из экономических терминов.

Оценку 3 получал испытуемый, которому были понятны все слова списка; **оценку 2** — испытуемый, который понимал не более 50% слов списка; **оценку 1** получал испытуемый, которому были непонятны более 50% слов списка. **Оценки 2,5** (незнание в пределах трех слов) и 1,5 (незнание в пределах двенадцати слов) представлялись в качестве промежуточных.

В итоге испытуемые разбивались на пять групп по уровню владения словарем «Текста-1» (табл. 3):

Владение способами оперирования смысловыми элементами (вторичное разбиение массива испытуемых на группы по факту и уровню наличия признака Z). К инструкции по обработке итогов процедуры, служившей оценке интерпретации эталонного текста, прилагалась схема его содержательно-смысловой структуры. Оценивание интерпретаций производилось с привлечением этой схемы.

Оценки выставлялись следующим образом:

- *за адекватность интерпретации текста* — **оценки 3—2,5** (адекватная интерпретация) получал испытуемый, который любым способом (грамотно или неграмотно) передавал основную идею текста плюс некоторые элементы его содержания (3 — если передавалась цель сообщения и не менее чем основной тезис (А—1 эл.) предикации 2-го порядка, и 2,5 — если те же элементы передавались недостаточно грамотно или только в устном ответе, фиксированном в дневнике экспериментатора); **оценки 2—1,5** (неадекватная интерпретация) получал испытуемый, который любым способом (грамотно или неграмотно) передал более двух элементов общего содержания текста, не передав его основной идеи (2 — если передавались элементы предикации 2-го и 3-го порядка, и 1,5 — если передавалось более одного элемента предикации только 3-го и 4-го порядков). **Оценку 1** (интерпретация не состоялась) получал испытуемый, не передавший ни идеи, ни содержания текста (или передавший не более одного из элементов предикаций 3-го или 4-го порядка).

- *за некоторые виды внешних речевых умений*; а именно: а) умение организовать грамматическую структуру высказывания (согласование, порядок слов, орфография); б) умение организовать лексическую сторону высказывания (словоупотребление) — оценки также выставлялись по трехбалльной шкале с учетом шкалы оценок, принятой в методике школьного преподавания (за письменные работы). При этом оценки 3 и 2,5 приравнивались соответственно к школьным баллам 5 и 4, а оценки 2 и 1,5 — к школьному баллу 3. Оценка 1 соответствовала школьным баллам 2 и 1.

Итоги этого теста следующие (табл. 4).

Выявление семиотических групп. Весь массив испытуемых естественным образом распался на группы соответственно полученным сочетаниям значений трех признаков, а именно: признака X, характеризующего знание «Общего словаря»; признака Y — знание словаря «Текста-1» («экономического») и признака Z — адекватность интерпретации «Текста-1».

Таблица 3. Уровень владения словарем «Текста-1»

Группа	Оценка	Количество испытуемых, % (n=300)	Группа	Оценка	Количество испытуемых, % (n=300)
1-я	3	32	1-я	3	22,3
2-я	2,5	15	2-я	2,5	8
3-я	2	21,3	3-я	2	17,3
4-я	1,5	15	4-я	1,5	18,7
5-я	1	16,7	5-я	1	33,7
Итого		100	Итого		100

Таблица 4. Оценка интерпретаций эталонного текста

Пороговым значением признака **X** считалось наличие у испытуемого общей среднеарифметической оценки не ниже 1,6. (Знанием слова считалось наличие оценки от 1,5 до 3 баллов за его определение.) Если общая среднеарифметическая оценка была ниже 1,6, то считалось, что испытуемый «Общего словаря» не знает.

Пороговым значением признака **Y** считалась оценка 1,5 балла за словарь «Текста-1». Меньшее значение признака свидетельствовало о том, что испытуемый словаря не знает.

Решающим при отнесении испытуемого к той или иной семиотической группе являлся признак **Z**, характеризующий адекватность интерпретации текста.

Пороговым значением для признака **Z** считалась оценка 2,5 балла. Оценки 2 и 1,5 балла рассматривались как неадекватная интерпретация, что обозначалось индексом **Z'**. Оценка 1 свидетельствовала о полном отсутствии интерпретации. В случаях, когда значение признака превышает пороговое, мы будем говорить о наличии этого признака. Отсутствие какого-либо дополнительного значка у символа, совпадающего с признаком, означает высокое значение данного признака; апостроф у символа означает среднюю степень значения признака; черта над символом означает подпороговое значение признака, или, иначе, отсутствие этого признака.

На основании собранного эмпирического материала весь массив испытуемых распался на семь семиотических (семиосоциопсихологических) групп (соответственно сочетаниям значений признаков, характеризующим уровень речевых умений).

Группа I — все три признака имеют высокие значения: оценки 1,9—2,6 — за знание «Общего словаря» и оценки 2,5—3 балла — по двум другим признакам. Это группа **XYZ**.

Группа 2 — среднее значение всех трех признаков, т. е. оценки 1,6—1,8 — за знание «Общего словаря» и оценки 1,5—2 балла — по двум остальным признакам. Это группа **X'Y'Z'**.

Группа 3 — малые значения всех трех признаков с оценками 1,0—1,5 — за знание «Общего словаря» и с оценками 1 — по двум другим показателям или группа **X*Y*Z***.

Группа 4 — наличие признаков *X* и *У*, знание двух словарей

(оценки 1,9—2,6 — за знание «Общего словаря», 1,5—3 балла — за знание словаря текста) при неумении ими оперировать (оценка 1 — за интерпретацию текста), т.е. группа ***XYZ****.

Группа 5 — наличие признака «знание "Общего словаря газеты"» (оценка 1,6—2,6 — за знание «Общего словаря») при отсутствии других признаков (оценка 1— за словарь «Текста-1» и интерпретацию названного текста), т. е. группа ***XY*Z****.

Группа 6 — наличие признака «знание словаря "Текста-1"» (оценка 1,5—3 — за знание этого словаря) при отсутствии других признаков (оценка 1,0—1,5 — за «Общий словарь газеты» и 1 — за интерпретацию текста), т. е. группа ***X*YZ****.

Группа 7 — наличие признаков *У* и *Z*, т. е. знание «словаря "Текста-1"» и адекватная интерпретация названного текста (оценка 1,5—3 — за «словарь "Текста-1"»; 2,5—3 — за интерпретацию текста и 1,0—1,2 — за «Общий словарь газеты»), т. е. группа ***X*YZ***.

При этом практически не оказалось группы испытуемых с сочетанием признаков ***XY*Z*** (знание только общего словаря газеты + интерпретация текста), а также группы испытуемых, обладающих комбинацией значений признаков ***X*Y*Z*** (т. е. интерпретирующих текст, не зная его словаря) (табл. 5).

Итак, самой многочисленной оказалась группа ***XYZ**** и самой малочисленной — группа ***X*YZ***.

Общая типологическая характеристика семиотических групп. Как очевидно из самой типологии, знание элементов подъязыка той сферы социальной коммуникации, в рамках которой порожден данный текст, равно как и элементов самого этого текста, отнюдь не означает владения способами оперирования названными элементами. В итоге в нашей аудитории коммуникатор, рассчитывающий на адекватную интерпретацию сообщения, передаваемого на языке средств массовой коммуникации, ошибался едва ли не в 7 случаях из 10. При этом последнее не всегда зависело от самого коммуникатора, вернее, от признаков передаваемого им сообщения.

Таблица 5. Семиосоциопсихологическая структура опрошенной аудитории

Семиотическая группа	Сочетание признаков	Величина группы, % к общему числу испытуемых	Семиотическая группа	Сочетание признаков	Величина группы, % к общему числу испытуемых
1-я	<i>XYZ</i>	12	5-я	<i>XY*Z*</i>	12
2-я	<i>X'Y'Z'</i>	17	6-я	<i>X*YZ*</i>	6
3-я	<i>X*Y*Z*</i>	13	7-я	<i>X*YZ</i>	2
4-я	<i>XYZ*</i>	32			

Видимо, названная характеристика заложена в типе семиосоциопсихологической организации личностного языкового сознания, обуславливающего факт различного прочтения одних и тех же текстовых материалов представителями разных семиотических групп, в силу различий в самих тактиках таких прочтений, приводящих в ряде случаев к весьма существенным отклонениям в интерпретациях от авторских замыслов.

Охарактеризуем основные особенности перечисленных в табл. 5 семиотических групп.

Наиболее высокий уровень коммуникативно-познавательных умений и навыков при соответственно высоком уровне перцептивной готовности характерен для первой семиотической группы. Основная присущая ей черта — готовность и умение интерпретировать текст в соответствии с коммуникативным намерением партнера по общению. Вошедшие в эту группу индивиды, обладая аналитическими способностями и достаточно большим запасом знакомых смысловых элементов экспериментального подъязыка, извлекали из текста как «первичную» (связанную с основной коммуникативной интенцией его автора), так и вторичную (сопутствующую, побочную для основной коммуникативной интенции автора текста, по той или иной причине существенную для реципиента) смысловую информацию, что позволяло не только обеспечивать эффективность, но и корректировать в этом плане ход знакового общения. К этой группе примыкает по своим характеристикам седьмая семиотическая группа, отличие которой состоит лишь в значительно более низком уровне владения элементами экспериментального подъязыка, что, по-видимому, компенсировалось весьма высоким уровнем перцептивной готовности.

Вторая семиотическая группа отличалась средней перцептивной готовностью и средним уровнем коммуникативно-познавательных умений. Основная присущая ей черта — ориентация не на цель общения, а на его общее содержание, на тему общения. Этому соответствовал и средний уровень владения смысловыми элементами экспериментального подъязыка: интерпретация значений слов лишь на уровне их употребления в данной сфере социальной коммуникации. Понимая общее содержание текста, реципиенты этой группы неадекватно интерпретировали текст, хоть и улавливали некоторые существенные элементы его общего содержания.

Третья семиотическая группа практически не могла интерпретировать предложенный текст, поскольку основная присущая ей черта состояла в полном отсутствии приобщенности к подъязыку исследуемой сферы социальной коммуникации, как и к словарю экспериментального текста. Судить о перцептивной готовности испытуемых, вошедших в эту группу, не представлялось возможным, поскольку таковая готовность может формироваться лишь на определенной базе.

Наиболее многочисленной оказалась четвертая семиотическая группа. Основная присущая ей черта — неадекватное оперирование хорошо знакомыми смысловыми элементами подъязыка исследуемой сферы социальной коммуникации. В состав этой группы вошли испытуемые, которые, хорошо владея обоими предъявленными для интерпретации словарями, давали неадекватную интерпретацию текста, порожденного на том же подъязыке. Они лишь частично передавали элементы общего содержания текста, не улавливая цели сообщения, коммуникативного намерения его автора. Эта группа к тому же характеризовалась низким уровнем перцептивной готовности, поскольку вместо того, чтобы извлекать из текста коммуникативное намерение партнера по общению, идентифицироваться с ним, входящие в нее испытуемые лишь «самопрезентировались» в знаковом общении, порождая встречные тексты с иными смысловыми «фокусами». Происходило смещение акцентов знакового общения, в той или иной степени разрушающее механизм взаимодействия, если предположить, что при определенных условиях общающиеся стороны будут стремиться к такому. Извлечение только побочной, вторичной для данного текста смысловой информации было характерно и для индивидов, вошедших в пятую и шестую семиотические группы. Вместе с тем ситуация в пятой семиотической группе в известной мере оказалась аналогичной ситуации в третьей, а ситуация в шестой — ситуации в четвертой группе.

Представляется целесообразным высказать здесь некоторые соображения, связанные со стабильностью выявленных типологических характеристик семиотических групп, возможностью формирования адекватной целям общения перцептивной готовности и соответствующих такой готовности коммуникативно-познавательных умений и навыков. Вопрос этот в немалой степени связан и с проблемой генезиса (становления) указанных групп, который сам по себе заслуживает специального исследования. Тот факт, что лица, вошедшие в четвертую семиотическую группу, как и в шестую, не давали адекватной интерпретации тексту, будучи в весьма высокой степени приобщены к характерным для экспериментального подъязыка наборам отдельных словесных знаков, означает, по-видимому, весьма высокую стабильность указанной характеристики.

Что касается третьей, пятой, а в известной мере и второй семиотических групп, то здесь отсутствие (в третьей и пятой — почти полное, во второй — частичное) приобщенности к ключевым элементам экспериментального подъязыка позволяет предполагать перспективность возможных педагогических усилий, направленных на формирование не только соответствующих знаний, но и коммуникативных умений, и необходимой для адекватного общения перцептивной готовности. Иными словами, эти группы могли бы быть, по-видимому, «расформированы» и члены их разведены по другим семиотическим группам в ходе обучения.

Осознание смысловых стереотипов и информационно-познавательные интересы.

Группы испытуемых, различавшихся мерой осознания смысловых стереотипов, предложенных в эксперименте, выявлялись на основе ассоциативного теста, итоги которого оценивались по трехбалльной шкале.

Оценку 1 испытуемый получал в том случае, когда возникшие у него ассоциации к опорному слову клишированного словосочетания отличались от ожидаемых. **Оценка 2** ставилась при совпадении возникающих у испытуемого ассоциаций с шаблоном. **Оценку 3** испытуемый получал, если, кроме шаблонной, он находил ряд других ассоциаций. Затем выводилась общая оценка, вычисляемая путем деления суммы баллов, полученных одним испытуемым, на 50 (число слов в карточке теста). Полученная таким образом среднеарифметическая оценка подлежала, однако, качественному контролю.

Приведем ряд примеров, иллюстрирующих оценки ответов по этому тесту. **Оценку 1** получили, например, ассоциации типа: «уголки тетради, чемодана, памяти, души.. .» (эталон: «уголки отдаленные»); «путевка в Крым, в Мексику, в санаторий...» (эталон: «путевка в жизнь»); «вскрывать консервную банку, конверт, сейф...» (эталон: «вскрывать недостатки»); «на грани любви, замужества, скандала, безумия...» (эталон «на грани войны»); «гонка зверей, велосипедов...» (эталон: «гонка вооружений»); расписываться в загсе, в дневнике...» (эталон: «расписываться в бессилии»); «люди нормальные, непонятные, трудные, грубые, хитрые...» (эталон: «люди доброй воли»); «инициатива моя, вредная...» (эталон: «инициатива творческая»); «дружба семейная...» (эталон: «дружба вечная, нерушимая»); «вносить воду, мебель, ухват...» (эталон: «вносить вклад»); «показатели десятичные...» (эталон: «показатели трудовые, высокие»); «предмет печали...» (эталон: «предмет обсуждения, разговора») и т. д.

Естественно, что оценка 1 являлась таковой лишь относительно экспериментальной языковой подсистемы. Иными словами, коль скоро нас интересовала степень стереотипизации в личностном сознании готовых языковых формул, предлагаемых языковой подсистемой вполне определенной сферы социальной коммуникации, то сам факт возникновения ассоциаций из иных сфер социальной коммуникации мог в равной мере свидетельствовать как о «незаштампованности» предложенного клише в сознании испытуемого, так и о преодолении соотносимого с ним смыслового стереотипа.

Различению первых от вторых способствовал дополнительный расчет общего соотношения оценок 3, 2, 1 в карточке испытуемого, позволявший контролировать отнесение испытуемых к той или иной группе осознания предлагавшегося набора смысловых стереотипов.

Приводить в качестве примера ответы на оценку 2 не имеет смысла, они совпадают с шаблоном и являются, как и следовало ожидать, самыми распространенными.

Примером ассоциативных связей на оценку 3 могут служить такие ответы одного и того же лица: «путевка в жизнь, в санаторий, в дом отдыха»; «нить красная, серебряная,

золотая, льняная, тонкая, длинная»; «атмосфера дружеская, теплая, земная, труда, любви, заботы»; «выполнить план, задание, условие, обещание, упражнение, требование» и т. д.

При наличии определенного числа таких ответов в карточке испытуемого ответы на оценку 1 рассматривались как преодоленные смысловые стереотипы. Это достигалось, как отмечалось выше, посредством контрольного соотнесения числа различных оценок на карточке теста. Дело в том, что названное соотнесение оценок, имевшее существенное значение для тех или иных выводов относительно каждого испытуемого, могло не оказывать влияния на среднеарифметическую величину этих оценок.

Скажем, средний балл испытуемого, получавшего за все ответы оценку 2, оказывался равным среднему баллу испытуемого, получившего одинаковое число оценок 1 и 3.

В результате частотного анализа среднеарифметических оценок, полученных испытуемым по этому тесту, с параллельным частотным анализом соотносимых им распределений оценок по его строкам был введен следующий способ контроля при разнесении массива испытуемых по группам: **к первой группе** («осознающие и преодолевающие штампы») причисляли испытуемых с относительным превосходством оценок 3 (т. е. когда оценок 3 было больше, чем 2 и 1 по отдельности); **во вторую группу** («выраженные штампы сознания») вошли испытуемые с относительным превосходством оценок 2; **в третью группу** вошли испытуемые с относительным превосходством оценок 1, однако относить их к этой группе разрешалось лишь при условии наличия не более пяти троек, при числе двоек не более семнадцати-восемнадцати. При наличии более пяти троек и семнадцати-восемнадцати двоек испытуемый входил во вторую группу. Скажем, испытуемый, имеющий 7 оценок 3, 20 оценок 2 и 23 оценки 1, входил во вторую группу, несмотря на относительное преобладание оценок 1.

По итогам этой процедуры была получена табл. 6.

Таким образом, как уже указывалось, наиболее многочисленной оказалась вторая группа, для которой основная масса предложенных словосочетаний — вполне выраженные «формулы» сознания.

Если в соответствии с одним из основных положений настоящего исследования учесть, что эффект смыслового контакта возникает при наложении преобразованной по законам текстовой деятельности системы параметров языкового сознания интерпретатора на систему преобразованных по тем же законам языковых параметров текста, то можно себе представить, что не только элементы тезауруса, которым располагает реципиент, вошедший в первую группу («преодоленного штампа»), суть извлечения из самых разнообразных и многочисленных источников информации, помимо средств массовой коммуникации, но что и свобода оперирования этими элементами в общении у него выше. Такой реципиент извлекает даже из газетного текста намного больше смысловой информации, чем реципиент другого, скажем второго, типа. И «старое», т. е. неоднократно повторенное, и «новое», т. е. впервые упомянутое, может оказаться одинаково информативным для такого читателя в силу того, что он как бы вышел за рамки узкой сферы употреблений в значительно более широкую систему

взаимосвязей между общими значениями, представляющую ему самые разнообразные альтернативы.

Таблица 6. Количественный состав групп в зависимости от уровня смысловых стереотипов

Группа по осознанию смысловых стереотипов	Величина группы, % к числу испытуемых (n=300)
1-я	15,0
2-я	58,0
3-я	27,0
Итого	100

Несколько иным представляется тот же процесс у средней, второй, группы по отношению к штампам. Здесь, скорее всего, имеет место «слияние» языкового сознания реципиента со сферой употреблений слов; происходит нечто вроде естественного вхождения в названную сферу. В этом случае информативны лишь новые элементы и новые связи, обращающие на себя внимание нарушением устоявшихся чисто формальных ассоциаций. Пути языкового мышления в процессе информирования здесь в достаточной мере предопределены, способность сопротивления к средствам формального выражения крайне низка, так как им нечего противопоставить. В данном случае мы, скорее всего, имеем дело не с общением через текст, а лишь с текстовым программированием.

Что касается третьей группы, то всякое «видение извне» или «вхождение в сферу употреблений», здесь исключено (особенно первое). Информирование и управление через текст происходит одновременно, причем первое не совсем адекватно. Значимость клишированной информации в этом случае может оказаться значительно выше, чем неклишированной, в силу, казалось бы, большей ее доступности пониманию.

Такое рассуждение в достаточной мере гипотетично. Со временем было бы интересно глубже разобраться в данной проблеме, а также тщательно проанализировать состав названных выше групп, исходя как из объективных, так и субъективных признаков. В настоящей работе мы не станем подробнее анализировать состав групп по отношению к штампам, но воспользуемся этим критерием при характеристике состава семиотических групп.

Группы информантов, различавшихся направленностью информационно-познавательных интересов, выявлялись на основе теста «Номиналии», итоги которого контролировались содержанием ответов, полученных на вопрос анкеты: «Какие вопросы (проблемы, разделы) интересуют Вас в газетах в первую очередь?», а также ответов на вопросы, касавшиеся понравившихся публикаций и предпочитаемых изданий прессы.

Здесь мы не будем специально останавливаться на технике оценивания итогов этой процедуры в силу ее вспомогательного характера. Ограничимся пояснением того, что ключом к ней служил эталон, где имена представителей разных сфер социально-культурной деятельности (писателей, композиторов, художников, ученых, политических деятелей и спортсменов) были сведены в две «профилирующие» группы с кодовыми названиями «общекультурная ориентация» и «узкоспециальная ориентация», а также в так называемые «группы сложности», в которых различались имена, входящие в школьную программу и часто упоминаемые средствами массовой коммуникации, и имена, знакомство с которыми могло свидетельствовать о наличии той или иной сферы (сфер) целенаправленного познавательного интереса.

По итогам вторичной обработки данных, полученных на основе теста «Номиналии» с применением соответствующего контроля, были выявлены три группы испытуемых.

В первую группу вошли испытуемые с выраженным интересом к какой-либо из сфер социально-культурной деятельности, представленных «Номиналиями». **Во вторую группу** — те испытуемые, которые были приобщены к «Номиналиям» лишь в той мере, в какой они популяризировались средствами массовой коммуникации. **В третью группу** были включены испытуемые, отличавшиеся выраженным отсутствием интереса к сферам социально-культурной деятельности, представленным «Номиналиями».

Кроме того, первая и вторая из названных групп были подразделены на подгруппы *a* и *б* в зависимости от того, выпадала ли «сфера общего культурного знания» (естественно, в той мере, в какой она была представлена «Номиналиями» и анкетой) из области их интереса (внимания).

В итоге испытуемые естественным образом распределились по группам, которые имели следующий количественный состав (табл. 7).

В состав первой из этих групп вошли люди, чьей отличительной особенностью явился сам факт наличия выраженного интереса к тем или иным сферам социально-культурной деятельности, представленным «Номиналиями». Об этом свидетельствовал высший балл за приобщенность хотя бы к одной из таких сфер.

Таблица 7. Распределение массива испытуемых по группам ориентации на социально-культурные сферы жизни общества

Группа по направленности информационно-познавательных интересов	Величина групп, % к общему числу испытуемых ($n = 300$)
1-я	8,7
а	19,7
б	28,4
2-я	24,7
а	34,7
б	59,4
3-я	12,3
Итого	100
	100

В целом эта группа включала в себя почти треть испытуемых (~29%), из которых, однако, основная ее часть хорошо знала имена политических деятелей и спортсменов и лишь около 9% проявили интерес к общекультурной информации. Об этом свидетельствовали и ответы, полученные от тех же испытуемых на соответствующие вопросы анкеты.

Вторая группа, демонстрировавшая среднюю (на уровне СМК) приобщенность к сферам социально-культурной жизни общества, представленным «Номиналиями», составила, как следует из табл. 7, абсолютное большинство (~60%). Третья, сравнительно небольшая по величине группа испытуемых (~ 12%), обнаружила столь низкую степень знакомства с «Номиналиями», что вошедшие в неё испытуемые, как уже отмечалось выше, рассматривались как не обнаруживающие интереса ни к одной из сфер социально-культурной жизни, представленных «Номиналиями». Так, например, более половины испытуемых, вошедших в эту группу, назвали В. Шекспира — композитором, а Э. Ремарка — художником.

Ниже мы рассмотрим информационно-познавательные интересы в числе других дополнительных характеристик семиотических групп.

§ 2. Состав семиотических групп: субъективные и объективные характеристики

Наряду с субъективными признаками, выявленными по итогам тестовых процедур, при характеристике семиосоциопсихологических групп рассматривалась также теснота связи уровня семиосоциопсихологической подготовки с владением иностранным языком (языками), а также влияние на его формирование некоторых дополнительных видов занятий, таких, как занятия музыкой, живописью, спортом.

Табл. 8 демонстрирует распределение названных здесь признаков в семиотических группах. В таблице прослеживается преобладание признака «осознание и преодоление смысловых стереотипов» в первой семиотической группе. Зато в третьей семиотической группе столь же высок процент испытуемых, для которых большая часть предложенных языковых клише «штампами сознания» не является, а значит, вполне информативна. Преобладание «неосознанно употребляющих штампы» во второй и четвертой семиотических группах представляется вполне закономерным, так же как и в пятой, где основные сведения, которыми располагали испытуемые, сводились к знакомству с общим словарем газеты. Основной состав шестой семиотической группы не воспринимал предложенные языковые клише как «штампованные». Что же до седьмой семиотической группы, то по причине ее малочисленности какие-либо выводы делать трудно, хотя распределение в ней рассматриваемых признаков, как и в предыдущих случаях, представляется отвечающим специфике группы.

Таблица 8. Сводная таблица распределения субъективных признаков, а также владения иностранным языком и дополнительных видов занятий в семиотических группах (в % к составу семиотических групп).

Семиотическая группа	Группа осознания смысловых признаков			Группа информационно-познавательного интереса					Владение иностранными языками					Дополнительные виды знаний			
	1-я	2-я	3-я	1-я		2-я		3-я	не владеет	одним пассивно	двумя пассивно	одним свободно	двумя свободно	музыка	живопись	спорт	ничем
				а	б	а	б										
1-я	50	36	14	42	31	19	8	-	27	58	5	8	2	34	11	27	36
2-я	6	79	15	7	33	33	27	-	56	44	-	-	-	13	2	44	40
3-я	-	44	56	-	7	3	49	41	89	9	-	2	-	5	-	15	80
4-я	20	65	15	6	24	34	33	3	60	39	-	-	1	16	6	23	61
5-я	8	70	22	-	6	36	38	17	65	32	3	-	-	11	3	28	58
6-я	6	22	72	-	6	6	71	17	83	17	-	-	-	6	-	11	83
7-я	-	80	20	-	20	40	20	20	100	-	-	-	-	-	20	-	80

*показатели в таблице округлены до целых чисел; суммы свыше 100% в строке означают наличие в группе людей, имевших несколько дополнительных занятий.

Иными словами, практически во всех случаях прослеживалась заметная связь между уровнем семиосоциопсихологической подготовки и мерой осознания смысловых стереотипов, заключенных в готовые языковые формулы.

Что касается распределения информационно-познавательных интересов, то в первой семиотической группе весьма заметно преобладающее (по сравнению с другими семиотическими группами) наличие признака «целенаправленный информационно-познавательный интерес», при особенно заметном внимании к общекультурной сфере. Во второй семиотической группе преобладающей явилась приобщенность к представленным «Номиналиями» сферам социально-культурной жизни «на уровне» их популяризации средствами массовой коммуникации. Та же часть группы, в которой присутствовал признак «целенаправленный интерес», в основном проявляла интерес к сферам политики и спорта. В третьей семиотической группе была обнаружена лишь средняя (в основном на уровне популяризации СМК) приобщенность к сферам политики и спорта. При этом 40% этой группы обнаружили полное отсутствие каких-либо информационно-познавательных интересов в рамках тех социально-культурных сфер, которые были представлены «Номиналиями». Четвертая семиотическая группа по распределению данного признака весьма близка ко второй, поскольку интересы её членов также удовлетворялись средствами массовой

информации. Пятая группа, неплохо владеющая общим словарем газеты, обнаружила в основном среднюю приобщенность ко всем сферам социально-культурной жизни, представленным «Номиналиями». 70% от шестой семиотической группы обнаружили среднюю приобщенность к узкому кругу «Номиналий» – из области политики и спорта. Относительно равномерное распределение признака «информационно-познавательный интерес» с преимущественной приобщенностью к сфере общей культуры «на уровне» средств массовой коммуникации обнаружилось в седьмой семиотической группе.

Таким образом, во всех случаях, кроме четвертой семиотической группы, прослеживалась весьма заметная связь между семиосоциопсихологическим уровнем и наличием и направленностью информационно-познавательных интересов.

Проследим далее взаимосвязь между уровнем семиосоциопсихологической подготовки и владением иностранными языками.

Крупнейший языковед Л.В.Щерба писал: «Изучение иностранного языка является, с одной стороны, наилучшим средством для познания родного языка, а с другой – для философского его преодоления и для развития диалектического мышления»³. Доказывая это предположение на многочисленных примерах, цитируемый автор отмечал, что, «только когда появляется термин для сравнения... начинает делаться возможным освобождение мысли из плена слова, только тогда мы можем возвыситься до подлинной абстракции, только тогда мы можем преодолеть все те пережитки в языке, которые сковывают по рукам и по ногам самую нашу мысль»⁴.

Таким образом, подтвердившееся в итоге эксперимента предположение о вероятном положительном влиянии владения иностранными языками на уровень семиосоциопсихологической подготовки не было случайным. Обученность сознательному оперированию языковыми моделями, освоение системных языковых связей, расширение круга известных понятий и разного рода оттенков смысла — все это самым положительным образом влияет на умение оперировать смысловой информацией. Естественно, что наиболее существенное влияние оказывает свободное владение иностранными языками. В первой семиотической группе таких оказалось всего 11%. Вместе с тем 70% этой группы знают иностранные языки, 40% из них применяет свои знания на практике для чтения литературы по специальности, а также интересующих их книг, газет и журналов. Во всех остальных группах лиц, активно владеющих иностранным языком, не оказалось (или почти не оказалось). Что до пассивного владения иностранным языком, то оно обращает на себя внимание во второй (44%), четвертой (39%) и пятой (35%) семиотических группах. В

---

³ Щерба Л.В. О взаимоотношениях родного и иностранного языка. – В кн.: Языковая система и языковая деятельность Л., 1974, с. 341.

⁴ Там же.

последних двух случаях связи между названным признаком и семиосоциопсихологическим уровнем практически не обнаружилось, что делает возможным предположение о существовании семиотических групп, плохо поддающихся обучению умениям и навыкам оперирования смысловой информацией. Небольшая седьмая семиотическая группа, где лиц, владеющих иностранным языком, не оказалось, представляется, однако, весьма перспективной именно в плане ее обучения. По-видимому, различение семиотических групп может представлять весьма существенный интерес для методики преподавания иностранных языков. Скажем, в необученной аудитории было бы сравнительно нетрудно выявить лиц, принадлежащих к седьмой семиотической группе, а именно людей, наиболее способных к языку. В обученной же аудитории можно было бы выявить людей, принадлежащих к четвертой семиотической группе, т.е. лиц, наименее способных к адекватному оперированию смысловыми единицами.

Представляет также известный интерес прослеживаемая обусловленность уровня семиосоциопсихологической подготовки характером получаемого круга знаний в процессе социализации, придающим определенную специфику коммуникативному окружению индивида. Эта связь наиболее заметно прослеживается в первой и третьей семиотических группах, тем более что в остальных мы имеем дело с преимущественным отсутствием каких-либо дополнительных интересов, кроме спортивных. И только в четвертой семиотической группе процент занимавшихся музыкой и живописью в общем почти равен проценту лиц, занимавшихся спортом. Иными словами, только здесь не обнаруживается никакой достаточно определенной связи между уровнем (характером) образования (воспитания) и семиосоциопсихологическими характеристиками.

Подводя некоторые итоги распределения признаков, характеризующих определенные виды «тренированности» языкового сознания личности, в их отношении к уровню семиосоциопсихологической подготовки мы невольно приходим к выводу о наличии весьма тесной связи между семиосоциопсихологическим уровнем и этими признаками. Это, с одной стороны, позволяет полнее охарактеризовать условные семиотические группы, а с другой — ставить вопрос не только об их выявлении, но и об их формировании по совокупности существенных признаков или о тренинге, позволяющем вырабатывать навыки адекватного оперирования смысловой информацией не только в обучении адекватной интерпретации разнотипных и разнохарактерных текстов, но и в ходе всего процесса формирования личности человека в обществе.

Распределение демографических и социальных признаков в семиотических группах. Рассмотрим теперь, как распределились в семиотических группах такие демографические и социальные признаки, как пол, возраст, уровень образования, профессия, а

также образовательный уровень и социально-профессиональная группа родителей (табл. 9 и 10).

Как видно из табл. 9, в первой семиотической группе по преимуществу мужчины, то же самое — во второй. В третьей группе, характеризующейся практическим отсутствием семиосоциопсихологических умений и навыков, оказались по преимуществу женщины. Дополнительный анализ причин этого различия на основе «паспортных» анкетных данных выявил опосредованность этого явления разницей в уровне и характере образования. В составе четвертой семиотической группы, характеризующейся знанием отдельных смысловых элементов при неумении ими оперировать, мужчин оказалось на 12% больше, чем женщин (признак «уровень образования» оказался несущественным для этой семиотической группы). В пятой и шестой семиотических группах картина обратная. При этом женщин в пятой группе значительно больше, а в шестой незначительно. Возможно, это объясняется характером двух предъявлявшихся для интерпретации словарей — пятая семиотическая группа хорошо знакома с «Общим словарем газеты», второй же словарь (экономический), требующий более специализированных знаний, ей знаком меньше.

Различия в возрастном распределении обращают на себя внимание в первой и второй, а также в пятой и шестой семиотических группах. Скорее всего, в первом случае это можно объяснить тем, что 30-49 лет — возраст наиболее активной деятельности. Соответственно те умения и навыки, которые приобретает человек в этом возрасте, не только уже сформированы, но и наиболее ярко проявляются. Не случайно группа «50 лет и старше» здесь представлена почти в той же степени. Во второй группе (умения на среднем уровне) — в основном молодежь. Это также представляется естественным, так как можно предположить вероятность постепенного перехода учащихся на более высокий семиосоциопсихологический уровень (те же из них, кому это не удалось, в ряде случаев, возможно, просто недоучились).

Таблица 9. Сводная таблица распределения демографических и социальных признаков в семиотических группах (в % к составу групп) *

Семиоти- ческая группа	Демографические и социальные признаки									Социально-профессиональные признаки				
	Пол		Возраст, лет			Уровень образования				Р	РСО	Сл.	ИТР	Инт.
	м	ж	18—29	30—49	50 лет и старше	До клас- сов	7 клас- сов	7—9 клас- сов	сред- нее					
1-я	64	36	22	42	36	—	—	28	72	—	6	13	28	53
2-я	60	40	40	30	30	6	14	44	36	13	24	21	21	21
3-я	30	70	39	30	31	54	32	14	—	43	50	—	2	5
4-я	56	44	31	39	30	7	8	58	27	19	15	30	22	14
5-я	40	60	42	25	33	14	39	44	3	53	22	—	14	11
6-я	45	55	11	28	61	17	11	55	17	22	44	22	12	—
7-я	60	40	40	20	40	—	20	80	—	—	20	60	20	—

*Показатели в таблице округлены до целых чисел.

Таблица 10*. Образовательный уровень родителей (в % к составу семиотических групп)

Семиотическая группа	Образование									Социально-профессиональная группа родителей (в % к составу семиотических групп)				
	без образования	до 4 классов	4—6 классов	7—9 классов	среднее общее	среднее специальное	незаконч. высшее	высшее	имеют (имели) ученую степень	Р	РСО	Сл.	ИТР	Инт.
1-я	2	30	8	11	14	17	6	14	—	42	2	31	8	17
2-я	10	33	11	10	6	17	4	7	2	50	10	18	12	12
3-я	26	28	23	18	2	3	—	—	—	89	2	5	—	4
4-я	11	44	9	8	9	11	2	5	1	61	16	11	5	7
5-я	9	31	22	9	9	6	14	—	—	76	6	9	6	3
6-я	17	44	22	6	—	—	—	11	—	78	6	6	—	10
7-я	40	—	20	20	—	20	—	—	—	40	20	20	20	—

*Показатели в таблице округлены до целых чисел.

Пятая группа также в основном представлена молодежью, так как в условиях интенсивного проникновения средств массовой коммуникации практически в каждый дом «Общий словарь газеты» усваивается значительно раньше, чем словарь специализированный, о чем, по-видимому, и свидетельствует преимущественное количество читателей в возрасте 50 лет и старше, вошедших в шестую семиотическую группу. Вместе с тем в последнем случае знание специализированного словаря не обязательно связано с полученным образованием. Характер деятельности и опыт знакового общения могут сыграть роль не меньшую в процессе усвоения специализированных словарей, во всяком случае в той их части, которой активно оперируют средства массовой коммуникации.

Обращает на себя внимание весьма явная корреляция состава некоторых семиотических групп с уровнем образования. Это в первую очередь относится к первой группе, куда попали только лица со средним и высшим образованием. Во второй группе оказались по преимуществу лица со средним образованием. Вместе с тем тут также немалый процент лиц с высшим образованием, что, по-видимому, означает, что для ряда читателей средний уровень коммуникативно-познавательных умений — характеристика весьма стабильная. Отсутствие лиц с высшим образованием в третьей семиотической группе при большом числе тех, кто имеет образование 6 и 7—9 классов, вряд ли требует комментариев. Зато чрезвычайно любопытное распределение признака «образование» в четвертой группе обращает на себя внимание стабильностью характеристики, о которой уже говорилось. Под стабильностью характеристики имеются в виду весьма малые потенциальные возможности к ее изменению. Как видно, в четвертой семиотической группе мы сталкиваемся именно с таким случаем, когда повышение уровня образования вряд ли может что-либо изменить (процент лиц со средним и высшим образованием здесь значительно выше, чем лиц с низким образованием). Тут требуется, на

наш взгляд, специальный семиосоциопсихологический тренинг. В группах пятой и шестой весьма низок процент лиц с высшим образованием, что позволяет предполагать (особенно для группы XYZ) возможность перехода из этих групп в другие. Естественно, что такой переход может совершиться как в первую или вторую, так и в четвертую семиотическую группу. Делать выводы по седьмой группе мы и тут, естественно, не можем. Вместе с тем сам факт адекватного оперирования ограниченным набором языковых элементов, которым располагают испытуемые, вошедшие в эту группу, заставляет считать их весьма способными к обучению людьми.

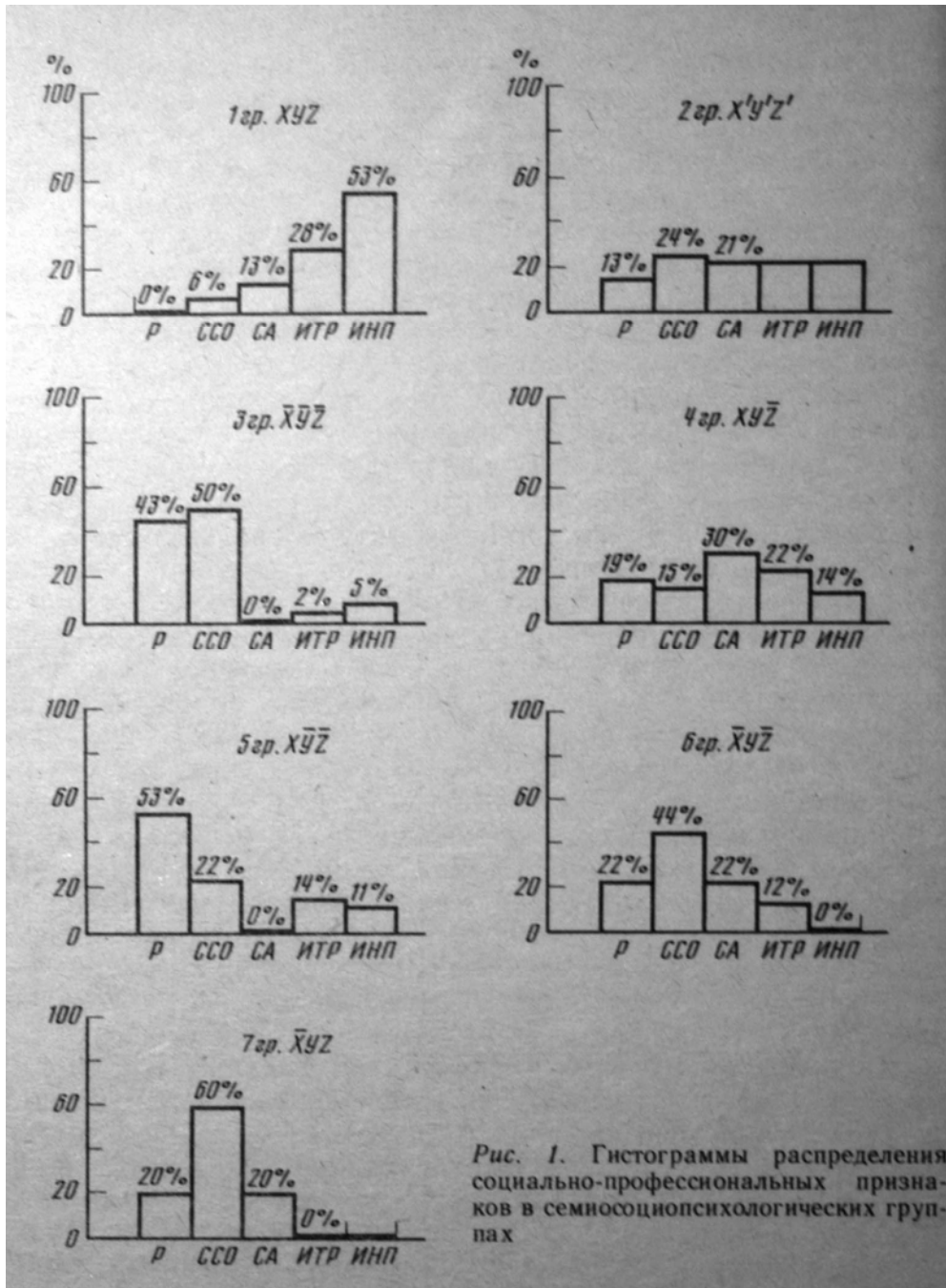
Нагляднее распределение социально-профессиональных признаков в условных семиотических группах изображено на рис. 1, который позволяет составить довольно четкое представление о неустойчивом и неравномерном распределении этих признаков в названных условных группах.

Если в первой семиотической группе еще обращает на себя внимание количественное превосходство интеллигенции, занятой не на производстве, как в третьей группе — ее отсутствие, то это характеристика, теснейшим образом связанная с образованием. Зато вторая и четвертая семиотические группы дают распределение почти равномерное. В пятой и шестой группах преобладают представители профессий, не требующих высокого образовательного уровня. В седьмой же семиотической группе, показавшей высокий уровень перцептивной готовности и соответствующих умений, интеллигенция, занятая не на производстве, практически отсутствует.

Выявление того, в какой мере уровень семиосоциопсихологической подготовки реципиента связан с образовательным уровнем и социально-профессиональными характеристиками родителей, представляет интерес применительно к оценке влияния той среды, в которой рос и воспитывался человек. С данным обстоятельством в известной мере может быть связан процесс формирования языкового сознания личности, так как специфика коммуникативного окружения, по-видимому, накладывает немалый отпечаток на ее тезаурус и умение им оперировать.

Распределение указанных признаков в семиотических группах представлено в табл. 10.

Обращает на себя внимание в общем невысокий уровень образования родителей. В основном он не превышает уровня средней школы при подавляющем числе лиц с образованием до 6 классов, за исключением первой и частично второй семиотических групп, где распределение образовательного уровня родителей сравнительно ровное. Аналогично распределение социально-профессиональных признаков. Подавляющее большинство родителей — рабочие. В относительно заметном количестве интеллигенция представлена

только в первой и второй группах при ее практическом отсутствии в третьей. В четвертой, пятой и шестой группах уровень образования родителей и их социально-профессиональные характеристики распределились сравнительно ровно при некотором преобладании родителей из числа интеллигенции в четвертой семиотической группе.

Вместе с тем общий вывод о важной роли образования в формировании того или иного уровня семиосоциопсихологической подготовки, по-видимому, менее существен, когда дело касается родителей. Иными словами, семиосоциопсихологический уровень и перцептивная готовность реципиента, по-видимому, формируются вне прямой связи с

образовательными и профессионально-квалификационными характеристиками членов его семьи и в большей мере обусловлены его собственными умениями и навыками, приобретенными в процессе его социально-культурной деятельности, мерой развития творческого потенциала, в принципе присущего любому человеку.

Итак, если вообразить аудиторию перед лицом смысловой информации в предлагаемом семиосоциопсихологическом разрезе, то окажется, что мы имеем дело с весьма специфической социально-психологической характеристикой, смешивающей объективные — демографические и социальные — признаки, стирающей линии, казалось бы, объективно существующих границ, позволяющей говорить о реальной тенденции к социально-культурной однородности, проявляющейся прежде всего в общественной психологии людей. Если с точки зрения демографических и профессиональных признаков состав семиотических групп весьма разнороден и лишь в разных случаях и в разной мере с ним связан или ими обусловлен, то он значительно больше связан с другими семиосоциопсихологическими признаками личностного сознания. Именно поэтому, скорее всего, наиболее существенным из социальных признаков для семиосоциопсихологических типов оказывается уровень (возможно, и характер) полученного образования и, по-видимому, характер деятельности. Вместе с тем даже этот признак часто не решает дела. Тому свидетельством, в частности, весьма разнородный в отношении демографических и социальных признаков состав четвертой семиотической группы. Выделить семиосоциопсихологические типы, опираясь на объективные социально-профессиональные и социально-демографические признаки, не представляется возможным. Вместе с тем нельзя отрицать, что весь конкретно-исторический контекст жизнедеятельности личности, все объективные факторы процесса ее становления (прежде всего полученное воспитание и образование; место и роль в обществе; среда, в которой рос и воспитывался человек, и т. д. и т. п.) играют немалую роль не только в процессе «кристаллизации» того тезауруса, который со временем станет неотъемлемой характеристикой типа личностного сознания, но и в овладении умениями и навыками осмысленного оперирования элементами этого тезауруса при порождении и восприятии текстуально организованной смысловой информации.

§ 3. Итоги анализа данных, полученных методом семантического дифференциала

В связи с тем что предметом изучения являлась мера разночтения текстовых материалов не только в аудитории в целом, но и внутри групп как показатель степени их «единодушия», общепринятый метод обработки шкалы семантического дифференциала был нарушен и обычный способ вычисления расстояния между значениями в семантическом пространстве был заменен расчетом дисперсий и коэффициентов вариации пофакторных среднеарифметических внутри групп, выделенных по разным типологическим основаниям. Последнее делалось для сопоставления итогов. (Консультанты по математической обработке итогов этого теста: кандидат физико-математических наук Ю. Н. Живлюк, И. Е. Кулагина и Ю. Е. Федоров.)

Как известно, весь массив испытуемых, состоявший из 300 человек, разбивался на группы дважды, а именно: предварительно (до эксперимента) — на группы по ряду демографических и социальных признаков (пол, возраст, образование, социально-профессиональное положение) и в итоге эксперимента — на семиотические группы, а также группы по осознанию смысловых стереотипов и направленности информационно-познавательных интересов.

Соответственно имело смысл не только выяснить степень «единодушия» (диапазон разночтений) в семиотических группах, но и в случае, если такое «единодушие» имеется, проанализировать, какого рода основания для типологии («объективные», т. е. демографические и социальные, или субъективные) обеспечивают большую однородность группы по данному признаку.

Итак, процедура первичной обработки шкалы Осгуда сводилась к определению профакторных среднеарифметических шкальных весов, или значения некоторой случайной величины x , получаемой для каждого испытуемого внутри каждого фактора.

Следующим шагом была оценка разброса названных случайных профакторных величин для двух видов групп, а именно семиотических и социально-профессиональных. Названный разброс характеризовался дисперсией, которая задавалась следующим выражением:

$$D_{(x)} = \sum_{i=1}^n (x_i - x_{cp})^2 p_i$$

где $D_{(x)}$ — дисперсия случайной величины; n — число различных значений случайной величины; x_{cp} — математическое ожидание или некоторое среднее значение величины x , определяемое по формуле:

$$x_{cp} = \sum_{i=1}^n x_i p_i$$

Дисперсия в данном расчете не нормировалась по причинам технического характера. Оценки статистической ошибки тестирования и выделения групп не производилось. Соответственно сделанные выводы не следует считать окончательными, они могут свидетельствовать лишь о наличии определенной тенденции. О ней мы и будем говорить, анализируя полученные таблицы.

Было, однако, решено не ограничиваться расчетом одной лишь дисперсии, так как среднеквадратическое отклонение от среднего значения в группе еще не характеризует равномерности распределения признака. По этой причине в качестве следующего шага был предпринят расчет коэффициента вариации по формуле

$$V = D / \bar{x}$$

где $\bar{x}$ - среднеарифметическое значение группы. Расчет дисперсии и коэффициента вариации производился только по одиннадцати словам, восемь из которых входили в "Общий словарь газеты". Последнее было важно в интересах сопоставимости результатов.

Естественно предполагалось, что сравнительно более высокий коэффициент вариации будет свидетельствовать об относительно большей разнородности группы по данному признаку, сравнительно низкий коэффициент вариации — об относительно большем «единодушии» в группе.

Прежде чем сопоставить итоги, полученные для групп, выделяемых по разным типологическим основаниям, рассмотрим распределение дисперсий и коэффициентов вариации в различных семиотических группах.

В качестве примера возьмем слова «демократия» и «диктатура», и приведем соответствующие таблицы (табл. 11 и 12).

Производя внутрифакторное сравнение значений дисперсии и коэффициентов вариации, наблюдаем их чрезвычайную разнородность. Скажем, если для слова «демократия» по фактору оценки получается наименьшее значение дисперсии при относительно низком коэффициенте вариации, то для слова «диктатура» названные показатели сравнительно высоки. Иными словами, относительное «единодушие» в первом случае отнюдь не предвещает такого «единодушия» во втором случае. Аналогична картина, получаемая для первой и второй семиотических групп. Относительно низкий коэффициент вариации в первом случае сменяется более высоким во втором.

Неоднородность полученных результатов становится еще заметнее при переходе от фактора к фактору. Так, при невысокой дисперсии и весьма низком коэффициенте вариации для слова «диктатура» по фактору силы те же показатели

сравнительно высоки при переходе к фактору активности. Продолжать описание представленных в табл. 11 результатов нет смысла, поскольку они говорят сами за себя и свидетельствуют о достаточно «разноокрашенном» прочтении приведенных выше слов членами одних и тех семиотических групп.

Не ограничиваясь, однако, названными результатами, мы решились еще на один, оговоренный выше, шаг, позволявший сопоставить меру «единодушия», характерную для групп, выделенных по разным типологическим основаниям. Такое сопоставление прежде всего требовало расчета средних значений вариаций по сравниваемым группам. Расчет велся в следующем порядке. Среднее значение вариации отклонений по отдельным факторам считалось по формуле

$$\bar{V}_{gp} = \frac{V_{1gp} + V_{2gp} + \dots + V_{ngp}}{N}$$

где $V_{1gp}, V_{2gp}, V_{3gp} \dots V_{ngp}$ — коэффициенты вариации, вычисленные по данному фактору для каждой группы; N — число групп определенного вида.

Таблица 11. Распространение значений дисперсии и коэффициентов вариации в семиотических группах (на примере двух слов)

Семиотическая группа	Демократия						Диктатура					
	Оценка		Сила		Активность		Оценка		Сила		Активность	
1-я	$\frac{0,567}{1,7}$	0,33	$\frac{1,47}{1,5}$	0,98	$\frac{0,796}{1,03}$	0,773	$\frac{0,809}{1,1}$	0,735	$\frac{0,56}{2}$	0,279	$\frac{1,14}{0,9}$	1,266
2-я	$\frac{0,828}{2,5}$	0,331	$\frac{0,78}{1,6}$	0,487	$\frac{0,538}{1,47}$	0,366	$\frac{0,875}{0,9}$	0,972	$\frac{0,946}{1,2}$	0,788	$\frac{0,752}{0,7}$	1,08
3-я	$\frac{0,712}{1,45}$	0,491	$\frac{0,68}{1,55}$	0,439	$\frac{1,02}{1,3}$	0,785	$\frac{1,33}{0,9}$	1,48	$\frac{0,893}{1,3}$	0,687	$\frac{1,08}{1,06}$	1,02
4-я	$\frac{0,472}{1,9}$	0,248	$\frac{0,475}{1,8}$	0,264	$\frac{0,518}{1,7}$	0,305	$\frac{0,678}{1,3}$	0,522	$\frac{0,573}{1,8}$	0,32	$\frac{0,716}{1,3}$	0,551
5-я	$\frac{0,489}{2,2}$	0,222	$\frac{0,35}{2}$	0,175	$\frac{0,69}{1,85}$	0,374	$\frac{1,71}{1,5}$	1,14	$\frac{0,592}{1,67}$	0,354	$\frac{0,697}{1,01}$	0,69
6-я	$\frac{0,57}{1}$	0,57	$\frac{0,68}{1,58}$	0,43	$\frac{0,808}{1,1}$	0,735	$\frac{0,934}{0,9}$	1,04	$\frac{0,872}{1,5}$	0,57	$\frac{1,665}{0,88}$	1,89

7-я	$\frac{0,566}{2,15}$	0,27	$\frac{0,74}{1,9}$	0,389	$\frac{0,39}{0,9}$	0,433	$\frac{1,5}{1,4}$	1,07	$\frac{0,69}{0,85}$	0,81	$\frac{0,627}{1,559}$	0,392

Обозначив символом с - семиотические группы и символом сп — социально-профессиональные группы, соответственно получаем

$$\bar{V}'_c = \frac{\bar{V}_{1c} + \bar{V}_{2c} + \bar{V}_{3c} + \dots + \bar{V}_{7c}}{7}$$

$$\bar{V}'_{sp} = \frac{\bar{V}_{1n} + \bar{V}_{2n} + \bar{V}_{3n} + \dots + \bar{V}_{5n}}{5}$$

где 7 и 5 — число групп данного вида.

Среднее значение всех вариаций по каждому слову будет равно

$$\bar{V}'_{общс} = \frac{\bar{V}_{1с} + \bar{V}_{2с} + \bar{V}_{3с}}{3}$$

$$\bar{V}'_{общсп} = \frac{\bar{V}_{1сн} + \bar{V}_{2сн} + \bar{V}_{3сн}}{3}$$

где индексы 1, 2, 3 в числителе соответствуют порядковым номерам факторов, а 3 в знаменателе — количеству названных факторов.

Итогом расчетов по формулам явилась следующая сводная табл. 12, которую мы приводим полностью.

Из этой таблицы без каких-либо комментариев очевидно, что никакой сколько-нибудь определенной тенденции к большему «единодушию» в семиотических группах, чем в группах социально-профессиональных, не обнаруживается, как не наблюдается и обратного. Состав групп по данному признаку оказывается достаточно разнородным. И это весьма естественно. Определяя людей в ту или иную семиотическую группу, мы учитывали их умения и навыки оперирования смысловой информацией, которые, с нашей точки зрения, служат первоосновой любого акта знакового общения. Вместе с тем, выделяя семиотические группы, мы в известной мере отвлекались от отношения отдельных реципиентов к тому, что означают те или иные словесные знаки, от установки на их значение, которое особенно сильно должно сказаться на эффекте общения при отсутствии сформированной культуры общения, т. е. при отсутствии навыков адекватной интерпретации и соответствующей перцептивной готовности.

Таким образом, «эмоционально-экспрессивный», или «оценочный», компонент прагматического значения, который (судя по итогам данного эксперимента) и «измеряет» шкала семантического дифференциала, при типологизации аудитории по уровню семиосоциопсихологической подготовки в данном исследовании во внимание практически

не принимался, хоть и был подвергнут специальному изучению. Это чрезвычайно существенное, с нашей точки зрения, обстоятельство следовало бы иметь в виду в случае возможного перехода от «деятельностной» типологии к типологии «реагентной», т. е. учитывающей характер ожидаемой реакции.

Таблица 12. Сводная таблица средних значений вариаций

Вид групп	Число групп	Среднее значение вариации отклонений по отдельным факторам			Среднее значение всех вариаций
		оценка	сила	активность	
0. Человек					
Социально-профессиональная	5	0,4372	0,8832	0,868	0,7295
Семиотическая	7	0,4017	0,4367	0,8404	0,5596
2. Ассамблея					
Социально-профессиональная	5	0,72	0,65	1,08	0,82
Семиотическая	7	0,75	0,61	1,43	0,93
5. Диктатура					
Социально-профессиональная	5	0,7264	0,4291	0,8734	0,6763
Семиотическая	7	0,9941	1,0316	0,977	1,0009
9.Общественность					
Социально-профессиональная	5	0,3138	0,3246	0,3954	0,3446
Семиотическая	7	0,2603	0,309	0,3656	0,3116
12. Прогресс					
Социально-профессиональная	5	0,06456	0,2384	0,21076	0,17124
Семиотическая	7	0,17094	0,2873	0,3299	0,2627
15. Сосуществование					
Социально-профессиональная	5	0,9319	0,9002	1,5727	1,1349
Семиотическая	7	1,001	0,8641	1,3667	1,0773

Вид групп	Число групп	Среднее значение вариации отклонений по отдельным факторам			Среднее значение всех вариаций
		оценка	сила	активность	
1. Авантюра					
Социально-профессиональная	5	-2,8443	-9,352	-10,0773	-7,402
Семиотическая	7	-3,0002	-34,9513	-32,6792	-20,2102
4. Демократия					
Социально-профессиональная	5	0,2908	0,3952	0,4776	0,3879
Семиотическая	7	0,7017	0,4520	0,5387	0,5641
7. Либерал					
Социально-профессиональная	5	12,045	15,095	3,324	10,1547
Семиотическая	7	0,7438	2,49	14,72	5,9846
11. Почин					
Социально-профессиональная	5	0,245	0,4676	0,2908	0,3345
Семиотическая	7	0,2661	0,5439	0,3061	0,3720
12. Парламент					

Социально-профессиональная	5	4,4612	2,181	12,4138	6,352
Семиотическая	7	3,5498	2,111	10,613	5,4246

Выделив семиотические группы, мы сделали лишь первый шаг на пути к выделению подобных реагентных групп. Заметим в этой связи, что коль скоро в основе практически любой реакции на смысловую информацию наряду с прочими факторами заложены: 1) информированность определенного характера и степени; 2) оценка смысловой информации и (или) ее объекта, то, прогнозируя те или иные состояния языкового сознания индивида, вызываемые такой информацией, необходимо учитывать не только «элементный состав» его тезауруса, но и окрашенность названного тезауруса в личностном сознании. Лишь сочетание этих признаков, а не тот или иной взятый изолированно признак определит реакцию индивида на полученные «стимулы». И лишь на этой основе возможно, по-видимому, выполнить названный выше последующий шаг — переструктурирование множества субъектов смысловой коммуникации на семиотические группы, характеризуемые более полным набором «установочно-семиотических» характеристик. Эмоциональная окрашенность слов (точнее, стоящих за ними значений), как и интенсивность такой окраски в языковом сознании участников коммуникации, может стать предварительным основанием для подобной типологии. В необходимом для выявления таких групп комплексе тестовых процедур должен быть предусмотрен общий набор знаков для опроса методом «Словарь» и методом СД, а также ряд тестов, включающих круг слов с измеряемыми значениями.

§ 4. Некоторые особенности информационно-потребительского поведения аудитории

По итогам анкетного опроса оказалось возможным описать специфику информационно-потребительского поведения разных семиотических групп применительно к газетным материалам. При этом оказалось, что признак «семиосоциопсихологический уровень» обладает в этом отношении большей описательной силой, чем демографические и социальные признаки. Об этом свидетельствовал характер распределения числовых показателей в группах, выделенных по разным основаниям. Распределение этих показателей по семиотическим группам было более контрастным.

Так, при сравнительной равномерности процентного распределения регулярно читающих газеты в группах, выделенных по разным основаниям (от 45 до 75% от состава групп), только разбиение на группы по семиосоциопсихологическому основанию выявило весьма редкое обращение к газетам представителей третьей семиотической группы, где самый высокий процент (26%) читающих газету реже одного раза в неделю и только 25%

регулярно читающих ее. Анализ способов первого ознакомления с газетными материалами, которые по преимуществу сводятся к беглому просмотру заголовков и подзаголовков (иногда вместе с первыми строками текстов статей), уже при изучении информационно-потребительского поведения семиотических групп выявил заметный интерес к фотографиям и карикатурам в третьей из названных групп (21% этой группы фиксирует свое внимание прежде всего на этом), а также до известной степени отличающий шестую семиотическую группу способ ознакомления с газетой путем просмотра отдельных абзацев помещенных в ней материалов.

Здесь мы не будем касаться выявленных в итоге анкетного опроса различий в информационно-познавательных интересах представителей различных семиотических групп, поскольку они коррелировали с данными, полученными по тесту «Номиналии», и были учтены при разбиении массива испытуемых на социально-психологические группы на основе признаков, рассматривавшихся в эксперименте как сопутствующие по отношению к уровню семиосоциопсихологической подготовки. Вместе с тем надо сказать, что существенность уровня семиосоциопсихологической подготовки проявилась и в характеристиках информационно-потребительского поведения. В частности, представляет интерес весьма высокая критичность первой семиотической группы по отношению к оценочным и «шаблонным» текстам и заголовкам. На отказ от чтения газетных материалов по причине шаблонности заголовков указало около 70% этой группы. Эту группу также мало привлекают оценочные заголовки. 14% ее состава отказывается читать газетные материалы из-за подмены фактического материала оценками авторов. Значительно менее критична по отношению к оценочным материалам вторая семиотическая группа. Во всяком случае, лишь 7% читателей этой группы указали на фактор оценочности как на причину отказа от чтения.

Около 15% второй семиотической группы отметили как помеху чтению непонятные слова и выражения. Особенно заметна неудовлетворенность этим обстоятельством в третьей семиотической группе. На него указало около 40% этой группы, а также 30 и 35% пятой и шестой групп соответственно. Представляется интересным и то, что если представители второй и четвертой семиотических групп более всего не удовлетворены многословием, в котором тонет мысль автора, то представители первой семиотической группы хоть и придают этому значение, но гораздо меньшее, чем шаблонности текстовых материалов.

В этой связи настораживающим представляется то обстоятельство, что указанный недостаток отмечает около 70% этой группы, при этом более 40% первой семиотической группы и около 30% четвертой указывают на то, что прекращают чтение материалов, если с первых же слов им кажется ясным то, о чем дальше пойдет речь. Материалы с «шаблонным» началом игнорируются этими читателями, считающими, что такие тексты не содержат новых

сведений, хотя нередко новая информация содержится в других частях статей, чтение которых оказывается тем не менее прерванным в самом начале. Думается, что этот факт заслуживает внимания именно в связи с вопросом об информативности текстовых материалов прессы, поскольку возникающая в личностном сознании ассоциация штампованных выражений со стандартным типом рассуждения может вести к потере информативности материалами, объективно обладающими таким свойством.

В итоге анкетного опроса наряду с выявлением отличительных особенностей информационно-потребительского поведения выявленных семиотических групп весьма четко обозначилось и то общее, что характерно для большей части аудитории средств массовой информации вне зависимости от принадлежности к тем или иным как семиотическим, так и демографическим и социальным группам. Иными словами, выявились некоторые черты, присущие, по-видимому, общественной психологии как регулятивной основе поведения аудитории прессы в целом.

Например, весьма четко обозначилась стереотипизированность способов ознакомления с газетой (по заголовкам и подзаголовкам статей), а также прекращение чтения, если с первых строк создается впечатление известности материалов. Вместе с тем информативность текстовых материалов во всех случаях корректируется, а большей частью и определяется семиосоциопсихологическим уровнем как «получателей», так и «отправителей» сообщений. Способность к преодолению смысловых стереотипов характеризует этот уровень в не меньшей степени, чем умение адекватно оперировать текстуально организованной смысловой информацией при наличии соответствующей перцептивной готовности. В этом мы лишний раз убедимся, рассмотрев итоги экспериментов на информативность текстовых материалов.

Рассмотрим в этой связи некоторые итоги процедуры «Газетные заголовки». В ходе процедуры предполагалось дать общую оценку испытуемыми информативности предложенного набора (217) газетных заголовков и выявить неинформативные газетные заголовки.

Общая оценка набору газетных заголовков давалась исходя из отношения числа знаков «+», означавших, что испытуемый прочтет материалы, идущие с данными заголовками, к числу знаков «-», означавших, что материалы, идущие с данными заголовками, испытуемый читать не станет. При этом естественно было полагать, что, если испытуемые против многих заголовков ставят знак «-», тем самым решительно отвергая значительный процент статей, даже не видя их, глядя только на их заголовки, потери газеты в информативности достаточно велики. Нельзя забывать, что у читателя был выбор: знак «v», означавший беглый просмотр статьи и знак «?» — «затрудняюсь ответить

определенно». Весьма часто встречавшийся в ответах знак «v» в данном случае во внимание не принимался, так как, судя по разъяснениям на страницах дневника экспериментатора, он мог означать как положительное так и отрицательное отношение к материалу. Так, на вопрос «Почему Вы поставили знак "v" у заголовка "Полгода проверки на зрелость?" — в одном случае испытуемый ответил: «Я уже вышел из этого возраста», а в другом: «Любопытно, о чем тут?». Если первый ответ ближе к «-», то второй - к «+».

Итак, было решено принимать во внимание только отношение числа положительных ответов к числу отрицательных, оценивая названное отношение по трехбалльной системе. Далее следовало установить величины отношений, которым будет соответствовать тот или иной балл избранной шкалы оценок, так как, отбрасывая знаки «v» и «?», мы всякий раз произвольно меняли названные отношения. Именно по этой причине нельзя было ограничиться простым арифметическим соотношением числа положительных и отрицательных ответов. Требовалось некоторое общее правило для отнесения полученных результатов к одной из трех групп, с тем чтобы вероятность попадания в каждую из них была одинаковой (консультант по математической обработке этого теста кандидат физико-математических наук В. И. Геминтерн).

В виде примера остановимся на истории разработки критериев оценки итогов данного теста (сконструированного специально для настоящего исследования). Это может представлять интерес чисто методологический. Известно, что в зарубежной практике тестирования заново разработанные тесты нередко ставятся предварительно, с единственной целью — отработки и уточнения критериев оценки. Проводить массовое тестирование следует, располагая названными критериями. В данном случае это было одной из задач тестирования, так как, разработав названный выше тест, можно было бы лишь ориентировочно представить себе, скажем, такие моменты, как общее соотношение знаков «+» и «-» со знаками «v» и «?». Привлекая своей неопределенностью, последние (особенно знак «?») могли стать прибежищем для нерешительных. Соответственно до разъяснений самих испытуемых (запротоколированных в дневнике экспериментатора), а также до получения достаточно представительного числа заполненных документов теста нельзя было как-либо определенно интерпретировать их появление.

Первоначально дальнейшее рассуждение выглядело следующим образом. Имеются как бы две чаши весов, на одну из которых брошены положительные, а на другую — отрицательные ответы. Идеальной ситуацией для среднего балла, т. е. оценки 2, будет равное число положительных и отрицательных ответов, когда обе чаши весов взаимно уравновешивают друг друга. Если число знаков «+» обозначить через N_1 , а число знаков «-» через N_2 , то такое равновесие отразится в выражении $N_1/N_2 = 1$

Идеальный случай для оценки 1, когда налицо полный отказ от чтения материалов данной газеты (абсолютное отсутствие знаков «+»), соответственно для оценки 3 — желание прочитать все (т. е. полное отсутствие знаков «-»). Но подобные ситуации практически отсутствуют (или чрезвычайно редки). Поэтому для каждой оценки предусматривается некоторая область, позволяющая исходить не из абсолютных, а из относительных характеристик с некоторым перевесом одних из них над другими. Чтобы выделить эти области, можно совершить следующее простое арифметическое действие. Если отношение $N_1 / N_2 = 1$, или «идеальная» оценка 2 как бы делит весь имеющийся массив заголовков на две равные части или области: нижнюю — область минусов и верхнюю — область плюсов, то, приняв каждую из названных частей за 1, можно отделить от них по одной, а всего две равные части в пользу средней оценки, которая в этом случае может быть выставлена при относительном (а не при абсолютном) равновесии числа положительных и отрицательных ответов. В линейном изображении это выглядело следующим образом (рис. 2).

<i>Область оценки 1</i>	<i>1</i>	<i>Область оценки 3</i>
<i>0</i>	<i>0,666</i>	<i>1,333</i>
<i>0</i>	<i>1</i>	<i>217</i>

Рис. 2. Линейное изображение первоначального варианта оценки итогов теста «Газетные заголовки»

К коэффициенту 1, первоначально служившему точкой отсчета, можно теперь приписать область $\pm 0,333$, считая, таким образом, областью оценки 2 показатель отношения $N_1 / N_2 = 1 \pm 0,333$ или, точнее, $N_1 / N_2 = 0,667—: 1,333$. Тогда оценка 1 соответствует $N_1 / N_2 = 0—: 0,666$, а оценке 3 — $N_1 / N_2 = 1,334$ и выше.

При графическом изображении подобного отношения область оценки 3 оказывается значительно шире областей оценок 1 и 2 и попадание в разные области неравновероятно. Чтобы сделать его равновероятным, пришлось прибегнуть к иному математическому решению, которое, однако, не возникло бы без предшествовавшего рассуждения.

Число знаков «+» и «-» для каждого испытуемого может быть изображено в виде некоторой точки на плоскости. Если число знаков «+», как и в первом рассуждении, обозначить через N_1 а число знаков «-» — через N_2 , изобразив сказанное выше в виде графика, то точки, координатами которых являются N_1 и N_2 , окажутся в правом верхнем квадранте. Разделив названный квадрант на три равные части с помощью прямых, исходящих из начала координат, обеспечиваем равновероятное попадание точек с координатами (N_1, N_2) в каждую из его частей (рис.3).

Прямая I проходит под углом 30° к оси N_2 , а прямая II — под углом 60° к той же оси. Соответственно точки, лежащие на прямой I, имеют отношение $N_1 / N_2 = 1/\sqrt{3}$ ($\text{tg } 30^\circ$). В нашем первом решении прямая II проходила примерно под углом 50° .

Все точки с меньшим отношением попадают внутрь угла, образованного прямой I и осью N_2 . Названным отношениям соответствует оценка 1.

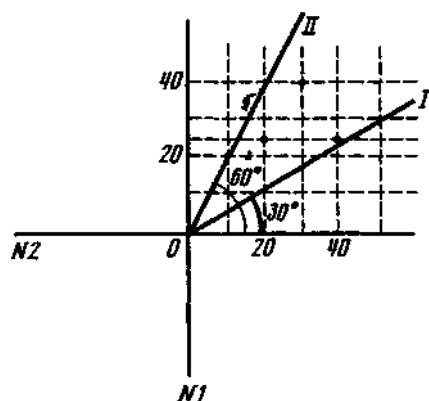

Рис.3. Графическое изображение второго варианта оценки итогов теста "Газетные заголовки".

Точки, лежащие на оси II, имеют отношение $N_1 / N_2 = \sqrt{3}(\text{tg}60^\circ)$ Соответственно все точки, координаты которых (N_1 / N_2) удовлетворяют соотношению $1/\sqrt{3} < N_1 / N_2 < \sqrt{3}$, получают оценку 2, попадая внутрь угла, образованного прямой II и осью N_2 . Наконец, все точки, координаты которых удовлетворяют соотношению $N_1/N_2 > \sqrt{3}$, получают оценку 3. Для практических вычислений достаточно воспользоваться приближенным значением $\sqrt{3}=1,76$, соответственно исходя из следующих критериев. Если отношение $N_1/N_2 > 1,76$, оцениваемый набор заголовков получает от испытуемого балл 3. Если названное отношение меньше, чем 1,76, но больше, чем 0,57, названный набор заголовков получает оценку 2. При отношении, меньшем чем 0,57, выставляется оценка 1. Например, при числе положительных ответов, равном 130, и отрицательных - 36, получаем $N_1/N_2 = 130/36 = 3,61$ (оценка 3).

При числе положительных ответов, равном 84, и отрицательных – 65: $N_1 / N_2 = 84/65 = 1,29$ (оценка 2). Если же число положительных ответов равно 44, а отрицательных -111, соответственно имеем $N_1 / N_2 = 44/111 = \sim 0,397$ (оценка 1).

Итогом соответствующей обработки явилась табл. 13.

Таблица 13 Оценки, предложенные набору газетных заголовков

Оценки заголовкам, % к 300			Итого
3	2	1	
37,0	34,6	28,4	100

Таким образом, абсолютное большинство опрошиваемых (63%) дало среднюю и низкую оценку предъявленному набору газетных заголовков, выразив это в виде решительного отказа от чтения значительного числа материалов, идущих с названными

заголовками. При этом не следует забывать, что ответы-сомнения (знак «?») и весьма неопределенное «просмотрю» (знак «V») здесь не учитывались.

Весьма любопытно распределение названных оценок в семиотических группах и в группах по отношению к «штампам» (табл. 14 и 15).

Таблица 14. Распределение оценок газетных заголовков в семиотических группах

Семиотическая группа	Оценки заголовкам, % к составу группы			Итого
	3	2	1	
1-я	31	44	25	100
2-я	56	31	13	100
3-я	21	33	46	100
4-я	38	44	18-	100
5-я	42	19	39	100
6-я	28	17	55	100
7-я	80	20	—	100

Таблица 15. Распределение оценок газетных заголовков в группах разной меры осознания смысловых стереотипов

Группа по степени осознания "штампов"	Оценка заголовков, % к составу группы			Итого
	3	2	1	
1-я	42	42	16	100
2-я	42	35	23	100
3-я	23	30	47	100

Наибольшее число оценок 1 (т. е. самых низких, означающих отказ от чтения подавляющего числа материалов) данный набор заголовков получил от групп, наименее приобщенных к общему словарю СМК, а именно: от третьей (47%) и шестой (55%) семиотических групп и соответственно от третьей группы по осознанию смысловых стереотипов. Этот на первый взгляд несколько неожиданный результат, так как, казалось бы, именно этим группам предложенные заголовки должны были нести наибольшее количество информации, на самом деле объясняется весьма просто. Данное явление отнюдь не всегда связано с информативностью-неинформативностью и даже с привлекательностью газетных заголовков. Оно в значительной степени обусловлено весьма низким семиосоциопсихологическим уровнем названных групп, их общей слабой подготовкой к переработке смысловой информации при соответствующем, в целом весьма пассивном, отношении к ней.

Достаточно сказать, что в третьей группе отказавшиеся от чтения материала газеты выдвинули в качестве причины отказа непонятность заголовка. Скажем, из 58 читателей, отказавшихся от чтения статьи, идущей с заголовком «Сайгонский вояж», около 50% составили представители третьей и четвертой семиотических групп; те из них, кому был задан вопрос о причине отказа от чтения, заявили, что не понимают заголовка. Вместе с тем материалы, идущие с шаблонными, но доступными пониманию этих групп

заголовками, также не привлекают их, видимо ассоциируясь со стандартным типом рассуждения. Любопытно, что это в равной мере относится к четвертой семиотической группе, недостаточность в умении оперировать смысловой информацией которой сказывается, в частности, и в этом.

В самом деле, что же происходит? Как уже отмечалось, весьма важно не путать непривлекательность шаблонного по языковой форме заголовка с информативностью тех или иных языковых клише, изобилующих в тексте, для его истолкователей. Языковое сознание так называемой «нештампованной» группы (третья группа по отношению к штампу, по преимуществу распределившаяся в третьей, пятой и шестой семиотических группах) не пресыщено готовыми речевыми формулами. Воспринимая их, оно их объективизирует, соотнося данные языковые формы с некоторыми объектами, естественными или мыслимыми. (При нулевой информативности названная объективизация, или соотнесенность языковой формы с естественным или мыслимым объектом, отсутствует.)

Как отмечалось ранее, смысловая информация скорее всего кроется не столько в том, что принято называть новизной, сколько в присущей языковому сознанию способности соотносить языковые формы с естественными или мыслимыми объектами и объективизируемыми сознанием связями. Не будучи вплетена в канву текста, стереотипная языковая формула, вынесенная в заголовок, создает ощущение известности информации, основанное на столь же стереотипных, заведомо сформированных ассоциациях. Лишь группа, осознающая смысловые стереотипы и преодолевающая их (в основном первая семиотическая группа), справляется с таким барьером, вследствие чего она не столь решительно бракует статью по стереотипному заголовку (хоть и отмечает, отвечая на вопросы анкеты, шаблонность как недостаток заголовков), зачастую с основанием предполагая, что за ним может крыться и новая для нее смысловая информация. Скорее всего, именно поэтому мы находим относительно заметный процент (42%) оценок 3, т. е. наиболее высоких данному набору заголовков, в группе реципиентов, осознающих и преодолевающих смысловые стереотипы, и соответственно 31% в первой семиотической группе. Вместе с тем наибольшее число оценок 3 выставила заголовкам вторая семиотическая группа (54%), связанная в основном с группой реципиентов, не осознающих смысловые стереотипы. По-видимому, предложенный набор газетных заголовков представляется этой группе органичным элементом «газетного языка». Средний балл — оценка 2 — ближе к оценке 1, чем к оценке 3, так как последняя означает лишь то, что из тех материалов, относительно которых читатель может дать определенный ответ на основании одного заголовка, он готов прочитать относительно большее число материалов, чем отвергнуть.

Например, оценка 3 могла быть получена при отношении $N_i/N_2 = 45/25$, вместе с тем весь остальной материал в основном был помечен знаками беглого просмотра.

К несомненной удаче эксперимента следует отнести незначительный процент неопределенных ответов, что позволило не принимать их во внимание при анализе полученных итогов (естественно, после соответствующих статистических расчетов). Что же до беглого просмотра большого числа материалов, то, не говоря о возможной двойкой интерпретации причин появления знак «V» против соответствующих заголовков, следует еще раз отметить тот факт, что это, с одной стороны, подтвердило уже выдвигавшийся тезис о преобладающем способе чтения газетных материалов, а с другой — лишний раз свидетельствовало в пользу привлекательных заголовков.

Перейдем теперь к следующему этапу работы — к выявлению неинформативных заголовков. Чтобы увидеть, какие материалы, идущие с теми или иными заголовками, отказываются читать информанты, следовало прежде всего выяснить, в каких рубриках (разделах) сосредоточены названные заголовки. Соответственно было решено все анализируемые заголовки независимо от номеров газет, из которых они взяты, объединить по рубрикам и темам (проблемам), которые затрагиваются в предложенных материалах. Это позволяло проиллюстрировать рубрики, а также проблемы, выпадающие из внимания читателей.

Оказалось, что по вине стандартных, непривлекательных, порой неинформативных заголовков, таких, как: «Досрочно», «Каждый день — победа», «С боевым настроением», «Цветет земля колхозная» и др. (число отказавшихся от чтения материалов, идущих с этими заголовками, составляет 60—70% опрошенного массива), потеряли читателей не только разделы, затрагивающие вопросы промышленности, сельского хозяйства, транспорта и т. д., но и статья («Красный уголок — центр воспитания»), затрагивающая проблемы семьи (50% отказавшихся от чтения), статья («Фабричная библиотека»), посвященная проблемам культуры (65%), и даже статья на спортивную тему («Впереди Евгений Васюков») — 30%.

Поясняя причины *отказа* от чтения, испытуемые нередко повторяли: «Все это известно, скучно, неинтересно» и т. д. Между тем под целым рядом заголовков обнаруживались материалы, не соответствовавшие представлениям испытуемых об их предполагаемом содержании. Отвечая на вопрос: «Что, по-Вашему, сказано в статье под названием „Каждый день — победа"», испытуемые высказывали, например, следующий ряд предположений: «Снова что-нибудь про хлеб...»; «Очевидно, об обуви или мебели...». «Статью „Шефы сельчанам" читать не буду, так как будет написано о том, как какой-нибудь

Д. К. взял шефство над селом и часто выезжает с концертами»⁵, — сказал один из опрошенных. От статьи «Радостные вести» не интересующийся спортом читатель отказывался, полагая, что речь в ней, «наверное, о победе в футбол или на Олимпийских играх», между тем материал был посвящен строительству нового промышленного комбината. Нет смысла приводить большее число примеров, следует лишь отметить, что весьма характерным недостатком предъявленных читателям газетных заголовков оказалась не столько относительная непривлекательность некоторых из них, сколько главным образом отсутствие связи с предикацией первого порядка озаглавленного текста (неинформативность).

Итоги обсчета распределения отказов от чтения материалов, идущих с теми или иными заголовками, показали обусловленность процесса информирования не только характеристиками текстовых материалов (в данном случае — заголовков), но и семиосоциопсихологическим типом получающих информацию реципиентов. Скажем, если число отказавшихся от чтения материалов в третьей и шестой семиотических группах весьма постоянно (от 40% и выше) независимо от заголовка и предполагаемого содержания идущего с ним материала, то для первой семиотической группы была характерна довольно четко выраженная склонность к выбору, видимо связанная со значительно более активно проявляющейся перцептивной готовностью. Для второй семиотической группы было характерно ровное, умеренно активное отношение к газетным материалам, также с весьма дифференцированным подходом к их выбору. Специфика четвертой семиотической группы в данном случае почти не просматривалась, если не считать некоторой ее склонности к организационной тематике.

Как отмечалось ранее, в комплекс процедур блока «информативность» входил текст «Полгода проверки на зрелость», условно называемый «Текст-2». Этот текст специально оценивался на информативность для разных групп испытуемых, и соответственно оценка, выставлявшаяся за его интерпретацию, рассматривалась как оценка тексту, а не испытуемому. С этой позиции были повторно рассмотрены и итоги интерпретации «Текста-1» как образца текста на экономическую тему возможного, а с нашей точки зрения, и желательного (имеется в виду организация его содержательно-смысловой структуры) на страницах газеты.

Текст получал от испытуемого две оценки: за информативность и за «шаблонность». Оценки за информативность этому тексту выставлялись по тому же признаку, что и оценка за интерпретации «Тексту-1» на основе сличения интерпретаций со схематическим изображением его семантико-смысловой структуры.

---

⁵ Кстати, в названной статье шла речь о поставках на село машинного оборудования.

Обработка итогов этого теста включала, однако, одну особенность, состоявшую в том, что наряду с оценкой за информативность текст получал оценку за количество обнаруженных в нем испытуемыми «шаблонных» слов и выражений. Это делалось на основе предварительной обработки его интерпретаций.

В список включались только те слова и выражения, которое подчеркнуло не менее 10 читателей. Таких слов и выражений оказалось 40. Эту цифру первоначально сочли верхним пределом для одного испытуемого. При проверке такого предположения оказалось, однако, что избранный предел чрезмерно высок, так как даже самый недовольный читатель отыскивает в тексте максимум от 20 до 30 «шаблонных» слов и выражений. Наиболее частый показатель максимума (или верхнего предела) — 24, а минимума — 4—5. Найденная затем вероятностная средняя величина в этом интервале дала величину 14—15. Соответственно было решено выставить тексту оценку за шаблонность (от читателей), руководствуясь указанными показателями как точками отсчета. В итоге текст получал оценку 3 («шаблонов» нет, мало), если читатель обнаружил (подчеркнул) не более 5 слов и выражений, показавшихся ему шаблонными; оценку 2 («текст средней шаблонности»), если в нем было подчеркнуто не более 14 таких слов и выражений; наконец, оценка 1 выставлялась, если число подчеркнутых слов и выражений превышало цифру 14.

Ниже приводятся итоги обработки этого теста в виде распределительных таблиц (табл. 16 и 17).

Таблица 16. Оценки информативности «Текста-2» (в % к составу групп)

Вид группы	№ группы	Оценка					Итого
		3	2,5	2	1,5	1	
Семиотическая группа	1-я	11	12	56	15	6	100
	2-я	14	20	40	15	11	100
	3-я	2	2	17	31	48	100
	4-я	1	4	27	31	37	100
	5-я	-	8	28	25	39	100
	6-я	-	6	28	21	45	100
	7-я	-	20	20	40	20	100
Группа по степени осознания «штампов»	1-я	7	11	37	20	25	100
	2-я	4	9	37	29	21	100
	3-я	3	6	15	19	57	100
В среднем, % к числу опрошенных (я = 300 чел.)		4	8	31	25	32	100

Таблица 17. Оценка шаблонности «Текста-2» (в % к составу группы)

Вид группы	№ группы	Оценка			Итого
		3	2	1	
Семиотическая группа	1-я	11	44	45	100
	2-я	31	50	19	100
	3-я	64	31	5	100
	4-я	37	42	21	100
	5-я	28	47	25	100
	6-я	78	22	—	100
	7-я	40	40	20	100
Группа по степени осознания «штампов»	1-я	16	55	29	100
	2-я	36	43	21	100
	3-я	61	28	11	100
В среднем, % к числу опрошенных (я = 300 чел.)		39	41	20	100

Таблица 18. Информативность «Текста-1» — эталона в сопоставлении с информативностью «Текста-2»

Оценка за информативность, в % к числу опрошенных (n=300)	Итого

	3(2,5)	2(1,5)	1	
"Текст- 1" — эталон	30	36	34	100
"Текст-2"	12	56	32	100

Лишь 19% состава первой семиотической группы передали основную идею «Текста-2» (оценка 3 и 2,5), 75% этой группы передали только элементы общего содержания (оценки 2 и 1,5), 6% никакой информации из текста не извлекли (оценка 1). 39% этой группы оценили текст как «шаблонный» в высокой и средней степени (равное число ответов). Примерно такова же, с некоторым перевесом в сторону «средней шаблонности», оценка, присуждаемая этому тексту группой «осознанного штампа».

Несколько больше информации из этого текста извлекает «пропитанная» языком СМК вторая семиотическая группа. Но и она в основном извлекает из текста побочную (55%), а не основную информацию. Эта группа менее критична и в отношении формы текста. Процент троек здесь в 3 раза выше по сравнению с первой, а процент единиц — в 2 раза ниже.

Наиболее высок процент единиц за интерпретацию в третьей (48%) и шестой (55%) семиотических группах, совсем не давших адекватных интерпретаций этого текста. Большой процент единиц в шестой группе, показавшей хорошее знание экономического словаря, представляет известный интерес, так как свидетельствует о том, что знание элементов языковой подсистемы текста не помогло ей интерпретировать «Текст-2», хотя способствовало извлечению большего количества информации из «Текста-1». Ниже этот факт будет проиллюстрирован сопоставительным анализом информативности двух текстов и итогами расчета коэффициентов корреляции, поскольку остальные распределения не требуют особых комментариев, за исключением того весьма очевидного обстоятельства, что основная масса оценок оказалась в интервале от 1,5 до 2, т. е. в области предикаций 2-го и 3-го порядка, при этом основная масса квалифицировала «Текст-2» как «средне-и высокошаблонный».

Сопоставительный анализ информативности двух текстов выявил картину, представленную в табл. 18.

Таким образом, различие в числе адекватных интерпретаций (оценки 3, 2,5), которых для первого текста получено в 2,5 раза больше, чем для второго, а также в числе неадекватных интерпретаций (оценки 2, 1,5), где соотношение обратное, с разницей в 1,5 раза, оказывается весьма существенным.

Сопоставление полученных данных по названным интерпретациям в абсолютных показателях представлено в табл. 19.

Таблица 19. Взаимное распределение оценок за информативность в «Тексте-1» и «Тексте-2»

Оценка информативности «Текста-2»	Оценка информативности «Текста- 1»		
	3(2,5) из 91 чел.	2(1,5) из 108 чел.	1 из 101 чел.
3(2,5) из 36 чел.	25 чел.	11 чел.	0 чел.
2(1,5) из 168 чел.	57	70	41
1 из 96 чел.	9	27	60

Из нее следует, что из 91 человека, передавшего предикацию идеи «Текста-1», только 25 человек (т. е. 15% числа опрошенных) нашли ее в «Тексте-2». Остальные получили за интерпретацию последнего оценку 2 (1,5) или 1 (т. е. извлекли из него вторичную информацию либо не извлекли ничего). Иными словами, информативность «Текста-2» оказалась для них крайне низкой. Вместе с тем 70 человек (т. е. 23,3% числа опрошенных) извлекли из обоих текстов только вторичную информацию, при этом из оставшихся 98 человек, получивших оценку 2 (1,5) за «Текст-2», 41 человек (т. е. 13,7% числа опрошенных) получил за «Текст- 1» оценку 1.

Таким образом выделилась группа читателей, которым так называемый плохой текст принес информации больше, чем «хороший». Это, как и все сказанное выше, дает основание полагать, что некоторые из выделенных критериев информативности текста потребуют уточнения в ходе дальнейших семиосоциоисихологических исследований.

Корреляционный анализ некоторых итогов тестирования также выявил весьма интересные тенденции.

Расчет коэффициентов ранговой корреляции производился между оценками за знание словарей (общего и экономического) и оценками за интерпретации «Текста- 1» и «Текста-2»

по формуле Спирмена⁶
$$r = 1 - \frac{6 \sum d^2}{n^3 - n}$$
 где d — разность между рангами (порядковыми номерами) данной пары сопоставляемых рядов и n — число сопоставимых пар.

В связи с тем что при ранжировании оценок некоторые ранги были объединены, в указанное выше выражение введена поправка, окончательный расчет осуществлялся по следующей формуле:

$$r = \frac{\frac{n^3 - n}{6} (T_x + T_y) - \sum d^2}{\sqrt{\left(\frac{n^3 - n}{12} - 2T_x\right) \left(\frac{n^3 - n}{12} - 2T_y\right)}}$$

где t_x — число объединенных рангов первого ряда; t_y — число объединенных рангов второго ряда.

⁶ См.: Методика и техника статистической обработки первичной социологической информации / Под ред. Г.В. Осипова, М., 1968

Расчет коэффициентов ранговой корреляции производился на ЭВМ. Программа расчета коэффициента ранговой корреляции для ЭВМ была составлена И. Я. Грицем.

В итоге получены следующие показатели названных коэффициентов (по убыванию):

Знание словаря 1 — Знание словаря 2	$r_{1,} = 0,6281$
Интерпретация «Текста-1» - Знание словаря 1	$r_2 = 0,5204$
Интерпретация «Текста-1»—Интерпретация «Текста-2»	$r_3 = 0,4949$
Интерпретация «Текста-1»—Знание словаря 2	$r_4 = 0,3918$
Интерпретация «Текста-2»—Знание словаря 1	$r_5 = 0,2994$
Интерпретация «Текста-2» — Знание словаря 2	$r_6 = 0,1480$

Весьма ясно выраженная корреляция между знанием двух словарей, а также знанием названных словарей и интерпретацией «Текста-1» не является неожиданной. Такой связи между знанием словаря языковой подсистемы и интерпретацией текста, порожденного на этом подязыке, в принципе не может не быть. Отсутствие такой связи — вот нарушение нормы. В этом смысле коэффициент $r_6 = 0,1480$ — весьма показательная характеристика «Текста-2», по существу означающая, что владение экономическим словарем в основной, наиболее легкой своей части, общей для обоих текстов (остаточная «трудная» лексика приходится главным образом на «Текст-1»), отнюдь не помогает интерпретатору адекватно воспринимать этот текст.

В этом смысле весьма любопытны итоги сравнительного лингвистического анализа названных текстов⁷.

§ 5. Информативность текстовых материалов и «эффект смысловых ножниц» в знаковом общении

Наиболее существенными выводами, вытекающими из анализа материалов апробационных семиосоциоисихологических экспериментов, представляются следующие.

1. Имеющие место различия в информированности людей, пользующихся одними и теми же источниками информации с примерно равной интенсивностью, обусловлены — наряду с внешними условиями и обстоятельствами их жизнедеятельности — особенностями их «психического склада», проявляющимися объективно в характеристиках их реальной коммуникативно-познавательной деятельности и поведения, в возникающих в ходе последнего «разночтениях» текстов.

---

⁷ Дридзе Т.М. Язык и социальная психология, М.,1978, с. 150-168.

2. Среди названных особенностей имеются такие семиосоциопсихологические признаки личностного сознания, которые, будучи в той или иной мере присущими всем представителям аудитории того или иного источника информации (являясь общими для них), оказываются вместе с тем типологическими (группообразующими), способными дифференцировать аудиторию вне прямой зависимости от принадлежности ее членов к той или иной социальной группе (как большой, так и малой).

3. Влияние социально-групповой принадлежности на коммуникативно-познавательную деятельность и поведение индивида опосредуется, в частности, такими особенностями психического склада, как: а) уровень семиосоциопсихологической подготовки партнеров по общению, определяющийся перцептивной готовностью, владением элементами порождаемой и интерпретируемой смысловой информации и навыками адекватного целям общения и взаимодействия оперирования такими элементами; б) характер и направленность их информационно-потребительских интересов; в) способность к осознанию и преодолению смысловых стереотипов, заключенных в готовые языковые формулы. В ситуациях общения и информирования уровень семиосоциопсихологической подготовки оказывается более глубоким дифференцирующим признаком аудитории, нежели признаки, группирующие реципиентов смысловой информации на основе их социально-профессиональных и социально-демографических характеристик, поскольку «доминантными» в названных ситуациях становятся признаки, связанные с психическим складом личности, и в частности с коммуникативно-познавательной «тренированностью» личностного сознания.

4. Степень адекватности интерпретации текстовых материалов, обуславливающая тот или иной эффект знакового общения, определяется, с одной стороны, уровнем семиосоциопсихологической подготовки реципиентов, а с другой — интерпретационными (информативными) свойствами текста, за которым «стоят» тот или иной уровень семиосоциопсихологической подготовки автора сообщения, его умение организовать смысловую информацию в текст, обладающий необходимыми для адекватной смысловой интерпретации свойствами.

5. Свойства, характеризующие содержательно-смысловой (связанный с реализацией коммуникативной интенции, авторского замысла) и инструментально-номинационный (связанный с «логикой развертывания» текста в наборах грамматически связанных между собой лингвистических конструкций) аспекты текстовой деятельности, в равной степени сказываются на информативности текстов, а соответственно и «разночтениях», возникающих в ходе знакового общения.

6. Для адекватной интерпретации смысловой информации, заключенной в текстах, существенны «как субстанциональные», так и «атрибутивные» свойства элементов языка описания. Вместе с тем роль этих средств для интерпретации текста различна. Отсутствие у реципиента содержательных знаний об объекте описания усиливает влияние оценок на характер смыслового восприятия и интерпретации, т. е. сказывается на информативности текста.

7. Интерпретация смысловой информации, выраженной в клишированной языковой форме, опосредуется не только уровнем семиосоциопсихологической подготовки реципиента, его информационно-потребительскими интересами, с одной стороны, а также содержательно-смысловыми и инструментально-номинационными характеристиками интерпретируемого текста — с другой, но и уровнем осознания используемых в тексте языковых клише. Однако наличие в тексте весьма распространенных языковых клише (готовых речевых формул) снижает информативность последнего лишь в случае утери ими связи подкрепления с обозначаемым в сознании субъектов общения.

8. Сказанным обусловлен один из отрицательных эффектов смысловых разночтений — «эффект смысловых ножниц», который может быть описан как возникновение смыслового «вакуума», вызванного несовпадением смысловых «фокусов» общения в ходе обмена текстовой деятельностью. Этот эффект, отрицательно влияющий на межличностные, внутри- и межгрупповые связи, чреват также и весьма серьезными социальными последствиями, так как неадекватные интерпретации — это неверно истолкованные научные концепции и искаженные литературные источники, это необоснованные решения и несогласованные действия, наконец, это простое отсутствие взаимопонимания между людьми.

9. Выделенная ранее в качестве ключевой единицы анализа коммуникативная система «текст-интерпретатор» представляется в достаточной мере общей (универсальной). Это значит, что данные, полученные на основе изучения процессов, связанных с актуализацией названного отношения в одной сфере социальной коммуникации, релевантны и для других ее сфер, что подтверждается итогами семиосоциопсихологических экспериментов, проведенных рядом исследователей.

Остановимся теперь на одном из отрицательных последствий разночтений, или речевого разобщения, названном нами «эффектом смысловых ножниц»⁸. Как отмечалось, этот эффект, связанный с нарушением функции информативности текстовых материалов в ходе социальной коммуникации, может быть описан как возникновение смыслового

---

⁸ Дридзе Т. М. Лингвосоциологические аспекты массовой информации. — Социол. исслед., 1975, № 4.

вакуума, вызванного несовпадением смысловых «фокусов» текстовой деятельности партнеров в ходе знакового общения.

К настоящему времени мы готовы описать по меньшей мере три коммуникативные ситуации, в которых названный эффект имеет место.

Ситуация первая свидетельствует о том, что возникновение «эффекта смысловых ножниц» возможно уже на стадии создания текста, когда нередко наблюдается разрыв между основным коммуникативным намерением автора сообщения и способом реализации последнего, его речевым воплощением (что может быть прослежено с помощью имеющейся в нашем распоряжении методики, описанной в главе третьей настоящей работы). Это предопределяет неправильность интерпретации читателем текста, заведомо обрекает на неудачу всякое стремление незадачливого автора донести свой замысел до аудитории. Подобный разрыв имеет место, если логика развертывания текста в речи не совпадает с внутренней логикой его содержательно-смысловой структуры, если порядок возникновения в тексте тех или иных речевых единиц существенным образом путает картину авторского замысла, лежащего в основе той или иной соотнесенности главного с второстепенным, основного коммуникативного намерения со всем тем, что ему сопутствует, его иллюстрирует, аргументирует и т. д.

Эту ситуацию мы обозначим как *несоответствие содержательно-смысловой структуры текста его воплощению в речи*. Суть такого несоответствия — в том, что процесс смыслового восприятия текста подчиняется закономерностям, диктующим свои условия, поскольку для реципиента, воспринимающего текст, отнюдь не безразличны порядок появления и само наличие тех или иных блоков смысловой информации в тексте. Разночтения в указанной ситуации как бы запрограммированы невысоким уровнем журналистского мастерства, неумением автора адекватно воплотить в тексте свой замысел. Если же при наличии такого неумения автор к тому же избирает непонятные реципиенту языковые средства (вторая ситуация), «смысловые ножницы» этого типа становятся двойными.

Ситуация вторая возникает, таким образом, при *несоответствии используемых в текстах языковых средств «языковым ресурсам», имеющимся в распоряжении адресата*. Такими средствами могут быть:

- а) неизвестные и потому лишенные необходимых ассоциаций имена собственные (персоналии, географические названия и т. п.);
- б) недоступные правильному пониманию адресата слова и выражения;

в) слова и выражения, отличные по окрашенности в данном конкретном тексте от привычного (приобретенного в прошлом коммуникативном опыте) спектра окраски названных единиц;

г) неинформативные газетные заголовки;

д) превратившиеся в «штампы сознания» и воспринимаемые как провалы в информационном поле стереотипные речевые формулы.

Проиллюстрируем сказанное итогами опроса по одной из процедур — словарю весьма употребительной в газетах лексики.

В приведенном ниже перечне (табл. 20) представлены слова, верные значения которых респондентам были неизвестны. Определить их они не сумели или определили неверно.

Проиллюстрируем перечень рядом примеров. Для слова «вермахт», непонятого 68% опрошенных, были даны, например, такие определения: «политическая власть»; «военное министерство в 30-х годах в Германии»; «президент в Германии»; «главнокомандующий», «главнокомандующий штаб войск ФРГ», «это немецкое слово, связанное с каким-то бунтом народа»; «это индийское слово»; «это верхушка темных сил над бундесвером» и т. д. Слово «бундесвер» среди прочих получило определения: «орган неонацистской партии», «военное министерство в ФРГ»; «это что-то, связанное с агрессией, Вьетнамом», «иностранная власть»; «это в Германии лагеря, где заключенные»; «что-то связанное с Америкой». Слово «эскалация» нередко понималось как: «прекращение военных действий, свертывание».

Таблица 20. Распределение неверно понятых значений слов среди испытуемых,

Слово	Число испытуемых, % (n = 300)	Слово	Число испытуемых, % (n = 300)
Вермахт	68	Гуманизм	24
Бундесвер	61	Провокация	20
Эскалация	53	Биржа	20
Левые силы	51	Традиционный	19
Курс акций	49	Товарооборот	18
Тенденция	48	Компетентный	17
Координация	45	Демократ	17
Вояж	44	Санкция	16
Потенциал	43	Диктатура	14
Реакционер	40	Империализм	13
Либерал	40	Лидер	13
Оппозиция	38	Сенсация	13
Милитаризация	36	Дебаты	12
Марионетка	34	Комментировать	12
Аргумент	33	Пакт	12
Происки	33	Агентура	И
Констатировать	32	Прогрессивный	10
Суверенитет	31	Колониализм	10
Концерн	31	Солидарность	9
Реванш	31	Агрессия	8
Дискриминация	30	Ассамблея	7
Нормализация	30	Конгресс	7

Монополия	29	Авторитет	6
Игнорировать	28	Валюта	3

Весьма интересен ряд неверных определений, связанных, видимо, с внутренней формой определяемого слова, несущих на себе отпечаток его этимологии. Например: «суверенитет — это если человек верит в бога». Или такое, скажем, определение того же понятия: «...суверенитет граничит с нейтралитетом; нейтралитет — это невмешательство, суверенитет — это, *наоборот*, вмешательство в дела других стран. Слово нехорошее». Или определение к слову «потенциал»: «это пунктуальный, постоянный человек, например: „потенциальный человек" — это человек, который думает вперед».

Давая словам определения, читатели одновременно окрашивали их значения. Свои ощущения они нередко передавали словесно: "либерал" — это слащавое что-то»; «„вояж" — это что-то круглое»; «„бундесвер" — это темные силы чего-то»; «„реванш" — это что-то такое, быстрое, скорое, что-то хорошее» и т. д.

Надо сказать, что слово «вояж» приобрело устойчиво отрицательную окраску в сознании большей части респондентов независимо от меры знакомства с его значением, например: «не входи в вояж (в истерику)».

Окрашенность слов привычным коммуникативным контекстом сказалась как в том, что нередко опрашиваемые ограничивались характеристикой «что-то плохое» или «что-то хорошее», не зная подлинного значения слов, так и в том, что хорошо известные слова они окрашивали по-разному.

Таким образом, как уже отмечалось выше, значения не только разноосмысленны в содержательном плане, но и разноокрашены в плане эмоциональном. Последнее мы имели возможность проследить также и по итогам применения метода семантического дифференциала.

Произведя внутрифакторные (т. е. отдельно по факторам «оценка», «сила» и «активность») сравнения значений дисперсии и коэффициентов вариации⁹, мы обнаружили чрезвычайную разнородность соответствующих показателей, которая при переходе от фактора к фактору становилась все заметнее. При этом степень разнородности в «ощущении» значений весьма различна для разных слов — фактор немаловажный для адекватного общения внутри групп и коллективов. Подтверждение этому выводу мы обнаружили в статье зарубежных социологов¹⁰. Исследователи, сопоставив полученные методом СД расстояния между ключевыми для общения в рамках исследованной ими малой

⁹ Соответствующие пояснения и расчеты заинтересованный читатель найдет в кн.: Дридзе Т.М. Организация и методы лингвопсихосоциологического исследования...

¹⁰ Back K.W., Bunker S., Dunnagan C.-B. Barriers to communication and measurement of semantic space. — Sociometry, 1972, vol. 35, N3.

группы (участников проблемного семинара) понятиями с коэффициентом сплоченности той же группы, по Уинсбороу , (Н. Н. Winsborough), обнаружили наличие связи не столько в том, что касалось незнания или ошибочной трактовки отдельных терминов (этот момент они сочли «раздражающим» (annoing), но легко устранимым для входивших в группу высокообразованных людей), сколько в том, что касается коннотаций, где особенно сказывается, как отмечают авторы, влияние профессионального и просто жизненного опыта. Если же учесть, что лексика, которой мы проиллюстрировали предыдущее наше положение, постоянно встречается как в ключевых позициях газетных текстов (т. е. в тех звеньях речевой структуры сообщений, от которых в первую очередь зависит их информативность), так и в заголовках над газетными статьями, то станет весьма наглядным и этот вид «смысловых ножниц».

Несколько слов в связи с проблемой заголовка. *Под информативностью заголовка* имеется в виду его способность обеспечить адекватное представление о цели сообщения, о так называемой предикации первого порядка. Информативность заголовка не следует путать с его привлекательностью. Вместе с тем оба эти признака сказываются на общей информативности любого печатного издания, поскольку последнее по меньшей мере не должно отталкивать читателей от публикуемого материала.

«Смысловые ножницы», обусловленные характером заголовка, возникают по меньшей мере в трех случаях: 1) если заголовок непонятен читателю (скажем, в нашем эксперименте с газетными заголовками заголовок «Сайгонский вояж» не поняли 19% читателей и по этой причине отказались читать идущий с ним материал); 2) если содержание заголовка неадекватно связано с текстом и вместо цели сообщения отражает предикацию второго, третьего и т. д. порядка; 3) если в заголовок вынесена стандартная речевая формула, потерявшая как информативность, так и привлекательность в силу того, что давно уже превратилась в штамп сознания.

Вместе с тем именно здесь, касаясь проблемы, связанной со стереотипизацией любого языка, и в частности газетного, следует остановиться на относительности того, что мы называем штампом сознания. Информативность текста, так же как и мера его штампованности, измеряется относительно интерпретирующего сознания. Частое употребление того или иного выражения в тех или иных текстах отнюдь не означает, что оно заштамповано в сознании всех реципиентов. Вот почему из сказанного выше вовсе не следует делать вывод о том, что готовые речевые формулы, неинформативные для 20, 30 и даже 40 и 50% респондентов, следует немедленно устранить со страниц всех печатных изданий. Сам этот процент, как уже отмечалось ранее, свидетельствует, что названный выше

вывод касается лишь части аудитории и то, что неинформативно и штамп для одних, информативно и не есть штамп для других.

И наконец, **третья ситуация**, требующая, как нам кажется, особого внимания, поскольку она обуславливается особенностями типа семиосоциопсихологической организации личностного сознания реципиентов, порой препятствующего адекватному истолкованию текстов в ходе знакового общения. Возникающий в этом случае «эффект смысловых ножниц» преодолим (в частности, через обучение) в разной мере и в зависимости от ряда обстоятельств.

Чем выше семиосоциопсихологический уровень носителя языка, тем меньше у него разрыв между умением оперировать мыслительными и языковыми категориями (формами), соответственно тем шире база для всякого речевого творчества, тем точнее восприятие текстов. Тот или иной уровень семиосоциопсихологической подготовки по существу отражает величину этого разрыва, и, судя по итогам экспериментального обучения, такой разрыв может быть сведен к минимуму. Речь в этом случае идет о формировании наиболее высокого уровня семиосоциопсихологической подготовки.

Подведем некоторые итоги. Вполне очевидно, что за явлением «смысловых ножниц» скрываются различные по своей природе факторы. Одни из них следует, по-видимому, признать естественными, требующими не устранения, но изучения и учета в процессе знакового общения. Другие же не естественны, наносят ущерб не только общению, но и социальному взаимодействию людей.

Глава 7*

**ПОВТОРНЫЕ СЕМИОСОЦИОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ЭКСПЕРИМЕНТЫ**

- § 1. Управление гласностью социалистического соревнования в трудовых коллективах
- § 2. Пути управления учебным процессом
- § 3. Механизм правового регулирования
- § 4. Научная коммуникация

Глава 8*

**ЗНАКОВОЕ ОБЩЕНИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
ПРОЦЕССЫ**

* Глава 7 и Глава 8 находятся в стадии подготовки к публикации в сети Интернет

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все чаще исследователи в области общественных, естественных и даже технических наук как бы заново открывают для себя феномен текста. Не случайно в последние годы понятие текста все чаще появляется в заголовках статей и книг, в той или иной связи касающихся проблем социальной коммуникации. Тексты классифицируют, типологизируют и «анатомируют» специалисты в области самых различных дисциплин, нередко отвлекаясь при этом от главного, а именно от функциональной природы этой ключевой единицы общения, «коммуникационная жизнеспособность» которой единственно и может служить критерием присущей ей меры системного качества.

Сложившаяся в лингвистике и воспринятая рядом других дисциплин научная парадигма, в которой текст отождествляется с речью, а коммуникация — с речевой деятельностью, уже не может удовлетворить вытекающих из нужд социальной практики требований адекватного осмысления процессов, связанных со знаковым общением. Тщательное изучение форм, в которых реализуется общение, и даже стратегий их порождения и распознавания лишь определенный шаг на пути к анализу механизма общения, к рассмотрению общения текстами не просто как обмена речью, но как обмена коммуникативными интенциями и, следовательно, знаниями и представлениями, мыслями и идеями, образами и впечатлениями, ценностями и идеалами. Это шаг к рассмотрению текста как единицы общения, а не языка; обмена текстами для целей социального взаимодействия, с включением текстовой деятельности в общий поток практической деятельности человека в обществе.

Знаковое общение — один из мощнейших факторов взаимодействия людей, в ходе которого и посредством которого люди вступают во взаимоотношения (непосредственные или опосредованные), где все связи как минимум двунаправлены, а чаще многонаправлены и многоступенчаты. Мотивированный и целенаправленный характер названных взаимоотношений реализуется в текстовой деятельности, формируемой действиями порождения и интерпретации текстов.

Изучение механизмов порождения и интерпретации содержащейся в текстах смысловой информации позволит исследователям глубже проникнуть в общественную историю, в механизм общественного процесса через один из видов его актуализации, поскольку в ходе этих действий, как и в ходе воспроизведения смыслового содержания текстов для других, решается судьба исходного коммуникативного намерения автора сообщения, будь он наш современник или далекий предок, философ или историк, литератор или ученый, преподаватель или

публицист. Порождая и интерпретируя тексты, коммуникатор и интерпретатор как бы меняются местами. Процесс этот непрерывен и, более того, обуславливает «двуединое» бытие коммуникатора, который является одновременно интерпретатором как своего собственного, так и множества попавших в поле его зрения текстов. Нет собственно семантики в практике общения. Она удел для дескриптивных упражнений, для описания лексических значений, составляющих основу лингвистических словарей. Нет слов, она нужна для обучения, для наблюдения за статистическими процессами в языке. И все же деятельность общения — это сфера широких социосемиопсихологических описаний, где ведущая роль принадлежит прагматике, фиксирующей свое внимание не на значениях, а на смыслах, а вернее сказать, *на идеях*.

В «круговороте» коммуникативно-познавательной деятельности решается вопрос о том, выполнит ли текст отведенную ему функцию в реализации целей этой деятельности, будет ли включен в систему общественной практики, найдет ли свое место в общественной истории. Поэтому при обращении к анализу текста в структуре механизма общения формально-лингвистические признаки текста, используемые в нем лингвистические конструкции обретают по отношению к присутствующим в нем структурам интеллектуально-мыслительной деятельности вторичное значение. Порождение текста как единицы общения, равно как и его интерпретация, — это решение прежде всего эмоциональной и мыслительной задачи, а уж потом лингвистической, так как во всякой деятельности замысел предшествует конкретным операциям и выбору средств для их осуществления. Текст сам по себе оказывается функциональной системой, т. е. системой, в рамках которой лингвистические конструкции используются для реализации определенных коммуникативно-познавательных задач и могут варьироваться сообразно этим задачам.

Небезразлично к обмену текстами в ходе общения не только порождающее, но и интерпретирующее тексты индивидуальное сознание. Владение языковыми элементами, наличие тех или иных навыков использования речи отнюдь не единственные и далеко не решающие факторы общения посредством знаков.

Судьба текста в немалой степени зависит от его информативно-интерпретационных свойств, так как, информируя, текст обучает, ориентирует, формирует представления и образы, вырабатывает ценности и установки, программирует стратегию деятельности, закрепляет навыки поведения.

Информативно-интерпретационными свойствами текстов в той или иной мере обеспечивается качественная (содержательная) сторона социальной коммуникации, а значит, и та или иная степень эффективности всех информационных связей и отношений на всех уровнях социальной организации общества.

Так, качеством деловых бумаг, тем, в какой мере распределение и содержательно-смысловая структура административно-управленческой, финансово-экономической, научно-

технической и прочей документации (от текста отчета, распоряжения и должностной инструкции до текста патентной формулы и рекламного объявления) соотносятся с запросами и подготовленностью адресата, в значительной мере определяется мера стабильности той или иной организационно-управленческой структуры, эффективность самых разнообразных управленческих решений, ход внедрения в практику тех или иных достижений в области науки и техники.

Точно так же качеством пропагандистских и контрпропагандистских текстов, обоснованностью и адекватной мотивационной ориентацией их содержательно-смысловой структуры, опорой на конкретные критерии оценки пределов эффективности текстовой деятельности в тех или иных проблемных социально-политических, социально-экономических и социокультурных ситуациях в значительной мере обуславливается результативность деятельности различных идеологических институтов общества — средств и органов массовой информации, сети и каналов массовой устной пропаганды и контрпропаганды, всей системы идеологического, массово-политического воспитания.

Информативно-интерпретационные свойства текста определяются не общим количеством информации, содержащейся в сообщении, не общей «информационной насыщенностью» последнего, а лишь тем ее количеством, которое стало достоянием реципиента. При этом *первичная (основная)* информативность не зависит от длины сообщения и его словарного разнообразия, она включает в себя представление о целенаправленности и мотивированности текста, обусловленных тем или иным коммуникативным намерением его автора, об иерархичности содержательно-смысловой структуры, подчиненной цели сообщения, о качественно новом состоянии языковых элементов, сообщаемом им текстовыми связями.

Наряду с первичной информативностью тексту свойственна и так называемая вторичная информативность, позволяющая извлекать из него сведения, порой не связанные непосредственно с коммуникативным намерением его автора. Неосознанное пренебрежение к первичной информативности текста, потребление его вторичной информативности *не сверх, а вместо основной* ведет к разночтениям, или к псевдообщению. Потребление же вторичной информативности текста *не вместо, а сверх* его замысла, напротив, не только способствует обогащению сознания в ходе общения, но и позволяет разработать исследовательскую процедуру информативно-целевого анализа больших текстовых массивов для решения определенных исследовательских задач.

Таким образом, целостность текста (сообщения) как коммуникативной единицы обусловлена тем, что все включенные в него элементы (слова, словосочетания, отдельные высказывания) подчиняются цели (целям) сообщения, основной концепции, замыслу автора. Сообщение имеет иерархическую структуру, образуемую информативно-целевыми блоками

разного уровня. Точкой отсчета в этой смысловой иерархии является значимость информативно-целевого блока для передачи адресату основного замысла автора текста, а соответственно и «вес» того или иного языкового знака в названной иерархии.

Текст сообщения информативен в той мере, в какой достигнуто адекватное истолкование адресатом замысла («лейтмотива») сообщения. Информативно-целевые блоки второго, третьего и т. д. порядка несут информацию вторичную, вспомогательную, а иногда и второстепенную с точки зрения передачи основной идеи сообщения. Их общее понимание адресатом при отсутствии адекватного истолкования основной концепции текста свидетельствует в данном случае о неинформативности текста (сообщения).

Адекватность интерпретации текста (в указанном смысле) достигается, по-видимому, реже, чем хотелось бы; замысел коммуникатора во многих случаях остается нереализованным. Разнобой в интерпретациях (разночтения) — явление значительно более распространенное. Они ведут к смещению акцентов в интерпретируемой информации, к неожиданным эффектам.

Мера и природа таких разнобоев требуют пристального внимания, тем более что в характере «разночтений» прослеживаются определенные закономерности. К тому же наряду с естественной индивидуализацией смысловой информации («личностные смыслы»), влиянием пола, возраста, профессий (исполняемых социальных ролей), ближайшего коммуникативного окружения и т. п. они нередко обусловлены издержками воспитания и обучения, простым отсутствием коммуникативной культуры. Последняя же может (и должна) формироваться всей системой воспитания и образования; она должна стать неотъемлемой частью социалистического образа жизни, характерной чертой деятельности социального управления в условиях развитого социалистического общества.

В интересах плодотворного развития дальнейших исследований общения, получающих все более широкое распространение в нашей стране, представляется, таким образом, необходимым осознание того места, которое занимает мотивированная и целенаправленная текстовая деятельность социальных субъектов, принадлежащих к разным уровням социальной организации общества, в социально-историческом процессе. Необходимо в перспективе изучить не только внутреннюю структуру этой деятельности, но и осуществляемую ею важнейшую социально-культурную и общественно-политическую функцию.

Все эти и смежные с ними проблемы и исследует семиосоциопсихология (как частный случай — лингвосоциопсихология). Предмет, понятийный аппарат и некоторые прикладные возможности этой дисциплины, рассмотренные в книге, требуют от нее, как отмечалось выше, опоры не только на знания о речи-языке, а соответственно и о знаковых системах вообще, но и на знания о человеке как активном, а значит, творческом субъекте двух ключевых видов деятельности: материально-практической и коммуникативно-познавательной.

Подведем некоторые итоги, перечислив наиболее важные, с нашей точки зрения, положения семиосоциопсихологической теории общения, развернутые в этой книге, а также выводы, получившие в ней либо теоретическое, либо эмпирическое обоснование.

1. Знаковое общение как исторически выработанная система способов транслирования особым, текстуальным образом организованной смысловой информации является не только весьма важным фактором формирования, но и одним из наиболее существенных компонентов механизма становления и развития общественной психологии как регулятивной основы социально-практической деятельности и социального поведения людей. Соответственно исследования феноменов знакового общения, составляющих объект семиосоциопсихологии, органически входят в социально-психологическую науку.

Данные экспериментально-эмпирического изучения семиосоциопсихологических процессов и соотнесение этих данных с результатами других научных работ, в той или иной мере касающихся исследуемой проблематики, позволяют не только обосновать предмет, понятийный аппарат и систему методов семиосоциопсихологии, но и сформулировать наиболее важные ее теоретические положения и выводы.

2. Существенным глубинным содержательным механизмом знакового общения является текстовая деятельность, включающая в себя действия порождения и интерпретации текстов (сообщений). Эти действия практически непрерывно совершаются субъектами, принадлежащими как к одному, так и к разным уровням социальной организации общества в ходе знакового общения, призванного в конечном итоге служить целям адекватного социального взаимодействия. Текстовая деятельность является, таким образом, универсальным содержательным социально-психологическим механизмом знакового общения, а значит, и компонентом комплексного механизма обмена материально-практической деятельностью между людьми.

3. Являясь видом духовного производства, текстовая деятельность, как и духовное производство в целом, уходит корнями в материально-практическую деятельность, целям которой она прежде всего служит, которой сопутствует и которую опосредует. Вместе с тем текстовая деятельность все более кристаллизуется в самостоятельный вид деятельности с завершенной психологической структурой. Независимо от того, идет ли речь о порождении или интерпретации текстуально организованной смысловой информации, этот вид деятельности социальных субъектов включает в себя все основные фазы предметного действия: ориентировочную, исполнительную и контрольно-коррекционную. При этом текстовая деятельность мотивируется не только извне (т. е. соотносится не только с мотивами материально-практического характера), но и «изнутри» самой этой деятельности — коммуникативно-познавательными намерениями общающихся субъектов. Указанные коммуникативные

намерения и составляют «предмет потребности», который может быть идентифицирован как «собственно коммуникативно-познавательный» (принадлежащий собственно общению). Цель текстовой деятельности — реализация вполне определенного содержательного замысла общения. Совершаемыми действиями при этом оказываются конкретные акты осмысления проблемной коммуникативной ситуации, существенного в ней, с применением мнестических средств (т. е. средств памяти), с одной стороны, и актуализирующие эти акты коммуникативно-познавательные операции с привлечением средств предсказания (выражения), т. е. с использованием конкретного языка (конкретной семиотической системы), — с другой. Предметная форма воплощения реализуемых в тексте как единице общения коммуникативно-познавательных мотивов и целей, способствуя завершенности психологической структуры текстовой деятельности, вместе с тем нередко обуславливает их ситуативный «отрыв» в пространстве и времени от актуальных целей материально-практической деятельности. Соответственно реализация содержательных целей текстовой деятельности не совмещается непосредственно с достижением их материально-практического результата.

4. Гипотеза о завершенности психологической структуры текстовой деятельности, хотя и представляется нам основательно подтвержденной в ходе настоящего исследования, тем не менее требует, на наш взгляд, специальной разработки и апробаций в ходе дальнейших семиосоциопсихологических исследований. Вопрос этот должен был бы заинтересовать также специалистов по общей, и в частности по возрастной и педагогической, психологии, поскольку его рассмотрение имеет непосредственное отношение к дальнейшему развитию метода поэтапного формирования умственных действий.

5. Сказанное выше представляется особенно существенным, поскольку социально-психологические исследования текстовой деятельности возможны лишь при последовательно «деятельностной» трактовке самого феномена текста в контексте диалектического сочетания личностного принципа с принципом единства сознания и деятельности. Таковой оказывается трактовка текста как единицы общения, а не как языковой единицы. Текст в качестве единицы общения представляет собой особым образом организованную содержательно-смысловую целостность. Он может быть определен как система коммуникативно-познавательных элементов, функционально, т. е. для данной конкретной цели (целей) общения, объединенных в единую замкнутую иерархическую содержательно-смысловую структуру общей концепцией или замыслом (коммуникативным намерением) партнеров по общению.

Социально-психологический (семиосоциопсихологический) анализ содержательно-смысловой структуры текста, при котором акцентируется факт включенности текстовой деятельности в систему социальной коммуникации и социального взаимодействия общественных субъектов, требует не только предметно-тематического, но и мотивационно-целевого

(информативно-целевого) подхода, ориентированного прежде всего на осмысление мотивов и целей коммуникативно-познавательной деятельности, реализуемых в тексте.

6. Эффективность текстовой деятельности в структуре общения, а значит, и социального взаимодействия обуславливается не только особенностями самой этой деятельности, протекающей в определенных конкретно-исторических условиях в контексте тех или иных жизненных обстоятельств, но и семиосоциопсихологическими характеристиками партнеров по общению. Существенными семиосоциопсихологическими характеристиками партнеров по общению являются уровень их коммуникативно-познавательных умений и перцептивной готовности, наличие навыков адекватного целям общения оперирования текстуально организованной смысловой информацией. Выступая как условный группообразующий социально-психологический признак, эта характеристика, определяемая в данной книге как уровень семиотической или, что то же самое, семиосоциопсихологической подготовки, зависит не только и не столько от принадлежности индивида к той или иной социальной или демографической группе, сколько от наличия социально-психологической подготовленности к знаковому общению. Как показывает практика внедрения методики информативно-целевого анализа текста в педагогический процесс, названная характеристика поддается формированию в ходе обучения.

7. Результаты комплексных экспериментальных семиосоциопсихологических исследований, подготовленных и проведенных как автором книги в целях апробации основных положений семиосоциопсихологической концепции общения, так и рядом других специалистов на материалах различных сфер социальной коммуникации, подтвердили основную исследовательскую гипотезу о том, что эффективность знакового общения, реализуемого на основе обмена действиями порождения и интерпретации текстов, в значительной мере обусловлена существованием, с одной стороны, условных группообразующих семиосоциопсихологических признаков (уровня семиосоциопсихологической подготовки, складывающегося из умений и навыков оперирования элементами смысловой информации в сочетании с перцептивной готовностью личности), влияющих на характер коммуникативно-познавательного поведения людей, и, с другой стороны, относительными — «интерпретационными» (социально-психологическим и) — характеристиками текстов как единиц общения, их различной информативностью, нередко обусловленной не только объективным конкретно-историческим контекстом общения, но и субъективными семиосоциопсихологическими (выявляемыми в экспериментах) характеристиками участвующих в диалоге субъектов.

Иными словами, объективная детерминация функциональной стороны и форм коммуникативно-познавательной деятельности, нуждами и нормами, выработанными в той или иной сфере социальной практики, в тех или иных конкретно-исторических условиях, не может устранить факта активной личностной вовлеченности людей в процессы текстопорождения и

интерпретации текстуально организованной смысловой информации. Этот факт внеситуационен и является, по-видимому, одной из важных закономерностей социального бытия человека.

8. Итоги проведенных экспериментов обнаружили весьма широкую распространенность ситуаций «смысловых ножниц», которые в самом общем виде могут быть описаны как ситуации возникновения смыслового «вакуума», вызванного несовпадением смысловых «фокусов» текстовой деятельности партнеров в ходе знакового общения.

Были выявлены три коммуникативные ситуации, в которых названный эффект имеет место: 1) несоответствие используемых в текстах языковых средств «языковым ресурсам», имеющимся в распоряжении адресата (неизвестные и потому лишённые необходимых ассоциаций имена собственные — персоналии, географические названия и т. д.; недоступные правильному пониманию адресата слова и выражения; слова и выражения, отличные по окрашенности в данном конкретном тексте от привычного (приобретенного в прошлом коммуникативном опыте) спектра окраски названных единиц; не информативные заголовки, превратившиеся в штампы сознания и воспринимаемые как провалы в информативном поле текста стереотипные речевые формулы); 2) несоответствие содержательно-смысловой структуры текста ее воплощению в речи, связанное обычно с неумением автора адекватно воплотить в тексте свой замысел; 3) особенности типа семиосоциопсихологической организации индивидуального сознания реципиентов, препятствующие в ряде случаев адекватному истолкованию содержащейся в тексте смысловой информации (пять из семи выявленных в экспериментах семиотических групп попадают в эту ситуацию «смысловых ножниц»). Очевидно, что перечисленные ситуации, накладываясь друг на друга, могут превращать названные «смысловые ножницы» в двойные и тройные.

«Эффект смысловых ножниц, являющийся, по-видимому, одним из факторов, препятствующих не только адекватному общению (достижению смысловых контактов), но и эффективному взаимодействию (обмену материально-практической деятельностью) между людьми, содержательному согласованию их совместных действий, чреват разобщением людей, разрывом значимых социальных связей. Необходимо также учесть, что неадекватные интерпретации — это неверно истолкованные научные концепции и искаженные литературные источники, это необоснованные решения и несогласованные действия, наконец, это простое отсутствие взаимопонимания между людьми.

Преодолению таких «ножниц» могли бы способствовать специальное обучение эффективной текстовой деятельности, выработка коммуникативно-познавательных умений, навыков и перцептивной готовности, необходимых для достижения смысловых контактов в общении, т. е. формирование высокого уровня семиосоциопсихологической подготовки индивидов.

9. Выделенная в качестве ключевой единицы семиосоциопсихологического анализа открытая (т. е. включенная в контекст определенного общественно-экономического уклада, сложившихся общественных отношений) динамическая коммуникативная система «текст—интерпретатор», где текст рассматривается как особый мотивированный и целеобусловленный способ иерархической организации субъектом смысловой информации для общения, органически включенный в социальное взаимодействие, в образ жизни людей, представляется в достаточной мере общей (универсальной). Это значит, что данные, полученные на основе изучения процессов, связанных с актуализацией названного отношения в одной сфере социальной коммуникации, релевантны и для других ее сфер, что подтверждается итогами семиосоциопсихологических экспериментов, проведенных рядом исследователей в различных сферах социальной коммуникации. Вместе с тем каждая сфера знакового общения, являясь детищем соответствующей сферы социальной практики, вносит свою специфику в характер такой актуализации. Эта специфика определяется исторически сложившимися в тех или иных сферах социальной практики формами реализации общественных отношений и связей в ходе взаимодействия социальных субъектов; социальной природой взаимодействующих субъектов, а также мотивами и целями их общения и взаимодействия.

10. Моделирование и исследование процессов, протекающих в рамках динамической открытой коммуникативной системы «текст—интерпретатор», открывающее перспективу построения социально-психологических типологий на обоих «полюсах» названного отношения (типологии текстов по критерию их интерпретационных характеристик, с одной стороны, и личностей — по критерию подготовленности к адекватной коммуникативно-познавательной деятельности — с другой), до сего времени не входило в компетенцию ни одного из существующих направлений обществоведческих исследований. Недостаточная «описательная сила» понятийного аппарата отдельных «общественных и гуманитарных дисциплин, в той или иной мере касающихся знакового общения, их отвлечение в одних случаях от субъектов, мотивов и социально-практических целей общения, а в других — преимущественная ориентация на средства (язык) общения, а не на содержательную сущность этого феномена (включая сведение текста к речи-языку) сделали актуальной задачу формирования нового направления социально-психологических исследований, ориентированных на изучение динамических, структурных и функциональных аспектов коммуникативных систем указанного типа. В таких системах, как отмечалось выше, текст исследуется прежде всего как реализуемый субъектом в той или иной проблемной коммуникативно-познавательной ситуации «образ» ориентировочных интеллектуально-мыслительных и исполнительных коммуникативных действий по его порождению, направленных в первую очередь на реализацию замысла общения, основного коммуникативного намерения, мотивирующего порождение именно

данного, а не какого-либо иного текста. Соответственно интерпретатор исследуется как активный субъект общения, чьи действия над текстом как объектом интерпретации и при порождении «встречного» или «производного» текста в ходе общения также мотивированы, ситуативны и целенаправленны.

Новое направление социально-психологических исследований, ориентированное на изучение динамических, структурных и функциональных аспектов коммуникативных систем типа «текст-интерпретатор», мы и назвали семиосоциопсихологией.

11. Семиосоциопсихология, как и социальная психология, представляет собой комплексную сферу теоретико-методологических и прикладных исследований. Она развивается с учетом достижений целого ряда наук об обществе, человеке, его сознании, общении и языке. Вместе с тем она располагает собственным предметом, метаязыком, понятийным аппаратом и системой прикладных и экспериментальных методик, отвечающих целям и задачам этого направления социально-психологических исследований знакового общения.

12. *Семиосоциопсихология изучает знаковое общение как процесс обмена текстуально организованной смысловой информацией между социальными субъектами (личностями, группами и иными социальными общностями).* Такой обмен, по всей видимости, не только обуславливает процесс духовного производства, но прежде всего служит фактором реального и эффективного взаимодействия, т. е. адекватного поставленным целям обмена материально-практической деятельностью в процессе актуализации межличностных, внутри- и межгрупповых социальных связей на всех уровнях социальной организации общества. Предметом семиосоциопсихологических исследований являются социально-психологические закономерности, присущие процессам обращения смысловой информации в рамках открытых динамических коммуникативных систем типа «текст—интерпретатор», их динамические, структурные и функциональные аспекты. Соответственно исследованию подлежат наиболее типичные способы реализации субъектами коммуникативно-познавательных намерений в ходе знакового общения; процессы, связанные с коммуникативной мотивацией и целеполаганием в рамках «текстопорождающей» и «текстоинтерпретирующей», шире — текстовой деятельности субъектов, принадлежащих как к одному, так и к разным уровням социальной организации общества; умения и навыки мотивированного и целенаправленного знакового общения, предполагающего обмен не только идеями, знаниями и представлениями, впечатлениями и эмоциями, ценностями, нормами, образцами поведения и деятельности, но и самой деятельностью между людьми. Таким образом, *семиосоциопсихология исследует социально-психологические механизмы внедрения текстуально организованной смысловой информации в общественную практику, в культуру, в общественное сознание; роль и место текстовой деятельности в актуализации и развитии общественных отношений, опосредуемых знаковым общением во всех своих звеньях.*

13. Данные экспериментально-эмпирического изучения семиосоциопсихологических процессов и соотнесение этих данных с результатами других научных работ позволяют совершить переход от частных концептуальных моделей процессов знакового общения, протекающих в рамках коммуникативных систем типа «текст—интерпретатор», основанных на представлении о практически непрерывно меняющихся ролях авторов текстов и истолкователях последних, к фундаментальной эвристической системной модели социально-психологических процессов, связанных с коммуникативно-познавательной деятельностью индивидов и групп.

Такая модель, связывающая уровни общей системы сознания конкретно-исторической эпохи, позволяет обсудить в ее рамках и на ее основе вопросы: о месте интеллектуально-мыслительной и коммуникативно-познавательной деятельности социальных субъектов в общей системе человеческой деятельности; об опосредованных текстовой деятельностью взаимосвязях и взаимовлияниях психической и актуально-практической деятельности; о путях раскрытия закономерностей включения мышления в механизмы социального взаимодействия, а через них и в социально-культурные процессы.

Системный анализ практического сознания как многоуровневого конкретно исторического феномена дает возможность проследить пути взаимного обогащения личностного и общественного сознания в ходе знакового общения, выявить направления происходящих там процессов.

Очевидно, что при изучении путей и средств преобразования индивидуальных знаний, идей и представлений в общественное достояние, равно как и способов превращения общественного опыта в индивидуальный (не только непосредственно в материально-практической, но и в коммуникативно-познавательной деятельности личностей и групп), затрагивается одна из существенных сторон содержательного механизма общественной динамики. Представляется, что, изучая сущность процессов, связанных с коммуникативно-познавательной деятельностью людей, т. е. с обменом действиями порождения и интерпретации текстуально организованной смысловой информации, семиосоциопсихология сможет не только сделать ценные наблюдения относительно становления тех или иных норм, ценностей и идеалов, образцов деятельности и поведения, но и в известной мере прогнозировать эти процессы. Последнее особенно актуально в эпоху научно-технической революции, создавшей предпосылки для глубоких изменений во всех областях материальной и духовной жизни и предъявляющей все возрастающие требования к эффективности духовного производства с учетом относительной самостоятельности и активности надстроечных явлений общественной жизни.

Акты установления смысловых контактов формируют, как представляется, существенную сторону социального взаимодействия вне зависимости как от того, идет ли речь о взаимодействии личностей с отдельными личностями, группами или массами людей, так и

от того, в какой именно сфере социальной практики это происходит. Именно поэтому совершенствование культуры знакового общения отвечает самой природе научного управления в условиях развитого социализма, когда разного рода управляющие информационные воздействия на мировоззрение, а значит, и на поведение и деятельность людей посредуются актами общения, предполагающими осмысленное восприятие управленческих идей. В этой связи хотелось бы отметить, что в сфере общественной психологии скрываются, по-видимому, немалые резервы для реального сближения социальных слоев и групп. Использованию этих резервов может с успехом служить, в частности, совершенствование знакового общения также и во всех звеньях педагогического процесса, весь ход которого призван формировать умения, навыки и установки, отвечающие нормам социалистического образа жизни.

Семиосоциопсихология делает пока только первые свои шаги. Ей еще предстоит решить множество насущных задач. Одной из таких задач представляется дальнейшее прокладывание путей в разноаспектную социально-психологическую типологию текстов через тщательное изучение как порождающего, так и интерпретирующего текста личностного сознания, через выявление отдельных существенных признаков, детерминирующих ведущее прагматическое свойство текста — его информативность. Семиосоциопсихологии следовало бы также рассмотреть множество вопросов, связанных с местом и ролью языковых средств в процессе социального управления через коммуникацию. Разобравшись в типах текстов, различных по своему назначению, следовало бы подойти к изучению разных способов организации содержательно-смысловой структуры текстов, исходя из ее «глубины», представленности-непредставленности тех или иных коммуникативных (семантико-смысловых) блоков, порогов «рассеяния» элементов текста, несущих основную смысловую нагрузку и пр. Только ориентируясь на цели общения, на вполне определенное восприятие и интерпретацию текста, на выполнение им весьма существенной информативно-целевой функции, можно разобраться в роли языковых средств как способствующих или препятствующих выполнению текстами их предназначения.

Нуждается также в дальнейшей разработке и апробации гипотеза о завершенности психологической структуры текстовой деятельности. Требуют детальных теоретических и экспериментальных исследований механизмы ее внутренней и внешней реализации.

Все это предполагает дальнейшую отработку категориального аппарата, позволяющего на основе диалектического сочетания личностного принципа с принципом единства сознания и деятельности сводить в единую содержательную систему «предметные плоскости», характерные для разных подходов к изучению общества, личности, сознания, общения и языка. Это также означает необходимость углубленного анализа законов и конкретных способов смыслового восприятия и интерпретации текстов в ходе общения, для чего следовало бы продолжить

изучение особенностей использования в текстовой деятельности средств, выработанных в различных подсистемах естественного языка и иных семиотических системах, создать соответствующие частотные словари, организованные по принципу словарей-тезаурусов.

Требуют специальных исследований вопросы генезиса и становления социально-психологических групп вообще и условных семиотических групп в частности. Следовало бы продолжить поисковые исследования с целью выявления особенностей личностного сознания представителей этих групп. Не исключено, что неосознанный (некритичный) перенос приемов творческого мышления на речевые формулы (по мере приобщения к языку) или любые другие знаковые структуры чреват своей противоположностью — мышлением языковыми шаблонами, что требует специальной профилактики в процессе обучения уже на школьной скамье.

Особый интерес в этом смысле представили бы, по-видимому, многоступенчатые исследования интерпретаций, полученных на выборках текстов, репрезентирующих разнообразные сферы материально-практической, культурно-информационной и идеолого-политической деятельности. Анализ интерпретаций не только оригинальных источников, но и тех, которые одни социальные субъекты дают интерпретациям тех же источников другими социальными субъектами, позволил бы изучить повторяющиеся способы преобразования содержательно-смысловых структур текстов в процессе коммуникативно-познавательной деятельности, выявить степень контекстуальной обусловленности таких преобразований, а также установить закономерность последних применительно к тем или иным конкретно-историческим ситуациям. Изучение характера таких интерпретаций и способов их нормирования (канонизации), т. е. превращения в нормативные суждения, представляется единственно верным методом исследования не только путей формирования общественного мнения по тем или иным конкретным вопросам, но и механизмов становления социально-культурных ценностей и норм.

Разумеется, все это предполагает дальнейшую отработку понятийного аппарата и методов семиосоциопсихологии, совершенствование процедур тестирования, уточнение критериев отбора тестовых материалов и оценки полученных итогов. Наконец, и это главное, необходимо тесное «междисциплинарное» содружество специалистов самых разных областей знаний о человеке и обществе, поскольку любое социально-психологическое исследование междисциплинарно по своей природе.